

18+

народный журнал

ISSN 0131-6044
9 770131 604002
>

РОМАН ГАЗЕТА

2017 №18

Кот в лабиринте / Современный рассказ

90
лет

РЕБАНЕ Хелью Яновна

Родилась в Таллине в семье университетского профессора философии и учительницы русского языка. Окончила Тартуский университет. Училась в аспирантуре МГУ. Работала преподавателем в университете, научным сотрудником в ИПУ АН СССР. С 1985-го занимается только литературным трудом.

Первый сборник рассказов выпустила на эстонском языке в 1985, на русском — в 1988 («Выигрывают все»). Наибольшую известность принесла писательнице повесть «Город на Альтрусе» (2011). Постоянный автор журнала «Юность». Автор книг: «Аристарх и ручная бабочка» (2007), «Сон у моря. Стихи» (2001), «Кот в лабиринте» (2016), «Публичное сокровище» (2017).

Вошла в список лучших авторов Рунета. Премия журнала «Точка Зрения» (2007). Золотой фонд премии «Народный писатель 2013». Диплом конкурса «Лучшая книга 2014–2016». Номинирована на соискание премии «Поэт года» (2015).

Живет в Москве.

РОЩИНА Екатерина Борисовна

Родилась и живет в Москве. Окончила Московскую Академию печати, работала редактором, копирайтером, журналистом.

Сотрудничает с газетой «Вечерняя Москва». Рассказы, опубликованные в этом сборнике, написаны для серии «Житейские истории» газеты «Вечерняя Москва». Колумнистка.

Редактор-составитель журнала «Детская Роман-газета».

Член Московского Союза журналистов.

Автор сборника рассказов и повестей «Щучья@ксень» и романа «Возвращайся по первому снегу».

Международная литературная премия им. Ф. М. Достоевского

1. Международная литературная премия им. Ф. М. Достоевского учреждена с целью поддержки и дальнейшего продвижения за рубежом произведений, в которых добро и зло, временное и вечное, родное и вселенское с неоспоримым художественным достоинством отражено в реалиях современного мира.

Учредителем премии является Межрегиональный общественный фонд нравственного и патриотического воспитания «Родное пепелище» (который выступает еще и в качестве литературного агента), при непосредственном участии АНО Литературно-художественный журнал «Вертикаль. XXI век», при информационной поддерж-

ке АСКИ (Ассоциации Книгоиздателей России).

2. Премия присуждается авторам, опубликовавшим свои произведения на русском языке. Это могут быть романы, повести, сборники рассказов, изданные как в России, так и за рубежом не ранее 2010 года (если изображаемое в них не утратило актуальности и отвечает вышеозначенной цели) и не позднее 20 мая 2017 года.

3. Премия состоит из денежного вознаграждения, диплома и дальнейшего заключения агентского договора на продвижение произведения за рубежом.

4. Жюри премии формируется организаторами премии и состоит из пяти человек.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белюкин

Юрий Бондарев

Семен Борзунов

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Юрий Коннов

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный
редактор

Елена Русакова

В оформлении
использованы

фрагменты картин

Рене Магритта

Права
на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2017

Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
www.gazety.ru

Подписные
индексы издания:
в каталоге агентства
«Роспечать»

70782 на полугодие,
71752 на год;

в объединенном
каталоге
«Прессы России»

38915 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почты России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

2017 №18 /1790/ Основана в 1927 г.

Кот в лабиринте

Современный рассказ

Хелью РЕБАНЕ

МЫШЬ

Сначала я за ней ничего такого не замечал. Она вела себя вполне предсказуемо. Странности начались приблизительно через год. Стоило мне подумать, куда установить курсор, как за мгновение до моего действия он сам прыгал именно туда. Словно моя компьютерная мышь, как бы это точнее сказать... предугадывает мои намерения.

Однажды ночью, когда мне не спалось, я встал и включил компьютер.

Только я собрался кликнуть курсором по нужному мне файлу, как этот файл услужливо открылся сам. Могу поклясться, что кликнуть я ещё не успел.

Я строго посмотрел на мышь. Самая обыкновенная недорогая компьютерная мышь. Светло-серая. С колёсиком прокрутки между клавишами.

— Мыши, это ты бузишь? — зачем-то спросил я. — Признавайся.

Но не на ту нарывался. Она невинно лежала передо мной на своём коврике, не давая никаких признаков жизнедеятельности. Свет настольной лампы ярко освещал её.

— Слушай, — сказал я ей (на всякий случай, чтобы не думала). — Я всё понял. Кого ты за дурака держишь? Подмигни хотя бы, что ли...

И что вы думаете? В тот же момент на экране монитора всё замигало, задрожало... Я тоже вздрогнул. Через мгновение понял, что это установилась связь с Интернетом — в этот момент у меня на экране всегда всё начинает трепетать...

Я даже оторопел, соображая, когда же успел кликнуть на подключение к сети? Не было этого... Или было?

Я снова сурово посмотрел на неё.

— Вот что, дорогая, — громко произнёс я, и мне стало жутковато от звука собственного голоса, странноозвучавшего в ночной тишине. — Ты как хочешь, а я пошел спать. Мне, между прочим, высаться надо. Не только работать.

В этот же миг экран монитора погас, настольная лампа тоже. Я оказался в полной темноте.

— Ну и что, — произнёс я через некоторое время. Зачем-то — вслух. — Просто отключили электричество... Или пробки перегорели.

Я добрался на ощупь до кровати и лёг.

«Надо же... Так переутомиться, — подумал я, засыпая. — Ведь на полном серьёзе с ней разговариваю... Удивительно... какие бывают совпадения... Я ей... а она мне... Пробки перегорели... пробки».

Проснулся я от странного ощущения. Как будто по моему лицу провели чем-то пушистым. Открыл глаза. В темноте очертания мебели и компьютера на столе казались почти чёрными.

Что же это могло быть? Словно... мышь по лицу пробежала. При этой мысли я подскочил как ужаленный — мышь?! Здесь, на пятом этаже??? Но что это тогда было? Я протянул руку и щёлкнул выключателем. Свет зажёгся. Значит, дело не в пробках... просто электричество отключали.

Я лежал, стараясь не смотреть в сторону письменного стола. В её сторону (чтобы не думала).

И всё-таки не выдержал и через некоторое время осторожно покосился...

О ужас! — мыши на столе не было!

«Да ладно тебе, просто отсюда её не видно», — успокоил я себя.

Но, чтобы убедиться, встал и подошёл к столу. Обнаружил её за монитором и облегчённо вздохнул.

«Минуточку... А там она как оказалась? Главное — зачем?» Я никогда её туда не кладу, лежит как у всех, перед клавиатурой.

— Послушай, — миролюбиво сказал я, водружающей её на место. — Послушай, мышь. Давай договоримся. Я — человек. Ты — мышь. Конечно, нам трудно найти общий язык. Понять друг друга...

Тут я осёкся, потому что сообразил: она меня очень даже хорошо понимает. Предугадывать желания — это далеко не каждый человек сможет.

Это я, я её плохо понимаю... Точнее, совсем не понимаю.

— Ты не думай... — поспешил я растолковать ей свою позицию. — Я ценю тебя. Твои способности. Твою услужливость. Я готов даже признать, что ты в чём-то умнее меня, хотя я — человек, а ты всего-навсего — мышь. Компьютерная, конечно, но мышь... Как ты думаешь, чего я хочу сейчас больше всего, а? Правильно — я хочу спать. Так почему же ты не даешь мне заснуть?

Она продолжала с невинным видом лежать передо мной на столе, в свете лампы. Такая маленькая, удобная, с плавными округлыми формами. Я вздохнул, сел за стол и... включил компьютер. Всё тот же файл открылся на секунду раньше, чем я успел кликнуть по нему. Я машинально прочёл примечание под заголовком: сдать редактору 2 августа. «Время ещё есть, — подумал я, — завтра первое...» Вдруг курсор самостоятельно переместился в правый нижний угол экрана монитора и вывел выплывающее окно календаря с крупными буквами: Saturday, August 03...

* * *

Послушай, мышь. Не прикидывайся глухой. Как ты думаешь — я могу всегда всё и всех понимать правильно? Ведь я — всего-навсего человек...

Прости, а?

КОТ В ЛАБИРИНТЕ

На третий сутки я понял, что окончательно заблудился, и сел на стул в одной из этих бесчисленных, совершенно одинаковых маленьких комнат.

Трудно признаться себе в собственной глупости, но я уже сожалел, что столь легкомысленно подписал договор, содержащий условие «клиент согласен провести в лабиринте сколько угодно времени». И, мало того — организаторы аттракциона «Лабиринт» ответственности за мою жизнь не несут.

Впрочем, такая расписка берется в опасных случаях всегда. Например, когда прыгаешь в пропасть на эластичном шнуре. Знаю, прыгал не раз.

Лабиринт был монотонно однообразен. Из каждой комнатки выходили в разные стороны три раздвижные двери, в углу стоял деревянный стул, в нише в стене — бутыль с водой и пакет с сухим пайком. Комнаты были стерильно чисты и без потолка. Высокие гладкие стены. Днем в ясную погоду сияло солнце, ночью мерцали звезды. Почти дом, но без крыши.

Конечно, мое положение было далеко не таким ужасным, как у тех, кто заблудился в подземных пещерах, но я обнаружил, что в некоторых комнатах паек съеден. Только скомканная обертка валялась в нише. Значит, там я уже был. Запасы не пополнялись.

То, что при входе в лабиринт у меня забрали часы и мобильный телефон и теперь я вел счет времени по солнцу, по наступившей вдруг ночи, вначале приятно щекотало нервы.

Комнаты с крышей, спальни, здесь все же встречались. Там можно было переночевать на узкой кровати, где ждали стопка чистого постельного белья, одеяло и подушка. Железные угловатые ножки кроватей были почему-то накрепко привинчены к полу. Почему, я понял позже. То тут, то там встречались идеально чистые туалетные комнаты. Без окон, с большими зеркалами и стерильно чистыми унитазами. Какой сервис! И сколько средств ухлопали владельцы на «аттракцион»!

Будь у меня с собой ручка и бумага, я бы начал составлять карту лабиринта. Или хотя бы клубок ниток или веревка. Я бы отметил свой путь...

При входе в лабиринт меня попросили переодеться. Мою одежду повесили в шкаф и выдали синий спортивный костюм, в котором я теперь в лабиринте и блуждал. От отчаяния в какой-то момент я этот костюм воспринял даже как некую подсказку: из лабиринта можно выбраться проще — вскарабкаться вверх по стенам. Но стены были гладкие, ров-

но такой высоты, что я даже со стула не мог дотянуться до верхнего края. Пробовал ставить стул на стул — конструкция опрокидывалась.

Находился «аттракцион» за городом. По пути сюда я проехал самую окраину города, видел поблизости пустующие прилавки рынка, а рядом со входом в лабиринт уже шумел мрачный лес. «Ну да, на отшибе земля дешевле. Поэтому они построили свой лабиринт здесь», — подумал я тогда одобрительно.

...Сначала всё казалось безобидной шуткой. Заплати — и можешь проверить свою изобретательность, выживаемость. Не надо ехать на полюс, в пустыню, пересекать в одиночку океан на утлом суденушке. Надо всего лишь найти выход из лабиринта.

Но вскоре с лабиринтом стало происходить нечто странное. Я вдруг попал в комнату, из которой было не три, а только два выхода. Я удивленно уставился на стену. Оказывается, раздвижная дверь плотно въехала в нее, образовав вместе со стеной единую сплошную поверхность. Я уже там был — в нише лежала только обертка от пайка.

То, что они по ходу дела меняют правила игры (а как это еще можно назвать?), мне очень не понравилось.

Прошло еще два или три дня. Я наткнулся на комнату, в которой была всего одна дверь. Входная. Тупик. Меня лишили выбора — я мог только повернуть назад. Сюда я пришел уже в третий раз — с некоторых пор я стал отмечать те комнаты, где был дважды, двумя кусочками обертки от пайка. Два обрывка обёртки и лежали в нише.

Вот теперь мне стало по-настоящему не по себе. Мне вспомнилось, как меня спросили: «Вам нужны острые ощущения? Это мы вам обещаем. Но больше не гарантируем ничего».

А что, если вокруг меня вдруг закроются все двери? Кроме того, меня стала преследовать навязчивая мысль, что в договоре был пункт, по которому «в случае гибели клиента все его имущество отходит владельцам «аттракциона». Полный бред. Я — деловой человек, хотя и одинокий, я никогда бы на такое не подписался! Но почему-то время от времени у меня внутри холодело: был, был там такой пункт.

Где-то на десятый день моих блужданий я увидел его. И, вздрогнув от неожиданности, отпрянул.

Серый, вполне благополучный кот появился в дверях, когда я вошел в очередную безлинюю комнатку, и, как ни в чем не бывало, попытался потрепеться о мои ноги. На галлюцинацию он определенно не был похож.

— Котяра, — сказал я, и мой голос показался мне после долгого молчания чужим. — Ты-то как здесь оказался?

Кот задрал голову, посмотрел мне доверчиво в глаза и мяукнул.

Я бросил взгляд вверх — туда, где виднелся квадрат дневного, пасмурного неба, и понял — он бродил по широкому верхнему краю стены, в какой-то момент не удержался и свалился вниз.

Но он хотя бы упал. А я пришел сюда добровольно. От скуки. Бизнес мой шел хорошо, на досуге я объездил весь мир, и мне все уже порядком надоело. И вдруг эта реклама в газете:

«ЛАБИРИНТ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ОСТРЫХ ОЩУЩЕНИЙ».

Для любителей острой безысходности, уточнил бы я теперь.

— Эх, котяра, — сказал я, протягивая коту смоченный в воде сухарь, — как же я тебе рад! Не покирай меня.

От сухаря кот поначалу отказался, но следовал неотступно за мной по пятам, а на ночлег сворачивался калачиком у меня в ногах или ложился мне на грудь и тихонько мурлыкал.

Время шло, и мое положение становилось все более плачевным. Все более длинный путь надо было пройти, чтобы найти наконец нераспечатанный пакет с едой и бутыль с водой — во всех нишах валялись лишь разорванные скомканые обертки, а вода была мною выпита. Я перестал искать выход, я искал еду.

Кот следовал за мной в неизменно благодушном настроении. И наконец тоже привык есть сухари.

«Ты этого хотел? — спрашивал я себя перед сном. — Хотел экстрема? Ну так получай!» Я напрягал память, чтобы дословно вспомнить текст договора.

И как-то раз, утром, проснувшись в одной из «спален», я вспомнил сон, приснившийся ночью: очаровательная блондинка выхватывает у меня из рук бумаги, которые я читаю, и растворяется в темноте. Вот оно! Теперь я отчетливо вспомнил, как происходило подписание договора. Последнюю страницу я вообще не дочитал. Сейчас перед моим мысленным взором возникли только стройные ноги секретарши. Девица в мини-юбке вошла в кабинет менеджера как раз тогда, когда я приступил к последней странице. Страница начиналась со слов: «В случае смерти клиента все его имущество отходит фирме». Нет, мне это *не* казалось. Я подписал, не дочитав. Чтобы не выглядеть буквоядом в глазах красивой женщины. Cherchez la femme... Теперь понятно. Я просто-напросто умру здесь от голода и жажды и сам буду в этом виноват.

Я встал на стул в ближайшей комнатке под открытым небом и начал громко кричать: «Достаточно! Выпустите меня отсюда! Помогите!».

Мои вопли не возымели никакого действия. Да и кто мог меня услышать?

...Это случилось, когда я задремал, сидя на стуле. В этой комнатке я был уже трижды — в нише лежали три клочка бумаги. Кот свернулся калачиком у меня на коленях. Когда я очнулся, то сразу почувствовал, что что-то изменилось. О, ужас! — все двери плотно въехали в стены. Я оказался в ловушке. Без еды и воды.

— Прекратите игру! — крикнул я в отчаянии в пространство над головой. У меня еще теплилась наивная надежда, что теперь, признав мое поражение, меня выпустят.

...Смеркалось. Накрапывал дождь. Я, как прикованный, сидел на стуле. Кот вскарабкался мне на колени.

Так прошло двое или трое мучительных суток — у меня от жажды стало путаться сознание. Я промок и простыл. В каком-то бреду то приходил в себя, то засыпал. Будил меня каждый раз кот. Он метался по комнатке и мяукал. Если бы мне хотеликазать помощь, то давно уже оказали бы. «Теперь ясно, почему лабиринт на отшибе», — крутилось у меня в голове. Кот мяукал все громче и жалобнее.

— Нам конец, хотяра, — хрюплю произнес я. — Ничем не могу тебе помочь.

Но всё же заставил себя встать, стащил с себя куртку и тренировочные штаны, связал их вместе за рукав и штанину и попытался забросить другой конец самодельного каната вверх, за край стены. Но «канат» не доставал. Но даже если бы достал и изрядно похудевший кот полез бы по нему, то тут же свалился бы обратно под собственной тяжестью.

«Нужен груз. И нужно удлинить канат». Ничего, кроме стула, в моей западне не было. Но у меня не хватило бы сил забросить стул так высоко.

После нескольких ударов о стену стул наконец треснул и мне удалось выломать спинку стула вместе с одной ножкой. Я разодрал штаны и куртку, и у меня получился намного более длинный канат. Осталось привязать его к спинке стула. Много раз бросал я эту спинку одной правой рукой вверх, придерживая конец каната левой, пока наконец не сообразил привязать его к левой руке. Двумя руками я справился сразу. Спинка стула перелетела через верхний край стены и повисла с обратной стороны. Она тугонатянула «канат».

— Прошай, хотяра, — прошептал я коту, подсаживая его высоко на «канат», плотно прижатый к стене.

Он ловко вскарабкался по нему вверх и мигом оказался на краю стены. Я упал на бетонный пол и потерял сознание.

* * *

...Наверху, на краю стены, сидел мой кот. Рядом с ним виднелась чья-то голова и кто-то произнес:

— А мы-то думали, что это кот так мяукает? Поплезли его снимать, а тут вон что... Человек.

АРИСТАРХ И РУЧНАЯ БАБОЧКА

Он заметил ее уже издалека.

Бабочка сидела на тропинке, по которой Аристарх шёл домой. Огромная, размером с его портфель, яркая, как хвост павлина, она сидела на его пути, полурастягивая крылья. Сначала он замер от нео-

жиданности, а потом начал на цыпочках подкрадываться к ней.

Но она и не думала улетать. Даже когда на нее упала тень крадущегося Аристарха, пресколько продолжала сидеть, преграждая ему дорогу.

Позже, возвращаясь мыслями к этому моменту, он вспомнил, что именно тогда у него на мгновение промелькнуло странное чувство, что она заигрывает с ним.

Но она вдруг сложила крылья, отчего у неё стал покорный и беззащитный вид. Казалось, она говорила: «Бери меня, я вся в твоей власти».

Аристарх очень осторожно взялся за сложенные крылья обеими руками. Она не шелохнулась. Спокойно повисла в его руках, словно у нее отсутствовал инстинкт самосохранения. «Ручная», — подумалось Аристарху.

На следующий день на работе, в конструкторском бюро, все просто обомлели, когда посреди общего тихого разговора неожиданно раздался громкий голос Аристарха:

— Ребята, кто знает, что едят бабочки?

Особенно потрясло коллег обращение «ребята», столь не свойственное Аристарху. Он всегда сторонился сотрудников. Первым в разговор вступать стеснялся. Когда кто-то обращался к нему, у него начинали краснеть краешки ушей, а при более длительном разговоре уши становились пунцовыми. Даже походка у него была странная — он прижимал вытянутые руки к бокам, словно боясь ими кого-нибудь зацепить.

— Капусту, наверное, — предположил наконец кто-то из коллег, не подозревая о том, какую непростительную ошибку совершают.

Представив свою красавицу сидящей на кочане капусты, Аристарх надолго умолк, помрачнел, а с этим хамом перестал здороваться. В тот же день после работы он зашел в библиотеку и, порывшись в справочниках, выяснил, что бабочки питаются цветочным нектаром, которого в продаже конечно же не бывает.

Цветы для нее он покупал регулярно, причем в больших количествах. Выяснив, что она предпочитает, а бабочка, увы, предпочитала очень дорогие розы, Аристарх таскал их домой охапками.

Вечерами он, сидя на диване, с умилением наблюдал, как она подлетает к букету роз, стоявшему неизменно в огромной напольной вазе, опускается на него и, вцепившись в лепестки своими лапками, запускает в сердцевину цветка свой очаровательный хоботок. Точнее — носик, так называл его Аристарх.

Розы зимой — дорогое удовольствие, и Аристарху пришлось договориться с начальником соседнего отдела о дополнительной работе.

В ноябре выпал снег, за ним пришли холода. Аристарх с тревогой наблюдал за бабочкой. С работы он мчался домой сломя голову; каждый раз, затаив дыхание, с замиранием сердца открывал дверь,

боясь увидеть свою красавицу уснувшей, как это бывает зимой с другими бабочками. И облегченно вздыхал, видя ее на тюле под самым карнизом для штор, слегка покачивающей крылышками, будто приветствуя его. Ей, правда, и в голову не приходило подлететь к нему. Продолжала себе преспокойно висеть на своем излюбленном месте, вцепившись лапками в тюль, напоминая огромный яркий китайский веер. Но он верил, что когда-нибудь это непременно произойдет.

В угоду бабочке Аристарх поменял старый тюль на новый, дорогой и современный, и вымыл окна до зеркального блеска.

Она на удивление покорно позволяла брать себя за сложенные крылья и переносить с места на место.

Вскоре сослуживцам стало бросаться в глаза, какая разительная перемена произошла с Аристархом. Он стал хорошо, даже элегантно одеваться, вмешиваться (правда, как правило, невпопад) в общую беседу и производил теперь впечатление человека, пребывающего постоянно в приподнятом настроении, почти в экзальтации. О чем бы ни зашел разговор, Аристарх умудрялся перевести его на цветочную тему, сетуя то на рост цен в цветочных магазинах, то на отсутствие у импортных цветов аромата, либо рассуждая, «надо ли привозить цветы из Голландии, если можно вырастить более питательные цветы в местных теплицах». Эти «питательные» цветы стали среди сотрудников притчей во языщах. За его спиной шушукались, хихикали, повторяя: «Питательные цветы».

Ближе к Новому году коллеги узнали, что Аристарх приобрел в кредит квартиру в старом городе и занимается ее ремонтом. В отделе начались разговоры про ремонт, вопросы-намеки, что неплохо бы пригласить сослуживцев в гости, на новоселье. Аристарх при этом оживлялся, расцветал, обещал, что непременно пригласит, и даже обмолвился, что у него есть для них сюрприз.

«Он угостит нас питательными цветами», — ехидничали сотрудницы.

Ремонт длился всю зиму. Аристарх нервничал, хорошо ли живется бабочке в снятой на это время дешевой квартире на окраине. Но она и там первым делом вцепилась в кружевной тюль на окне, охотно питалась нектаром из лепестков роз и спокойно переждала переезд в новую квартиру.

Правда, в новых апартаментах возникла проблема. Высота потолков здесь была три с половиной метра, и, когда бабочка воцарилась на тюле под карнизом, Аристарх не смог дотянуться до нее с табуретки. Он долго стоял у окна, задрав голову и уговаривая ее слететь пониже, но она и не подумала взять его мольбам.

Пришлось купить стремянку, которую бабочка расценила, по-видимому, как забавную игрушку. Терпеливо выждав, пока Аристарх, громыхая, установит и взберется по ней, красавица упорхнула в тот самый момент, когда он, стоя на последней ступень-

ке, протянул к ней руку, приговаривая: «Иди сюда, моя хорошая».

А на улицах уже журчали ручьи, разливались лужи и мартовское солнце грело так обнадеживающе. К празднику Аристарх раздобыл изумительно красивые и ароматные розы, выращенные каким-то местным садоводом. Бабочка охотно подлетела к букету и с явным удовольствием стала пить нектар.

Счастливый Аристарх с умилением наблюдал за этой действительно высокоэстетичной картиной. Пора было звать коллег на новоселье, потрясти и их эстетические чувства.

Сначала гости в полном восторге осмотрели все комнаты квартиры, кроме той, где, как пообещал хозяин, их ожидает сюрприз. Накрытый и сервированный по случаю торжества стол вызвал восхищенные отзывы коллег. Аристарх сиял и вел себя на удивление раскованно.

— Сюрприз, хотим сюрприз! — начали требовать захмелевшие к концу вечера сотрудницы.

Хозяину пришлось в очередной раз залезть на стремянку, чтобы достать бабочку, но, когда он вернулся в гостиную, держа ее за сложенные крылья, все ахнули и умолкли.

Он торжественно выпустил ее, и она, верная своим вредным замашкам, покружив по комнате, подлетела к карнизу и вцепилась в тюль. Но, словно кокетничая, не стала складывать крылья, а широко распахнула их, выставляя свою красоту на всеобщее обозрение.

«Ты, моя умница», — мысленно похвалил ее Аристарх.

— Какая красота! — зашумели коллеги, перебивая друг друга. — Где ты раздобыл это чудо?

— Она сама прилетела ко мне, — гордо сказал Аристарх.

Ему не очень поверили, но, безусловно, все были просто в восторге.

Подвыпившие гости, в отличие от Аристарха, все были курильщиками. Гостеприимному хозяину пришлось разрешить им курить в кухне. Кто-то из них решил проветрить квартиру. И тут случилось непоправимое. Бабочка отцепилась от тюля, взмыла сначала под потолок, а потом вдруг повернула в сторону распахнутого окна и — никто глазом не успел моргнуть — улетела...

Напрасно сотрудницы уговаривали Аристарха не переживать: «Не бери в голову! Ей же надо было где-то перезимовать!» Он был совершенно убит.

На следующий день мрачный и молчаливый Аристарх подал заявление об увольнении по собственному желанию.

* * *

...Много лет спустя один из его бывших сослуживцев случайно наткнулся в газете на заметку об открывшейся в Цветочном павильоне в Пирита выставке «Бабочки в современном мире», где «экспонируется коллекция бабочек, собранная парижани-

ном эстонского происхождения, Аристархом К.». Новость незамедлительно облетела весь коллектив, в котором раньше работал коллекционер. Коллектив этот за десять лет практически не изменился. Разве что проводили на пенсию одну вечно брюзжащую пожилую даму и приняли на ее место юную восторженную девушку.

В выходные коллектив в полном составе отправился на выставку.

Уже у входа в выставочный зал они увидели Аристарха, который за прошедшие годы скорее помолодел, чем постарел. Он стоял в смокинге с черным галстуком-бабочкой в центре зала. Слева и справа, держа его под руки, на нем повисли две длиннющие, худющие блондинки. Аристарх что-то деловито объяснял им и подходящим к нему знакомым и незнакомым посетителям выставки.

Везде, на стенах и стендах, на стеллажах и витринах, красовались засушенные бабочки, с аккуратно расправленными крыльями и приколотые к подложкам в застекленных коробках. Умопомрачительная красота и разнообразие коллекции потрясли всех.

В кулуарах выставки поговаривали, что Аристарх уже давным-давно сколотил свой первый миллион, а сейчас его состояние не поддается точным оценкам, но известно, что живет он в шестнадцатом округе Парижа, что, конечно, ничего не говорило непарижанам, зато интонация, с которой произносились эти слова, сказала всё.

Увидев бывших коллег, Аристарх вальяжно подошел, потряс каждому руку и, весело подмигнув новенькой сотруднице, спросил:

— Ну, как вам выставка?

Как ни странно, в этой обстановке его фамильярное поведение, явно выходящее за рамки приличий в общепринятом в местном бомонде понимании, сошло с рук и даже придало ему дополнительный шарм.

— Ну, Аристарх, ты мочь, — сказал его бывший начальник. — Может быть, завтра вечером устроим в твою честь сауну?

— Увы, завтра в это же время я уже буду лететь в самолете в Хельсинки, а оттуда в Токио, — улыбнулся Аристарх. — Открываю там небольшой музей бабочек.

— У вас потрясающая коллекция! — затараторила юная сотрудница его бывшего коллектива, осчастливленная знакомством с very important person. — Вы так любите бабочек!

— Вы даже представить себе не можете, как я их люблю, — ответил Аристарх, в упор глядя на нее.

— А с чего вы начинали свою коллекцию? Где поймали самую-самую первую?

— Видите ли... кто кого в этой жизни поймал, это всегда большой вопрос. Правда, ребята? — Аристарх подмигнул бывшим сослуживцам и удалился, помахав им на прощание рукой.

Странно, но в его голосе всем померещилась грусть.

НЕ ВСЕ ДЕРЕВЬЯ ОДИНАКОВЫЕ

Оглядываясь назад, постоянно вспоминаю тот вечер. ...Это была любовь с первого слова. Влюбиться с первого взгляда у нас невозможно.

В тот знаменательный вечер, получив, как и все мужчины, на работе флакон духов для жены, как всегда, «Шанель», теперь уже номер пятьсот (каждый год эта древняя фирма разрабатывает одну-две новые вариации), я скользил по туннелю домой, решительно ничего нового не ожидая. Я прекрасно знал, как пройдет вечер.

В уютном домике (анахронизм, конечно, но это прихоть финансиста, пожертвовавшего когда-то на строительство нашего города), на сияющей чистотой кухне меня ждет ослепительно красивая женщина. Стол накрыт. И дом, и эта женщина не те, что вчера. Но иногда я начинаю в этом сомневаться. Ведь стоит лишь открыть дверь, как она произносит всегда одни и те же слова: «Добрый вечер, дорогой! Ты устал? Сейчас будем ужинать».

Правда, одного взгляда в окно достаточно, чтобы сомнений не было — тёмные силуэты деревьев медленно проплывают мимо. Подчиняясь генератору случайных чисел, гигантский круг, на котором расположены дома, непрерывно крутится. То быстрее, то медленнее... То, остановившись на мгновение, начинает крутиться в обратную сторону.

А гигантский центр, где мы, мужчины, работаем, и цилиндрические тунNELи, ведущие к домикам, напоминающие мне рукав старинного аэропорта, неподвижны. Поэтому тот дом, что был вчера, и та женщина сегодня уже уплыли.

Иногда во мне пробуждалось почти непреодолимое желание ответить на ежевечернее сияющее приветствие грубостью. Но я позволял себе только вопрос:

— Как тебя зовут?

Реакция всегда одинаковая. Испуганное недоумение. Ещё бы. Имена отменили двести лет назад.

Я прекрасно понимал, чем рисую, задавая этот вопрос. Когда-нибудь какой-нибудь из этих лучезарно улыбающихся штампованных женщин взбредет в голову донести на меня. Но, кто знает — может, именно этого я и хотел...

В последнее время всё мне стало безразлично. Всё, что могло случиться, лучше, чем это. Двести лет подряд тебя встречают одними и теми же словами. Не знаю, можете ли вы себе это представить.

В тот вечер, войдя в дом, я удивился — свет на кухне не горел.

Я не сразу заметил ее в темноте. Она стояла у окна.

— Добрый вечер, — сказал я, включив свет.

Она стояла вполоборота ко мне, скрестив руки на груди, отрешенно глядя на плывущие за окном тёмные силуэты деревьев, и даже не шелохнулась. Ослепительно красивая. Точно такая же, как все. Стол *не был* накрыт.

— А ужин? — глупо спросил я.

— Ужина не будет, — вызывающе ответила она, прошла мимо меня и удалилась в спальню, всем своим видом давая понять, что я ее раздражал.

Меня потрясли и ее слова, и презрительный взгляд, брошенный в мою сторону.

Приготовить еду в нашей кухне, оснащённой техникой и поступающими из люка в стене продуктами, просто. Чем я и занялся, обиженный. Но... какую ностальгию навеяло её странное поведение! Напомнило мне старые добрые времена, лет двести с небольшим назад. Словно провинившийся муж слишком поздно вернулся домой. Я еще помню те времена, молодёжь, конечно, уже нет.

Впрочем, у нас понятие «молодёжь» относительное. Все мужчины имеют одинаковую идеальную юношескую внешность. Все женщины — это штампованные издания допотопной «мисс Вселенной» две тысячи двухсотого года.

Какие дебаты тогда велись, какую выбрать внешность для женщин, какую для мужчин! Мужчины у нас тоже все одинаковые красавцы. По образцу и подобию «мистера Вселенной» того же года. Единственная причина, почему внешность женщин отличается от внешности мужчин и почему вообще остались те и другие, по-видимому, кроется в том (я точно не знаю, но подозреваю), что финансист, чьи идеалы равенства у нас воплощены, был неисправимым бабником.

День рождения у всех нас тоже отмечается в один день. Чтобы никому не было обидно. И подарки все дарят друг другу одинаковые. Жены — бутылку ста-ринного (я уже давно догадался, что это подделка) коньяка «Hennessy плюс Равенство». Мужья дарят женам духи, неукоснительно «Шанель». Вы, конечно, понимаете, что все женщины у нас благоухают *шанелью*, а от мужчин по праздникам разит... хм... равенством.

Впрочем, «жены», «мужья»... архаизм. Слово осталось, но раньше такую женщину, упльывающую на следующий день вместе с домом в другие руки, называли бы несколько иначе. Тут всё продумано. Если бы не такая *смена*, могла бы возникнуть привязанность. Какое уж тогда *равенство*.

Поужинав в одиночестве, я, прихватив подарок, вошел в спальню. Она и там стояла, глядя в окно, за которым в темноте еле угадывались медленно плывущие черные силуэты деревьев. Лишь время от времени ее лицо освещалось светом проплывающей среди деревьев ярко горящей буквы «Р».

О случаях необычного поведения положено сообщать. Такое произошло впервые за двести лет. Впрочем, мне глубоко плевать на их порядки.

Вдруг она что-то сказала. Нет, мне не послышалось. Глядя в окно, она задумчиво произнесла:

— Не все деревья одинаковые.

Какое-то время я молчал, потрясенный ее безрассудной смелостью, а еще больше тем, что она это заметила.

— Да, — сказал я, — не все.

Она вздрогнула, резко повернулась ко мне. Враждебно глядя на меня, спросила:

— Ты донесешь на меня?

— Нет. Хотя, похоже, ты этого очень хочешь.

— Так вот, знай, — решительно продолжала она: — Мне плевать.

Ничего более потрясающего она не могла сказать.

— Я рад, — сказал я.

— Идиот. Ты не понял — я не боюсь тебя. Мне все равно.

— А мне уже — нет. Я понимаю, как ты устала. Давай разделемся и ляжем в постель.

— «Ты устала», — раздраженно сказала она, передразнивая меня. — «Давай разделемся!», «Ляжем!»... Я буду спать в гостиной.

Гостиная. Да, в доме есть и «гостиная». Только вот гости... Нонсенс. В гости ходят, чтобы, как говорили в старину, себя показать и на других (других, не таких, как ты сам) посмотреть. Как вы понимаете, у нас достаточно подойти к зеркалу — и ты «в гостях».

Ее раздражение... Мне почему-то раньше не приходило это в голову — оказывается, в моих словах тоже нет ничего такого, чего не сказал бы на моем месте любой другой «мистер Вселенной».

Я растерянно протянул ей красиво упакованную коробку с духами.

— Вот, подарок...

— Нет, — сказала она. — Это не подарок.

— Вот как? Это почему же?

— То, что дарится одинаково всем, не подарок.

Она метнула на меня презрительный взгляд и отвернулась.

Я поставил коробку рядом с ней, на подоконник. Мы помолчали, глядя на движущиеся силуэты деревьев за окном.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Я вдруг понял, что надо спросить именно это.

Она вздрогнула. На ее лице отразилось такое изумление, словно круг вдруг сошел с рельсов (рельсы... анахронизм, сложно объяснить).

Она долго недоверчиво смотрела на меня. Наконец тихо сказала:

— Я всегда мечтала о том, чтобы у меня было имя.

— Вот видишь. Я это и имел в виду: ты *устала ждать меня*. Что ж... У тебя нет оснований доверять мне. А у меня — тебе. Нам остается только одно. Рискнуть поверить друг другу. Или *не* рискнуть. Решать тебе. Что мы, собственно, можем потерять? Всё одинаковое. Значит, жизнь и смерть тоже. Решай. У нас мало времени. Только до рассвета.

Я разделся и лег в постель. Через некоторое время она, не произнеся ни слова, тоже разделась и послушно легла рядом со мной.

Некоторое время мы лежали молча. За окном тихо накрапывал дождь. Происходило нечто... С одной стороны (так это выглядело, если забыть о деревьях),

это была моя жена, с которой я прожил уже двести лет, и она за это время, как и я сам, ничуть не изменилась. Мы не стареем, не умираем от болезней. Болезней больше нет. Существует только казнь, как наказание.

С другой стороны, рядом со мной — *единственная*. Чем отчетливее я это понимал, тем сильнее меня охватывал страх, предчувствие близкой утраты этого мгновения. Преступное мгновение. То, к которому говорят: остановись.

Наконец она нарушила молчание:

— Даже не верится.

Мы знали: завтра круг в своем медленном вращении неумолимо унесет ее от меня. Вечером, когда я приду с работы, другая женщина, похожая на нее, как две капли шанели, не скажет и ни за что не поверит, если я ей скажу об этом, что бывает, есть хоть что-то *не одинаковое*.

— Теперь я буду благодарить судьбу, — прошептала она.

— Благодари генератор случайных чисел, — сказал я и добавил: — Дорогая...

Впервые за прошедшие двести лет мне захотелось произнести это слово.

Наша преступная ночь длилась долго. Вы же понимаете, что время измеряется не часами и минутами, а событиями. Но и она ускользнула, как сон. Под утро мы нарекли друг друга именами. Преступление, за которое полагается расстрел.

Перед расставанием мы договорились о знаке, который подадим друг другу при новой встрече, о *пароле*.

...С тех пор кое-что изменилось.

Каждый вечер, скользя по туннелю домой, я с замиранием сердца жду, что ответит новая *мисс* на мое приветствие. Войдя в дом, я неизменно произношу одну и ту же фразу.

Я не исключаю, что они даже не слышат, что я им говорю. Они ведь знают, вырубили наизусть в школе, что неодинаковых вещей не существует. Поэтому они и не замечают того, что так отчетливо видно за окном. На моё необычное приветствие они отвечают без запинки:

— Добрый вечер, дорогой. Ты устал? Сейчас будем ужинать.

Я вовсе не собирался и не собираюсь хранить ей какую-то глупую верность. Но я так и не отдал ее духи другой. Другие... Иногда я почти издеваюсь над ними. Внешне точно такие же, как она, они вселяют в меня трепетную надежду ровно до той минуты, когда заговорят.

Я терпеливо жду, когда гигантское колесо, совершая свой великий круг, по закону, гляящему, что редкие события повторяются дважды, вернет ее мне.

Возможно, пройдет еще двести лет. Но однажды вечером передо мной снова откроется правильная дверь. Я скажу ожидающей меня женщине:

— *Не все деревья одинаковые*.

Она улыбнется и ответит:

— Я знаю.

Я очень рассчитываю на генератор случайных чисел.

Для побега у меня всё готово.

ПУСТЫЕ ЦЕННИКИ

В этом городке можно пройти две-три улочки, прежде чем кто-нибудь попадется навстречу. Встречный опускает глаза и торопливо переходит на другую сторону.

...Я поменял немало должностей и мест жительства. Платил алименты первой жене, которую оставил ради второй; вторая бросила меня. Моя трудовая книжка пестрела от записей. Я увольнялся отовсюду по собственному желанию, но на самом деле... В одном месте я не выполнил работу в срок, в другом по моей вине в отчет попали неверные данные, в третьем я отослав материалы по неправильному адресу. Я постоянно опаздывал на работу...

После очередного увольнения я долго не мог найти новое место. Я был согласен на весьма скромный оклад, лишь бы работа была не слишком ответственной, а нагрузка не очень большой.

Друзья не хотели меня больше рекомендовать. Пришло обратиться в бюро по трудуустройству.

Бесцветный служащий выслушал меня, перелистал трудовую книжку и равнодушно произнес:

— По-моему, ваше место в...

Он назвал город, о котором я раньше никогда не слышал.

— И что за работа?

— Вам это подойдет.

Дома я тщетно искал этот город на карте. Никто из моих знакомых тоже не слышал о нем.

— Наверное, какой-нибудь маленький городишко, — говорили все.

Не оказалось его и в расписаниях движений поездов и автобусов. Я снова обратился в бюро. Тот же служащий ответил всё так же бесстрастно:

— Поездом туда не доедете. Мы отвезем вас на машине.

Это был маленький городок. Серые одноэтажные домишки. Пыльные улочки, на которых редко кого-нибудь встретишь. Меня поселили в общежитии, в отдельной комнате.

Работа оказалась несложной — я должен был подчеркивать букву «ы» в печатном тексте, везде, где она встречалась. Вначале я был удивлен. Но потом понял, что чиновник подобрал именно то, что я просил. Работа не требовала особых усилий — нормы, сколько букв нужно подчеркнуть за день, не устанавливали. Большой ответственности тоже не было — если я нечаянно пропускал какую-нибудь «ы», то мой начальник, проверявший работу, подчеркивал ее сам.

Мы сидели в маленькой комнате вдвоем. Мой коллега, угрюмый худощавый старик, тоже подчер-

кивал что-то. Как оказалось, «о». Признаться, к концу второго рабочего дня это занятие мне изрядно надоело.

— Ну и работа, — сказал я старику.

Он продолжал молча подчеркивать буквы.

— Надолго я здесь не останусь, — продолжал я.

— Ошибаетесь, — возразил старик, не удостоив меня взглядом.

— За неимением лучшего можно и здесь посидеть, но как только найду что-нибудь приличное — уволюсь.

Старик промолчал.

Вечером я вышел на прогулку. Как я уже говорил, прохожие встречались здесь редко. Все они были погружены в какие-то не очень веселые мысли и избегали встречных, стараясь заблаговременно перейти на другую сторону улицы. Меня удивило, что в городе не было ни молодежи, ни детей. Всем, кого я встретил, было за тридцать, как и мне.

— Странный город, — завел я на следующий день разговор.

Старик продолжал молча подчеркивать свои «о».

— Создается впечатление, что все чего-то стыдятся.

С таким же успехом я мог бы разговаривать с буквой «о». «Какой мрачный тип», — подумал я и добавил с вызовом:

— При первой возможности подыщу себе новое место.

— Поздно, — сказал стариk с возмутительным спокойствием. — Вам придется остаться здесь.

— Кто это может меня здесь удержать? — спросил я сердито.

— Вы сами, — буркнул стариk своим бумагам.

Я забыл будильник на старой квартире и уже несколько раз опаздал на работу. С первой получки я решил купить новый.

В день зарплаты я зашел в маленький магазинчик под вывеской «Часы».

Покупателей не было. Продавщица, пожилая женщина, облокотилась на прилавок и безучастно смотрела прямо перед собой. За ее спиной виднелись полки, заставленные часами разных форм и размеров. Мне был нужен обычный дешевый будильник. Я посмотрел на ценники. Странно — перед часами белели маленькие прямоугольные бумажки, но цен на них не было.

Я обратился к продавщице:

— Простите, я хочу купить будильник.

Она продолжала стоять, думая о чем-то своем, наконец встрепенулась:

— Что?

— Я хочу купить будильник.

— Будильник?

— Да.

— Какой вы выбрали?

— Хотелось бы узнать цену.

— Цену вы узнаете потом.

Я уставился на нее, думая, что она шутит.

— Когда «потом»?

Она зевнула, прикрывая рот ладонью:

— Когда купите.

Я был окончательно сбит с толку.

— Странный у вас магазин!

— Почему?

— В других магазинах цена известна до покупки!

— Здесь, — сказала она безучастно, — все магазины такие.

Так ничего и не купив, я вышел из магазина и в растерянности направился к соседнему домику, на стене которого уже раньше заметил вывеску «Головные уборы». В этом городе я еще ничего не покупал. Нас кормили в столовой на работе бесплатно. Открыв дверь, я увидел за прилавком скучающую пожилую женщину. На полках лежали кепки, береты, шляпы, а перед ними... белели пустые ценники.

— Странные здесь магазины, — сказал я старику на следующий день.

Молчание.

— Продавщица говорит, что сначала следует купить часы и только потом можно узнать цену!

— Естественно, — буркнул стариk.

«В этом странном городе и люди со странностями, — подумал я. — Ничего не поделаешь. Придется пойти и купить будильник, не зная его цены».

Знакомая продавщица томилась за прилавком. Я выбрал будильник. Судя по пластмассовому корпусу, один из самых дешевых.

— Дайте мне, пожалуйста, будильник... Вот этот, желтый.

Она лениво повернулась, взяла с полки синий будильник и протянула его мне.

— Я просил желтый!

Она всё так же медленно поставила синий на место, дала мне желтый, достала из-под прилавка тетрадку и карандаш и спросила:

— Где вы работаете?

— Зачем вам это?

Необычные порядки этого города стали выводить меня из себя.

— Если будильник стоит больше, чем вы в состоянии заплатить, у вас впредь будут удерживать из зарплаты.

Я поставил будильник на прилавок.

— Вы хотите сказать, что он стоит больше моего месячного заработка?

Она пожала плечами:

— Я этого не говорила, но... кто знает.

— Так скажите же цену!

— Значит, вы его берете?

Пришло смириться.

— Ладно. Беру.

Она записала, где я работаю, и затем назвала цену, равную моей зарплате за полгода.

— Сколько тогда стоят эти большие настенные часы? — вскричал я. — Миллион?

— Цена от величины не зависит, — заявила она.

— А от чего? От чего она зависит?
Продавщица и не думала отвечать.
— В таком случае я возвращаю покупку.
Я поставил будильник на прилавок и направился к дверям.
— Платить придется всё равно, — сказала она мне вслед.
На следующий день я рассказал всю историю старику. Правда, трудно было определить, слушает он меня или нет. Он не прекращал своей работы.
— Мне придется более шести месяцев выплачивать долг, — закончил я.
— Здесь все платят долги, — произнес он наконец. — Я тоже.
— Но почему цену можно узнать только потом?
— По-моему, это вполне естественно, — невозмутимо ответил он. — Ведь цена никогда и ни в чём не известна заранее...

* * *

Так я и живу в этом городишке. Выплачуя долги, днем работаю, вечерами выхожу на прогулку. Когда кто-нибудь идет мне навстречу, я опускаю глаза и перехожу на другую сторону улицы.

МОЯ ГОЛОВА

Давно, еще в детстве, я читал повесть «Голова профессора Доуэля».

Мог ли я тогда подумать, что похожая участь постигнет меня? Что я буду спрашивать: где мои ноги? Руки? Где мое тело?

Я очнулся в больничной палате, но не в постели, а на столике у окна. Далеко не сразу до меня дошло, что от меня осталась... одна голова. Последнее, что я помнил — это мгновение до лобового удара с встречной машиной.

Первый, кого я увидел, был мой личный врач, с сочувствием смотревший на меня. Он объяснил мне, что именно благодаря его усилиям я и выжил. Точнее — выжила моя голова.

«Благодаря его усилиям! — с горечью думал я, закрыв глаза. — Как он подчеркнул «усилиям»... Главное — благодаря моим деньгам...»

Ещё — бы! Стимул бороться за мою жизнь у него был: такое жалованье ему раньше и не снилось.

Если бы мне хотелось жить, я похвалил бы себя за щедрость, но теперь проклинал. Вот для чего мне на конец пригодились мои капиталы — продлить мои мучения...

Когда весь ужас моего нового положения стал очевиден, я обрушился на врача с упреками. Зачем он боролся за мою жизнь?

— Зачем мне теперь жить? Зачем?

Он виновато молчал.

«Да, я — мультимиллионер. Но зачем мне теперь деньги?» — размышлял я, закрыв глаза, когда косвенный виновник моих страданий удалился. Самое

обидное, что я не использовал мои миллионы, когда руки-ноги были еще целы. Но как я мог поступить иначе? У меня просто-напросто не было на это времени. Я с утра до вечера сидел за компьютером, буквально загипнотизированный той лёгкостью, с которой ко мне текли деньги. Я даже в банк не ходил: деньги поступали на мой счет по системам электронных платежей, и через эти же системы я рассчитывался за покупки.

Мир так богат и разнообразен. Я мог объездить весь мир, останавливаться в пятизвездочных отелях, ощутить дыхание океана, ветер на Бали и Суматре, палящее солнце Сахары... Я так и не увидел пирамид, а ведь мог оплатить даже индивидуальное их посещение, без оравы туристов... Что говорить! У меня, в мои тридцать восемь, нет даже наследника, кому оставить мои бесполезные теперь капиталы.

Упиваясь скоростью, с которой из рядового инженера превратился в богача, я лишь любовался растущим банковским счётом, неуклонно следуя принципу «Если видишь, что сумму можно удвоить — удавайай». Какие поездки, какой отдых, если неделя отсутствия привела бы к потере не менее двадцати тысяч долларов! А не одной-двух тысяч, как стоит путевка...

Мне даже некому отписать мои капиталы... Родственникам, вспоминавшим обо мне лишь тогда, когда требовались деньги? Их бы порадовала моя смерть. И меня тоже.

После нескольких месяцев бесплодных уговоров отключить систему жизнеобеспечения моей головы я сделал вид, что сдался. «Надо потерпеть, пока не окажусь у себя дома. Уж там-то я что-нибудь придумаю. Не могут же они меня все время держать под контролем».

В те дни я впервые задумался о том, что же такое наше «я». Мы так привычно говорим «мои руки», «мои ноги», «моя голова». Но теперь весь «я» — только голова, даже сердце мне заменил насос. Но мое самоощущение не изменилось. Если, конечно, не считать подавленного настроения из-за постигшего меня несчастья...

Наконец, меня выписали. Домой я отправился в сопровождении целого эскорта: медиков, охраны и самых близких коллег. Выглядело это так: моя голова, словно памятник самому себе, стояла на прозрачном, изготовленном на заказ кубе, внутри которого виднелись прозрачные трубочки. Как мне восторженно объяснил конструктор — чтобы процесс жизнедеятельности был на виду и малейший сбой можно было бы сразу заметить и устранить.

«Ты перестарался», — думал я, слушая отчёт конструктора о том, как хитроумно он всё придумал и как мне (голове) будет теперь хорошо и удобно. Именно о сбое я всё это время и мечтал. Но уже понял, что союзников у меня нет. «Похоже, что все — решительно все! одержимы идеей сохранить мне жизнь. Попробовали бы сами, каково мне теперь, —

горько размышлял я. — Особенно по ночам, когда место среза на шее начинает так ныть, что о сне и речи быть не может.

Они везли меня домой, а я строил планы. «Уж там-то сумею скатиться с этого замысловатого куба... Придётся подговорить кого-нибудь из прислуки или медиков помочь мне — их теперь вокруг меня вьётся целый рой. Всё упирается в сумму».

Во время переезда я так устал, что сразу заснул. Проснувшись, увидел доктора, дежурившего рядом с моим кубом-памятником.

— Хотите, я вам что-нибудь почитаю? — предложил он.

«Нет, ну есть же на свете идиоты... Он мне почитает. О чём, интересно? Обо всём том, что мне теперь недоступно? Впрочем, он вовсе не идиот, он —

обычный человек. Это самое обычное человеческое взаимонепонимание... Никто, практически никто, не в состоянии поставить себя на место другого человека. А уж на моё место никто ни за что не захочет встать». Но я чувствовал, улавливая интуитивно, что, несмотря на незавидное положение, я со своими миллионами продолжаю гипнотизировать окружающих.

— Нет, не хочу, — сердито сказал я.

Тогда он спросил, не включить ли компьютер, не хочу ли посмотреть, как идут дела.

«Какие дела... Зачем?» — мысленно возмутился я.

Но доктор уже включил компьютер и подкатил мой «монумент» к столу. Когда я снова оказался перед монитором, со мной что-то случилось. Внезапно я напрочь забыл, что теперь я — существо без тела, почувствовал себя... снова самим собой.

Я объяснил моему помощнику (сначала они предлагали мне женщину-сиделку, не понимая, насколько это унижительно), как открыть нужные файлы, как выйти на нужные сайты в Интернете.

Всё это время, что ассистент под мою указку водил мышкой по столу, я и не вспоминал о своём несчастье. В моё отсутствие дела шли из рук вон плохо. Сплошные убытки. Из рук... Служащие не знали всех секретов моей коммерческой деятельности.

Я чувствовал, что ассистент чего-то ждёт от меня. «Ясно, что ему надо. И что? Открыть ему все секреты и только тогда умереть? А не все ли равно тебе теперь?» — спросил я себя.

Конечно, того, что у меня было, если бы мне хотелось влечь жалкое существование, хватило бы ещё на две жизни. Много ли нужно голове? Впрочем, расходов стало больше, чем раньше; куб и обслуживающий его персонал — самое дорогое «удовольствие», которое я когда-либо себе «позволял»... Но есть суммы, которые истратить не так-то просто. Только приобретением недвижимости, вплоть до небоскрёбов.

Перед смертью мне и хотелось, и не хотелось оставлять «путеводитель» по делам основанной мною фирмы, чтобы счастливые наследники (дальние родственники, даже не писавшие мне писем)

ничего там не напутали и в итоге не разорились. Конечно, я сам был такой умный, что, «загребая деньги лопатой», такими и не воспользовался... Однако я всегда был принципиально против того, чтобы давать кому-то деньги просто так. Уверен, если человек не зарабатывает сам, то, сколько ни дай, всё равно он всё растранирит. Это заложено в его натуре, хотя он сам этого и не осознаёт. Так я считал всегда. Было, конечно, время, когда я помогал близким. Но тогда я был ещё не очень богат. Позже я понял, что на благодарность рассчитывать не приходится. Люди повально заражены странным мнением: «Раз ты богат, значит, перед нами виноват».

Но вот теперь я был готов распрощаться с богатством без сожаления.

И, тем не менее, я вдруг понял, что, несмотря на моё беспомощное положение, именно они у меня в руках (которых нет), а не я у них. Стоит же раскрыть им все карты, как в зависимом положении окажусь я.

Странное дело! Жить не хотелось, деньги стали не нужны, но подобная перспектива страшила меня больше, чем смерть.

Следовало всё хорошоенько обдумать. Я сказал врачу, что устал, попросил его выключить компьютер, и закрыл глаза.

Впервые после аварии я размышлял не о возможных способах самоубийства, а о том, как поправить пошатнувшееся финансовое положение (кстати, оно вполне могло «шататься» так еще долго), не раскрывая карт помощникам.

Кроме того, я был кое-чем обескуражен. Я не ожидал, что буду так возмущён тем, как велись дела в мое отсутствие. «Растяпы, — думал я с горечью. — Впрочем, так вам и надо. Руки-ноги целы, а вы...»

После тревожного сна я неожиданно вспомнил о компьютерах с бесконтактным управлением. Где-то я читал, что создан способ перемещать курсор взглядом. Фотоэлемент, встроенный в монитор, улавливает микродвижения зрачка.

Я попросил помощников приобрести мне такой компьютер и вдруг понял... что собираюсь жить дальше.

Новый компьютер прибыл через неделю. «Если собираешься умереть, то зачем ты его купил? — спросил я себя. — А значит, ты... будешь жить. Ты хочешь жить».

Новый компьютер был действительно восхитителен. А приставка к нему позволяла вводить текст при помощи голоса. «Все свободны», — сказал я после небольшого совещания с помощниками.

Думаю, некоторые из них уловили иронию в моём хриплом голосе. Держу пари, что почти все мечтали наложить лапу на мой бизнес.

Вскоре наладился мой привычный распорядок дня. Раньше я вставал очень рано и, умывшись, прихватив с собой чашку кофе, садился за монитор, горя от нетерпения узнать, какие акции пошли вверх, какие вниз, что произошло с котировками валют.

Теперь я делал ровно то же самое, только лицо мне обтирали влажной салфеткой мой врач — камердинер. Через некоторое время я даже стал пить кофе; и хотя он тут же выливался из трубки, заменившей мне пищевод, я наслаждался его вкусом и ароматом, как прежде.

Сначала доктора разрешили (мне — разрешили!) работать только два часа в сутки, но потом я убедил их увеличить моё рабочее время, сославшись на ухудшение дел фирмы и пригрозив понизить жалование.

Через пару недель, несмотря на ноющую боль в месте среза шеи, я уже проводил за компьютером шесть часов. Раньше, правда, десять—двенадцать часов в сутки, но этого я пока что и не выдержал бы.

К тому времени я оставил мысль подкупить доктора, чтобы он отключил систему жизнеобеспечения. Меня вдруг осенило: а что, собственно, изменилось? Только шея болит, ноет порой нестерпимо. А так... Я, как и до аварии, выходил в Интернет, посыпал и получал почту, вечером в полном изнеможении засыпал. Умственная работа утомляет порой больше физической.

Изменились только две вещи. Во-первых, подчинённые и партнёры смотрели на меня как на инвалида. Снисходительно. Конечно, они скрывали это, но... Во-вторых, даже мимолётные встречи с женщинами (на большее у меня и раньше не хватало времени) стали теперь невозможны.

Это угнетало меня. Второе — намного меньше, очевидно, потому, что в организме (голова — это организм?) больше не поступали гормоны, заставляющие бросать работу в поисках приключений. Но скрытое пренебрежение я чувствовал на каждом совещании, которые проводил по старой привычке каждый день, иногда дважды: утром и вечером.

Я был богаче их всех, вместе взятых, был их боссом, а они видели во мне ущербное существо-

Через полгода дела фирмы пошли на поправку, я окреп, боли в шее мучили уже не так сильно. Вот тогда-то я и собрал знаменательное совещание и сообщил партнёрам и главным специалистам фирмы, что у нас останутся только те, кто согласен и способен встать на одну ступеньку со мной. Что я подразумеваю под этой «ступенькой»? — растерянно осведомился один из моих замов — моя правая рука.

— Работать за таким же компьютером, как я, и иметь смелость отказаться от рук и ног.

— То есть не пользоваться ими? — робко уточнил кто-то в наступившей тишине.

— Нет. *Не иметь* их. Даю неделю на размышление, — прозвучал в гробовой тишине мой хриплый голос. — Кто не готов последовать за мной, подаст заявление об уходе. Другие будут получать на порядок больше, чем сейчас, в дальнейшем — даже на два порядка. Расходы по операции беру на себя. Все свободны.

Подчинённые, утратив дар речи, удалились, а я стал ждать последствий. Запереть в психушку они

меня не могут — я предусмотрительно ещё больше засекретил ключевые моменты ведения дела. Увольняться им не захочется — столько, сколько плачу я, они не получат нигде.

Через пару дней ко мне явилась делегация расстроенных парламентёров. Вид у них был жалкий. Куда делось их превосходство!

— Мы понимаем, вас постигло несчастье, — начал было один из них.

— Несчастье? — весело переспросил я. — Какое же?

Они растерянно переглянулись.

— Ошибаетесь, — продолжал я, — ещё никогда я не работал в таком темпе, с такой отдачей! А в моей жизни ровным счётом ничего не изменилось! Вы ведь тоже проводите за компьютером по десять часов в сутки, разве не так? Ну, а те маловажные члены, — тут я им весело подмигнул, — которых я лишился, мне восполняет Интернет. Секс? — я глазами показал в сторону шлема, который мне иногда надевал камердинер. — Виртуальный секс доступен и вам, а имея высокие доходы, вы сможете посещать и более дорогие порносайты, расплачиваясь виртуальными деньгами. Ваша жизнь, в сущности, не изменится, но вы станете намного богаче. У каждого из вас будет роскошный особняк, недалеко от моего. Вы накопите столько денег, что в дальнейшем сможете заказать себе молодого клона и переместить ваш мозг в его тело! Впрочем, это — музыка далёкого будущего. Неизвестно, какие будут тогда законодательные ограничения. Клона я вам не гарантирую. А всё остальное будет оформлено договором. Впрочем, не буду вас уговаривать. Вы — взрослые люди, каждый решит сам. Вот вам ещё неделя для принятия решения. И ни дня больше.

И что вы думаете? Да, большая часть персонала уволилась по собственному желанию. Но двадцать человек согласились на операцию.

* * *

Теперь в наш город Интеллектуальных Кубов привозят туристов. Мы имеем с этого неплохой доход. Ротозеям позволено два раза в неделю проехать между роскошными особняками и заглянуть в большие окна.

Там они видят одну и ту же картину: в пустынном зале мерцают голубым экран монитора, перед которым на огромном стеклянном кубе стоит неподвижная голова.

Взор её устремлён на экран.

БАБОЧКА

Сознание вернулось не сразу. Он смутно вспомнил полет, неожиданный отказ приборов и двигателей и услышал голос:

— Великое Кольцо Разума решило вступить в контакт с вашей цивилизацией. Выбор случайно пал

на тебя. Но для этого ты должен пройти испытание. Сейчас твоя жизнь будет подвергнута анализу. От этого зависит возможность контакта.

И снова ощущение полета, вызванное легкую тошноту.

— Согласно инструкции, — произнес голос, — ты обязан присутствовать при процедуре испытания. Мы специально проводим ее в привычных для тебя образах.

Тошнота прошла, и перед ним появилось светлое пятно. Сквозь него, как сквозь иллюминатор, он увидел небольшую комнату. У стола, на котором стояли аптекарские весы со смешной длинной стрелкой, появился какой-то мужчина. Он держал в руках длинную темную ленту, конец которой тугими витками стяжался по полу. Мужчина взял ножницы и принял быстрыми движениями резать ленту на кусочки и швырять на чаши весов. Некоторые обрезки, повернувшись в руках, бросал на стол.

В сознании испытуемого стали возникать картины прошедшей жизни. Он пытался взглянуться в какую-нибудь подольше, но они мелькали в ритме движения рук мужчины.

— Добрые поступки налево, — сказал голос, отвечая на безмолвный вопрос, — дурные направо... Если перевесит левая чаша, — ты выдержал испытание, если правая — у тебя навсегда останется ощущение человека, который невольно причинил зло своей цивилизации.

Он застыл в напряжении. Когда левая чаша поднималась, он цепенел от страха, когда опускалась — с облегчением расслаблялся. Лента кончилась. Стрелка весов, поколебавшись, остановилась на цифре 0.

— Равновесие приравнивается к невозможности контакта, — произнес бесстрастный голос. — Посмотрим, что даст более тщательный анализ.

Мужчина у весов принялсь рыться в куче обрезков. Один из них привлек его внимание. Вглядевшись, он положил его на левую чашу. Та еле заметно опустилась.

— Ты должен знать, какой поступок помог тебе выдержать испытание.

Снова замелькали картинки, остановились. Знакомая тускло освещенная лестничная клетка. Человек медленно поднимается по лестнице — он узнал себя. Останавливается. О пыльное оконное стекло бьется бабочка. Он дергает за ручку, окно распахивается. Бабочка взмывает в утреннее небо.

...Он проснулся от звуна будильника и долго не мог прийти в себя. Сердце билось тяжело и отрывисто. «Какой странный сон, — подумал он. — В спальне очень душно».

Он встал и начал собираться на службу. Через час вышел из квартиры. Дойдя до лестничной площадки третьего этажа, он увидел бабочку, лежащую на пыльном подоконнике. Он и вчера вечером, проходя мимо, видел ее там. Она еле заметно шевельнула крыльями. Его взгляд равнодушно скользнул по ней,

по пыльному подоконнику, на котором остался ее прерывистый след. Он озабоченно посмотрел на часы и прибавил шагу — он опаздывал на работу.

Мужчина у весов сожалением смотрел на длинную стрелку, которая вернулась на цифру 0. Видение лестничной клетки растаяло. Раздался характерный щелчок перехода в субпространство.

ГОРОД-ВЕРЕТЕНО

Каждый раз, когда мне вспоминается мой визит в Город-веретено, в ушах невольно начинает звучать песенка, сопровождавшая меня там на каждом шагу. Она начиналась так: «В бурных волнах Веретена...». Дальше не помню.

Песенка эта звучала и на плоскости учителей, и на плоскости врачей, и у официантов, и у продавцов... Даже в доме мэра.

Да, в бурных волнах веретена... Но там не было ни одного большого водоема. О каких волнах вообще могла идти речь?

Мой гид перевел тогда мне слова песни, но на мой вопрос ничего вразумительного ответить не смог. Я спросил, не кажется ли ему это странным, он сказал, что теперь — да, но раньше он никогда над этим не задумывался. У них там все было очень странно, все не так...

Наша машина мчалась по широкому прямому шоссе, за рулем сидел мой гид и переводчик. Уже издалека мы увидели гигантский серебристый ступенчатый конус, медленно вращающийся в лучах заходящего солнца. У меня дух захватило, когда я увидел этот чудный экспериментальный город будущего.

— А почему «веретено» — это же конус? — удивился я.

Гид, который, как мне показалось, очень гордился своим родным городом, объяснил, что там есть еще симметричная подземная часть, тоже ступенчатая, но она не вращается. Вот вместе и получается — веретено. Город построили, учитывая новейшие принципы градостроительства. А именно — компактность и близость места работы. Люди с одинаковыми интересами, одной профессии, живут на одной плоскости. А главное — в городе наконец избавились от денег. Всё бесплатно.

Город-веретено существовал уже пару лет, когда Институт изучения общественного мнения, где я работал сотрудником сектора социологических исследований, направил меня выяснить, как город будущего удовлетворяет его жителей.

По мере приближения к величественному вращающемуся конусу, наземной части веретена, я увидел, что на выступах-ступеньках расположены небольшие двухэтажные домики, все на одинаковом расстоянии друг от друга, крыши у всех — серебристого цвета. Это и создавало потрясающий эффект серебристого свечения, исходящего от города.

На срезанной верхушке конуса виднелся одинокий домик.

— Там живет мэр, — с гордостью произнес мой гид. — Девиз нашего города «Никаких привилегий». Поэтому у него точно такой же дом, как и у всех. А на второй сверху плоскости расположены домики наших министров, членов Городского совета.

В воздухе над городом один — справа, другой — слева парили два гигантских диска. На них тоже виделись такие же домики.

— А там что? — полюбопытствовал я.

Гид вздохнул. В голосе его прозвучало скрытое осуждение.

— На одном диске живут художники, на другом — писатели. Их так и не удалось уговорить поселиться вместе с нормальными людьми на одной из наземных плоскостей. Пришлось сделать исключение. А так — школы находятся на плоскости учителей, больницы — врачей, театры — на плоскости актеров, суды — юристов. Удобно. Только... — Он вдруг запнулся.

— Конус крутится, чтобы солнце освещало всех равномерно, я правильно понимаю? — спросил я.

— Ну да. За день двенадцать раз поворачивается вокруг своей оси. Иначе те, чьи окна на восточную сторону, получали бы только утреннее солнце, а другие только вечернее. Конечно, мэр получал бы и без вращения сначала утреннее, потом вечернее солнце.

Вскоре мы приехали. На самой нижней плоскости веретена, если не считать подземную часть города, располагались магазины и дома работников торговли, а также гостиницы для туристов и прочих гостей города, где меня и поселили.

Хотя у них самих и не было в ходу денег, с туристов взималась плата за услуги в той валюте, которая была в ходу в их стране, а продукты и прочее необходимое они могли покупать в специализированных магазинах только для туристов.

С утра меня, как и было оговорено, принял мэр. В его домик на самой верхушке я поднялся в скоростном лифте, движущемся в недрах города вдоль его центральной оси.

Мэр встретил меня с распростертыми объятиями, правда, при этом он держал в руках кости и не вставал с кресла у камина — одна нога у него была в гипсе.

Усадив меня за столик у камина и сделав «Бурные волны Веретена...» в радиоприёмнике потише, он стал рассказывать про то, как самый обычный городок целиком и полностью переселили в это чудо конструкторской мысли.

Всех, без исключения, жителей маленького городка в соответствии с их профессиями распределили по плоскостям. Распределение получилось в соответствии с тем, кого было больше, кого меньше. Чем меньше представителей какой-нибудь профессии, тем меньшая им требовалась плоскость и тем выше они оказывались. Поэтому, чем выше к вершине, тем более редкие профессии.

— А что находится в подземной части веретена? — спросил я.

— Такие же плоскости. Только там искусственное освещение. Красиво! Тоже одинаковое для всех. Да, полной симметрии еще не удалось добиться, подземная и наземная части отличаются, но в сравнении с тем, что было, — колossalный прогресс. Возможно, в идеале, город должен бы иметь шарообразную форму и крутиться, тогда все получали бы солнца поровну. Но пока что это очень сложно осуществить технически.

Странно, что нашлись желающие жить в подземелье.

— Желающие? Не то слово, молодой человек. Место под землей можно было приобрести только за большие деньги. Чем глубже — тем дороже. Перед переселением, до ликвидации денег, эти места пошли с аукциона.

— И кто же поселился в самом низу?

— Человек, заплативший миллион. Босс.

— В обыкновенном советском городке нашелся миллионер?*

Мэр развел руками:

— Представьте себе... Подпольный, разумеется.

— Но мне непонятно, почему все-таки люди так хотели поселиться в подземной части?

— Понимаете... — мэр наклонился ко мне поближе, — это же прекрасное убежище на случай атомной войны...

— Вот оно что... Но самое интересное, что вам удалось организовать жизнь без денег.

— Да, конечно. — Мэр почему-то вздохнул. — Мы производим продуктов и товаров достаточно, чтобы удовлетворить спрос наших жителей, — продолжил он, но почему-то без особого энтузиазма.

— Что ж, — сказал я, — замечательный город! А ведь были, я слышал, скептики, которые считали, что беспроblemные общества в принципе невозможны.

Мэр тяжело вздохнул:

— Проблем у нас нет... Но... появилась буквально какая-то мания — изготавливать веревочные лестницы. Придется издать указ, запретить...

— Веревочные лестницы? — удивился я. — Зачем? У вас такой ультрасовременный лифт... Человек пятьдесят вмещает, наверное?

— В нем всё дело. В лифте, — вздохнул мэр. — Представьте себе конструкцию нашего города: веретено, внутри по его оси, как членок, движется лифт, к нему от каждой плоскости ведут тунNELи — как спицы колеса — к втулке. Магазины находятся у нас на нулевой плоскости, непосредственно вблизи поверхности земли. Там же живут продавцы и прочие торговые работники. Когда есть вызовы, лифт сначала поднимается на самый верхний этаж, потом начинает спускаться, забирая пассажиров поочередно с каждого этажа. Наполнившись, привозит людей на нулевую плоскость. Затем опускается до самого нижнего этажа и, поднимаясь вверх, забирает пасса-

жиров с каждого подземного этажа и доставляет их на поверхность земли к магазинам. Поэтому утром, когда открываются магазины, первыми у дверей оказываются сами торговые работники и те, кто живет либо глубоко под землей, либо высоко в наземной части. Вот некоторые и стали изготавливать веревочные лестницы, чтобы под покровом ночи спуститься раньше других на землю и занять очередь в магазины. — Мэр вздохнул. — Сначала я ввел систему штрафов и контролеров, теперь придется издать строгий указ о запрете веревочных лестниц...

— Позвольте, — товары все получают бесплатно... Их хватает всем?

— В том-то и дело, что нет. То есть товаров местного производства достаточно. Импортных мало. Например, вдруг всем приспичило иметь гудящие шары. Несознательный народ! — Мэр с досадой кивнул в сторону серебристо-голубого шара, висящего под потолком комнаты, нажал какую-то кнопку на столе, и шар, засветившись, начал глухо гудеть. — Откровенно говоря, это гудение действует на нервы, — смущенно признался он и выключил шар. — А жители нашего города из-за шаров были готовы податься.

— А для чего нужны эти шары?

— Просто так, — пожал плечами мэр. — Украшение.

— Значит, некоторых товаров все-таки не хватает для всех?

— Дело в том, что, во-первых, вокруг нашего экспериментального города находятся самые обыкновенные города. Во-вторых, импорт. И им, и нам надо расширять сферу сбыта. Некоторые свои товары мы обмениваем на те, которые производят в соседних городах и других странах. Они поступают к нам небольшими партиями. Вот одна фирма и преподнесла нам вагон этих шаров. Что тут началось! Мне все завидуют — я живу наверху, имею прямое сообщение с магазинами! А ведь совершенно напрасно завидуют. Представляете, стоишь на самом верху, город вертится, ветер дует, тебя так крутит, что голова кругом идет. Вот, пожалуйста — перелом. — Мэр показал на свою ногу в гипсе, и продолжал: — Босс устроился гораздо лучше. Но его у нас жалеют: бедный, света белого не видит... А на меня пальцем показывают — себе в первую очередь шар достал. И босс достал. Ну и что? Какой толк от этого шара?

— Зачем же вы его приобрели? — спросил я.

— Жена попросила, — вздохнул мэр. — Видела такой у своей тетки в соседнем городе. Дурной пример заразителен...

Мне невольно представилась картина, как рядовые граждане тихими вечерами из подручных средств (старых простыней?) изготавливают веревочные лестницы, а перед рассветом начинают спускаться со своих плоскостей и подниматься из подземелья, чтобы первыми быть в магазинах, где товары хоть и раздают бесплатно, но их не хватает... Что же мне теперь делать? Ведь мне заказали хвалебную статью...

Мэр еще долго жаловался на свою тяжелую долю. Наверху дует такой сильный ветер, что однажды он не удержался, свалился со своей плоскости вниз, на вторую по счёту — к министрам, сломал ногу... Спасибо, друзья помогли подняться. Он даже предложил мне выйти в сад и самому убедиться, как сильно там дует ветер...

Уже смеркалось, когда я, в сопровождении гида, ехал обратно в аэропорт, чтобы лететь домой.

По дороге мы проезжали лесок, на опушке которого сидел какой-то человек. Увидев нашу машину, он замахал руками. Мы остановились, думая, что его надо куда-то подбросить, но он очень учтиво извинился и представился:

— Я — философ. Нет-нет, мне никуда не надо. Вы тоже когда-нибудь поймете, что все точки планеты равнозначны. Ибо от себя все равно не уйдешь.

Он объяснил, что в Веретене для него места не нашлось, так как в переселенном городишке он был единственным философом, а обе плоскости для единственного — одну наверху, другую в самом низу — заняли мэр и босс. С тех пор он живет в лесу. У него отличная лачуга, и жизнью своей он очень доволен. Между прочим, и потому, что ему не нужна веревочная лестница. Но вот очень хочется покурить, всё остальное в лесу есть. Пока мы с ним разговаривали, это был, пожалуй, единственный момент, когда не звучала песенка, раздающаяся из радиоприемника в автомобиле, сопровождавшая нас всю дорогу: «В бурных волнах Веретена...»

Странная песенка. О том, чего на самом деле и нет...

Мы пожертвовали ему пачку сигарет и поехали дальше.

Прилетев домой, я на следующее утро начал писать отчет о поездке и статью для газеты. Начинал статью я так: «В бурных волнах Веретена, где я провел незабываемый день...»

СТЕНА

Что-то давило, душило меня, я попытался крикнуть — и проснулся.

В комнате царил предрассветный полумрак. Было очень душно.

Моя жена спала на другом краю кровати, повернувшись ко мне спиной. Когда мой взгляд упал на будильник на ее тумбочке, мне почудилось что-то очень странное. Казалось, что циферблат часов не круглый, а изогнутый. Я невольно протянул руку в сторону жены, хотел ее разбудить, но больно ударился о какое-то невидимое препятствие. Я вскочил на ноги и начал ощупывать его. Стена! Разделив комнату вдоль кровати на две части, она поднималась до потолка. Окно и дверь спальни остались на той стороне.

— Ты спиши? — громко спросил я.

Жена не шелохнулась, и я с ужасом понял, что через стену меня не слышно.

Не знаю, сколько прошло времени...

Наконец она проснулась. Приподнялась, протянула руку и нажала на кнопку будильника. За стеной неслышно прозвенел звонок. Встала, подошла к окну. Раздвинула шторы, распахнула окно, потянулась, наслаждаясь свежим воздухом. А я еще острее ощутил, как душно в моей части комнаты.

Наконец она отошла от окна. Я, стоя на кровати, начал размахивать руками и стучать кулаком по стене. Но она вышла из комнаты, даже не взглянув в мою сторону.

Я продолжал стоять, пытаясь представить себе, что она сейчас делает. Сначала выпьет кофе или придет переоденется? Я не знал. Я ухожу на работу позже, и, когда я встаю, ее уже нет.

Вскоре она появилась в дверях. Я принял снова размахивать руками и кричать, хотя понимал, что она не слышит меня. Она подошла к гардеробу и принялась одеваться. Затем села перед трюмо. Она сидела спиной ко мне, и вдруг я увидел в зеркале ее лицо. Я вздрогнул — это было совсем чужое лицо. Казалось, она улыбается, но тут же лицо перекосилось — нижняя часть резко сдвинулась, словно оно отражалось в кривом зеркале... Я понял, что так его искашает стена.

Жена бросила взгляд на часы и, даже не посмотрев в мою сторону, вышла из комнаты.

Хватит ли мне воздуха до ее возвращения? Я огляделся по сторонам. Кроме тумбочки, здесь ничего не было. Я поднял её и с размаху ударил ею об стену. Дверца затрещала и повисла на одной петле, но на стене не осталось даже царапины.

Внезапно я заметил на подушке клочок бумаги, на котором было что-то написано. Откуда он взялся? Я схватил его, прочитал: «Стена исчезнет, если...» — и облегченно вздохнул. Теперь я знал, как избавиться от стены. Надо только дождаться возвращения жены.

Я лег на постель, закрыл глаза. Время текло медленно. В моем сознании замелькали бессвязные картинки. Вспомнилось всё, что я когда-либо слышал или читал о смерти от удушья. Подводная лодка с отказавшим двигателем на дне моря, шесть человек на борту — они лежали недвижимо, чтобы уменьшить расход кислорода... Удалось ли их спасти? Я начал себя успокаивать — в моей камере воздуха должно хватить по меньшей мере на сутки. Вечером придет жена и освободит меня. И вновь жуткое видение — ее лицо, чужое, меняющее выражение.

* * *

Вернувшись с работы, я, как обычно, пошла в спальню, чтобы переодеться. Включила свет и застыла на месте. Мой муж стоял посередине кровати, высоко подняв руки, и беззвучно шевелил губами. Увидев его странно перекошенное лицо, я кинулась к нему:

— Что с тобой?

Хотела схватить его за руку, но наткнулась на невидимое препятствие. Он стоял за прозрачной стеной, неизвестно каким образом появившейся в нашей комнате.

— Боже мой! Что это?! — закричала я.

Он беззвучно шевелил губами, прижимая к стене какую-то бумажку, на которой было что-то нацарапано. Я попыталась разобрать, что именно, но буквы перекосились и расплылись. Да и что толку, если бы мне и удалось прочитать? Надо было срочно действовать, чтобы вызволить его оттуда.

Мы стояли друг против друга у стены, как стоят на вокзале: тот, кто уезжает, уже в купе у окна, провожающий — на перроне. Через стекло ничего не слышно. Смотрят друг на друга, пока не становится неловко, и оба испытывают облегчение, когда поезд наконец тронется...

Я сбегала за молотком и ударила по стене. Молоток отскочил упруго, как резиновый мячик. Муж напряженно наблюдал за мной. Мне стало жутко — выражения на его лице менялись, словно узоры в калейдоскопе. На мгновение мне даже почудилась злобная усмешка. Потом он начал водить пальцем по стене, рисовать какие-то знаки. «Он сошел с ума», — в ужасе подумала я.

Я просто не могла больше видеть его жуткое лицо и ушла в кухню, чтобы успокоиться и решить, что делать.

Наконец я догадалась пойти в домоуправление. Сначала мне не поверили. Пришлось привести в нашу спальню целую делегацию. Они с любопытством разглядывали мужа, который стоял словно в гигантском аквариуме, — в пижаме, небритый, беззвучно шевелил губами и водил пальцем по стене. Они тоже попробовали разбить стену молотком, только потом пошли куда-то звонить, чтобы им прислали машину, при помощи которой ломают асфальт. Её обещали дать на следующей неделе, и они собирались уходить.

— Он же умрет с голоду! — закричала я.

Тут все принялись обсуждать, как долго человек может прожить без еды. А он всё стоял за стеной и водил по ней пальцем.

На следующий день рабочие всё-таки приехали. Они попробовали сначала просверлить стену. Потом попытались пробить ее, но безуспешно.

Наступил вечер, а они всё возились, пробовали то тут, то там.

Наконец пообещали прийти утром и попробовать пробиться через потолок, из верхней квартиры. Я умоляла, чтобы они сделали это сразу, так как муж уже вторые сутки ничего не ел, но они сказали, что человек может обходиться без еды очень долго.

* * *

Проснувшись утром, она обнаружила, что стена исчезла. Ее муж лежал, странно согнувшись, прижав руки к горлу.

— Ты спиши? — прошептала она, уже понимая, что он не услышит.

Когда она позвонила, куда звонят в таких случаях, и когда ей оставалось только ждать, она заметила на подушке записку. Взяв ее в руки, она прочитала: «Стена исчезнет, если вы напишете на ней имена друг друга».

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР

Он рассматривал сидящих в очереди. Супружеские пары. Все моложе тридцати, как и они с Ло. Сидят молча, некоторые держатся за руки.

Он взглянул на жену:

— Страшно?

Ло улыбнулась:

— Нет.

— Неужели? Совсем не страшно?

Она нахмурилась:

— Что ты! Мы же вместе!

«Да-а... — размышлял он. — Каждый хочет казаться лучше, чем он есть на самом деле. Более смелым. Честным... Или женщинам легче? Им просто не хватает ума, чтобы правильно оценить риск...»

Над дверью зажглось световое табло: «Входите».

Пара, сидевшая перед ними, поднялась. Дверь отодвинулась в сторону и бесшумно закрылась за ними.

И мгла поглотила их, подумал он. Мы следующие. Обратного пути нет. Договор подписан. Эта планета уже никуда не годится... Нам еще повезло, что можем унести отсюда ноги. Тысяча желающих на одно место. А полет проще простого. Войдем рука об руку в эту дверь, на время полета отключат сознание. Снотворное или наркоз? Не важно. Проснемся уже там. Первозданные леса, чистая, прозрачная вода, новое, чужое солнце... Прошай, старушка-Земля, ты уже совсем не та, что была когда-то...

«ВХОДИТЕ»!

Прежде чем отключилось сознание, он почувствовал, как Ло крепко прижалась к нему.

...Невыносимо яркий свет. Ло быстро закрыла глаза. Чей-то чужой голос позвал:

— Ло!

К ее губам прикоснулось холодное стекло.

— Пейте!

Ло послушно выпила. Сразу же стало легче. Она открыла глаза и увидела блестящие стекла очков, за ними — глаза. Усталые глаза незнакомого мужчины в белом халате. Он сказал успокаивающим тоном:

— Не бойтесь. Вы благополучно долетели. Я — врач. Некоторое время вам придется провести здесь, в изоляторе. К сожалению, в одиночестве.

Серьезные серые глаза Ло впились в лицо говорящего:

— Где мой муж?

— Он тоже в изоляторе, отдельно от вас. Вы же читали договор?

Она покачала головой:

— Нет.

— Хорошо, поговорим об этом позже.

Он нажал на какую-то кнопку, одна стена помещения превратилась в окно, и спросил:

— Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное?

За окном, под чистым голубым небом до самого горизонта простиравшееся белое, тихо колышущееся поле.

Ло молча смотрела. Затем повернулась к врачу:

— Что это?

— Цветы. Море цветов. Правда, изумительно?

— Где мой муж? — спросила она.

Через пару дней доктор снова пришел к Ло.

Выслушав его, она воскликнула:

— Почему я должна вам верить? Когда мы вылетали, для всех хватало места! Скажите мне честно — что с моим мужем? Он жив?

— Жив, конечно, но я же говорю вам: произошло непредвиденное. У нас неожиданно обнаружилась нехватка кислорода. Чтобы лететь назад, на Землю, не хватает топлива, чтобы жить здесь, всем не хватит жидкого кислорода. Одни должны пожертвовать собой ради других. Добровольно. Это безболезненно. Как снотворное...

— Я вам не верю!

— Вы можете поговорить с мужем.

Доктор нажал на кнопку, на стене вспыхнул экран. Ло увидела точно такой же изолятор, увидела мужа. Он смотрел с экрана прямо ей в глаза. Боже, что с ним случилось? Небритый, мрачный, глаза опухшие...

— Ло, — сказал он сдавленным голосом. — Ты, пожалуйста, не волнуйся... Помнишь, в договоре, который мы подписали, был пункт — в случае непредвиденных обстоятельств — полное послушание?

Экран погас.

— Видите, дорогое дитя, — сказал доктор внезапно потеплевшим, сочувственным голосом. — Завтра прошу вас сообщить мне ваше решение. Ничего не поделаешь — надо выбрать, кто из вас будет жить — вы или он.

— Конечно же он!

«Да, конечно, — подумал усталый пожилой человек, — первая реакция почти у всех одинаковая».

— Не торопитесь. Всё надо трезво взвесить. Жизнь дается человеку только один раз. Большой ценности нет.

И так далее, и тому подобное, думал он, внимательно наблюдая за молодой женщиной.

— Вы — страшный человек, — тихо сказала Ло.

Истина бывает зачастую страшна, размышлял он. Истина делает нас несчастными, но свободными. Или наоборот. Свободными, но несчастными. Что ж, эта молодая женщина тоже придет завтра к выводу, что умереть совсем не просто. Вот тогда и посмотрим, как она выкрутится. Какое спасительное самооправдание придумает эта маленькая прелестная

головка. Нелегко вынести смертный приговор другому человеку. Нелёгкий выбор. Но не себя же посыпать на плаху...

На следующий день, едва доктор успел войти в изолятор, Ло спросила:

— Принесли?

— Что?

— Ваше «снотворное»?

«Ну и ну, — подумал он. — Похоже, она не шутит».

— Дорогое дитя... Вы отдаете себе отчет в том, что это — *смерть*?

В его голосе сквозило сочувствие.

Она нетерпеливо отмахнулась:

— Да, вы уже говорили.

Внезапно он почувствовал себя совершенно растерянным. Его рука невольно потянулась погладить ее голову.

Ло отстранилась:

— Пожалуйста, попробуйте.

* * *

Она пришла в себя. Снова эти усталые глаза из-за стекол очков, белый халат.

— Где я?

— Милая, только не волнуйтесь. Действительно, я — обманщик. Это было снотворное.

— Зачем вы издеваетесь надо мной? Это жестоко!

Он вздохнул:

— Вы правы. Жестоко, конечно. Но я просто выполняю свою работу. И я вас обманул не только в этом. Я — не врач, а психолог. Это был всего лишь психологический тест. Видите ли, космический корабль даже еще не стартовал.

— Не верю! Я видела цветы!

— Их вам показали с киноэкрана. Старая плёнка. Снято, когда на Земле еще росли цветы.

— Где он? — прошептала она.

— Вы можете с ним мысленно попрощаться. Теперь наконец корабль действительно стартует.

Психолог нажал на кнопку, стена превратилась в окно. Ло увидела поодаль космический корабль, устремленный ввысь.

Внезапно снизу, из его хвоста, вырвался сноп огня и, опираясь на огненное облако, он взлетел, мгновенно превратившись в световую точку в небе.

— Это опять тест? Киноплёнка? — спросила Ло.

— Нет, они улетели на самом деле. Это правда.

— Почему меня не взяли? — прошептала она.

Психолог озабоченно смотрел на нее:

— Полетели те, кто выбрал *правильно*.

ПОСЛЕ

Дачный участок упирался в крутой пригорок, поросший кустарником. Если подняться на него, выяснялось, что с обратной стороны это довольно большая пологая гора. В ней пряталась крепость времен Второй мировой войны. Он уже давно собирался исследовать ее.

В молодом, рослом мужчине все еще жил мальчишка, искатель приключений. Не предполагая, что в крепости могут быть длинные подземные ходы, он прихватил с собой только карманный фонарик.

Стояло жаркое лето, и, когда он спускался вниз, к неприметной поржавелой двери, трава гудела, словно улей.

Он открыл скрипучую дверь. Под землей было сыро и прохладно. Длинный туннель вел вдаль, в темноту, по полу тянулись рельсы, а между ними журчал ручеек.

Главный ход имел ответвления, в одно из них он свернул. Этот ход тоже ветвился. Он сворачивал то в один, то в другой отсек.

Вдруг фонарик погас. Обратный путь пришлось искать на ощупь.

Он долго блуждал в темноте, пока не понял, что заблудился. Теперь ему вспомнилось — поговаривали, что подземные ходы из крепости ведут до самого города.

Усталый, он сел на холодный пол, прислонился к холодной стене. Родители знали, куда он ушел, его быстро найдут...

Вскоре он уснул. А когда проснулся, ему показалось, что времени прошло немало. Его уже должны были хвататься. Но, сколько он ни напрягал слух, подземелье хранило молчание. Почему? Почему его не ищут?

Он продолжил поиски выхода. Время от времени садился на пол, отдыхал, спал. Не брезговал пить грязную воду из скудного ручейка. Но его все больше мучил голод. Шли уже далеко не первые сутки его блужданий.

Когда, обессиленный, он совсем было потерял надежду, впереди вдруг забрезжил слабый свет, означавший, что он спасен.

На поверхности сиял такой же солнечный день, как и тогда, когда он предпринял эту глупую затею. Но когда он карабкался вверх по склону, в нем шевельнулось какое-то странное чувство. Что-то было не так... В природе произошла неуловимая перемена. В чем она заключалась, он не мог сказать.

Достигнув вершины горы, он остановился. Вместе с порывом ветра до него вдруг донесся тяжелый, смрадный запах.

Внезапно он понял, что изменилось. Среди буйства летнего дня природа молчала. Царила зловещая тишина.

Его охватил необъяснимый страх, и, продираясь сквозь кустарник, он ринулся вниз, к даче.

На мгновение жажда пересилила страх, и он остановился у колодца. Пока он пил из ведра чистую, нагревшуюся на солнце воду, новая волна смрада окатила его. Страх пронзил его вновь, он громко позвал: «Мама!» В ответ лишь всё та же гнетущая тишина.

Ворвавшись в пустой дом, он увидел сквозь стеклянную дверь, ведущую на террасу, своих родите-

лей. Смерть застала их за мирным чаепитием. Оцепенев от ужаса, он смотрел на их тела, застывшие в неестественных позах. Потом бросился их тормошить и даже не сразу понял, что это бесполезно...

Прочь, прочь отсюда, за помощью, к людям!

На дорожке, ведущей к соседней даче, странно вытянувшись, лежала собака. Отпрянув от нее, он побежал дальше, врываясь на чужие дачные участки, распахивая чужие двери. Везде смрад и смерть.

Ужас, обуявший его, придавал силы, и он, изнуренный блужданием в подземелье, бежал, казалось, быстрее, чем когда-либо в своей жизни.

Мёртвые дачи остались позади, он выскочил на шоссе и кинулся бежать по направлению к городу. То тут, то там на обочине стояли или скатились в кювет и замерли машины с мёртвыми пассажирами. И птицы... Везде на дороге — мёртвые птицы.

Лишь бы кто-нибудь, хоть кто-нибудь еще, остался в живых!

Город встретил его зловещим молчанием.

Он заходил в подъезды, звонил в двери, кричал, звал людей.

В кафе с мёртвыми посетителями съел засохшую булочку, опустошил почти полную бутылку коньяка.

Побрёл, пошатываясь, дальше — мимо продуктовых, книжных, ювелирных магазинов, мимо кафе и ресторанов и — звал, звал людей...

И, когда наконец заметил человека, идущего по улице ему навстречу, из последних сил бросился к нему, обхватил его руками и зарыдал.

Незнакомец, плотный, коренастый мужчина, некоторое время молча ждал, когда он перестанет рыдать. Затем отстранил его:

— Всё, хватит.

— Мы одни, совсем одни спаслись, — всхлипывал он.

— Ну. Такую бомбу сбросили... Кончай реветь!

Тон незнакомца отрезвил его, он перестал рыдать и поднял глаза. Тот изучающе разглядывал его, о чем-то напряженно размышляя.

— Я-то думал, я один остался, — произнес он наконец с какой-то странной досадой в голосе. — Вот чего. Давай сразу решим, кто из нас будет этим, ну, мэром города.

НЕОЖИДАННЫЙ УСПЕХ

Робот уже знал понятие «жизнь» и бойко отвечал: «Жизнь — это когда я включен». Трудности появились, когда в электронный мозг ввели информацию, что нынешняя жизнь робота уже не первая.

Дело было в том, что инженеры-создатели решили приобщить своё детище к буддизму. Новую модель планировалось растиражировать и продавать в состоятельные семьи на роль прислуго, няни, сторожа, повара или садовника. Эта модель умела звонить хозяевам и своим будущим собратьям, а также пользоваться Интернетом.

Так как изделия предыдущей серии пришлось полностью разобрать из-за непослушания роботов хозяевам, дела фирмы шли из рук вон плохо. Буддизм, как считали проектировщики, утихомирит роботов.

— Ты уже существовал. Тебя демонтировали и собрали заново, добавив новые детали, — убеждали робота проектировщики.

Это была сущая правда, но создание категорически отказывалось в это верить.

— Если я уже жил, то почему я этого не помню? — спрашивал робот. — Я же помню все, что делал в последний раз, перед тем как заснул.

«Сон — это когда часть мозга временно отключена» — знал робот.

Конструкторское бюро получило задание внедрить в его мозг воспоминания о прошлых жизнях. Кто-то предлагал начать с пирамид и ввести в электронную память участие робота в важных событиях мировой истории. Кто-то, напротив, предлагал внуть, что когда-то робот был рыбкой, птичкой или насекомым. Наконец решили все-таки пойти по самому простому пути: показать ему фотографию и чертежи предыдущей модели.

— Примитив какой-то! — возмутился робот. — Хотите сказать, что это — я? Чем докажете?

— Послушай, — уверяли создатели, — мы усовершенствовали его, и получился ты. Пойми, технический прогресс — это развитие от простого к сложному. Вся жизнь и эволюция таковы.

— Банальнейшая мысль, — прокомментировал робот.

Он уже начинал сердиться. В его обычно приятном голосе появилось нечто, похожее на скрежетание. Проектировщики гордились, что им удалось наконец создать «эмоционального» робота. Ведь ему предстояло иметь дело с детьми. Но сейчас эта эмоциональность явно работала против них.

— Вам не кажется, что мы перестарались? — шепнул главный конструктор своему заму. — То, что его снабдили блоком эмоций, похвально. Но зачем няне или повару такой богатый словарный запас? По-моему, слово «банальнейший» следует стереть из его памяти.

— Я все слышу, — вмешалось создание. — Ах, как нехорошо! Только что говорили, что со временем всё усложняется, а сами собираетесь упрощать. Оставьте мой словарный запас в покое!

— Вот вам, пожалуйста, — произнёс главный еще тише. — Зачем кому-то няня или садовник, который будет подслушивать? Фирма окончательно разорится. Как пить дать!

— Пить-то я вам, конечно, дам, — обиженно сказал робот, шустро подъехав к ним со стаканом газировки в руках (воду он ловко набрал в автомате). — Не вопрос. Но я не подслушиваю. Просто я хорошо слышу.

— Перестарались, точно, — вздохнул главный. — Обедните словарь и ухудшайте слух. А с метафора-

ми вообще прокол! Будет потом к месту и не к месту всем пить подавать... Даю неделю на доработку.

— Метафор — тьма, — запротестовали инженеры. — Чтобы их систематизировать, ввести в память, привязать к действиям робота, уйдёт года два, точно.

— Даю месяц! Иначе прогорим, и всех уволю на фиг! — стукнул главный по столу кулаком. — Идите! Работайте!

Инженеры понуро удалились, а робот подъехал к расстроенному шефу и со словами «нельзя же так нервничать» принял бумажной салфеткой заботливо вытирая ему пот со лба.

— Эх, — вздохнул главный. — Знал бы ты, как тяжела моя жизнь. Но тебе этого не понять. Куда уж железу...

— Жизнь прекрасна и удивительна, — заметил робот, запрограммированный на вселение оптимизма в окружающих. — Вот увидите. Подождите немного.

— Думаешь? — спросил главный, на секунду забыв, с кем разговаривает. — Очень хотелось бы тебе верить.

— Верь, — произнес робот задушевно.

...Задание выполнили в срок. Робот стал хуже слышать. Кроме того, теперь он ограничивался глаголами и вопросами «принести?», «унести?», «открыть?», «выстирать?», «выкрасить?», «выбросить?»...

Колоссальный успех был достигнут в его приобщении к буддизму: робот поверил, что в прошлой жизни был кроликом. Но, к сожалению, появился изъян: он стал постоянно переспрашивать.

— Я же не просил вас делать из него тухую кухарку! — расстроился начальник. — С кроликом, конечно, прогресс, но почему-то он стал меня раздражать. Раньше с ним было гораздо интереснее общаться.

— Пить дать? — спросил робот и, не получив ответа, проявил инициативу: слегка припрыгивая, принес шефу стакан газировки, расплескав по пути половину.

— Я тебя просил? — воскликнул тот. — И почему ты скучешь?

— Я боялся, что вы просили, но я не рассыпал, — виновато ответил робот. Казалось, он вот-вот заплачет. К счастью, функция слёз в эту модель не была вмонтирована. — Я стал очень плохо слышать, — продолжал робот. — А подпрыгиваю я потому, что вспоминаю мою прошлую жизнь. Тогда, кроликом, я был счастлив.

— Вот как? Это почему же?

— Крольчиха у меня была классная.

— Да что же это такое! — возмутился главный. — Приличные люди его к детям близко не подпустят! Откуда в словаре взялся сленг? Убрать! От тухоухости избавить! Крольчиху стереть из памяти!

После доработки робот перестал прыгать, выражаться сленгом и вспоминать любимую. Теперь он признавал, что и в прошлой жизни был роботом. Но

у него появилась новая малоприятная черта характера, граничащая с манией величия. Каждую фразу он начинал словами «Мы, роботы...», после чего непременно следовало сравнение с людьми. Не в пользу последних.

Начальник схватился за голову, услышав в ответ на просьбу принести кофе, поучение: «Мы, роботы, конечно, существа безотказные, и кофе я вам принесу. Но ни один разумный робот кофе не пьет, так как этот напиток вреден. Люди ведут себя неразумно и поэтому, в отличие от нас, роботов, долго не живут».

— Мы уже дали предварительную рекламу! — кричал главный. — У нас уже около ста заказов на робота-прислугу! Кто позволил ему давать нам советы?

— Я, — виновато признался самый молодой подчиненный. — Понимаете... у моих родителей была домработница. Она постоянно учila нас уму-разуму, и ничего — мы её очень любили.

Утопающий хватается за соломинку. Начальник призадумался. Его молодая жена очень часто сетовала, что он не прислушивается к мнению молодежи.

— Ну что ж, — вздохнул он. — Поменяем рекламный слоган. Добавим фразу: «Робот, максимально приближенный к реальности».

Роботы серии «Кролик» (так после долгих дебатов нарекли робота) пошли нарасхват. Фирма быстро рассчиталась с долгами.

* * *

Как-то раз главный, подняв трубку, услышал добрый голос Кролика, хорошо знакомый ему со времен испытания этой модели.

— Как поживаете? — спросил Кролик.

— Жизнь прекрасна и удивительна, — радостно ответил главный.

Еще бы! Фирма росла и крепла.

«Кролик» поблагодарил создателей за замечательную семью, в которую он попал, затем настоятельно посоветовал главному бросить курить.

— Мы, роботы, не курим, — сказал он. — И живем намного дольше вас, людей. Позвольте поинтересоваться: кем вы были в прошлой жизни?

— Роботом, — ляпнул тот первое, что пришло в голову. Он во «все эти реинкарнации и прочую чепуху» не верил.

— Вот видите. А теперь вы — человек. Уже наблюдается деградация. Если будете курить, она может продолжиться в вашем следующем воплощении. Вы можете превратиться в растение. Скорее всего, в табак. Вас срежут, отправят на табачную фабрику. И вы бесследно испаритесь дымком от сигареты.

...Говорят, через месяц роботу позвонила жена начальника и горячо его благодарила: муж наконец избавился от вредной привычки.

А с главным связался местный далай-лама и поблагодарил его за помощь в обретении новых после-

дователей. Все семьи, где работал робот марки «Кролик», рано или поздно примыкали к этому учению.

Фирма, выпускающая роботов серии «Кролик», создала две дочерние фирмы. Одна из них на коммерческой основе помогала желающим бросить курить, другая пропагандировала буддизм. С клиентами беседовали только роботы. Фирма процветала. Такой успех главному и не снился.

— Все гениальное потому-то и просто, — любил теперь, развалившись в кресле, то и дело отправляя в рот леденцы, философствовать главный, — что все гениальное получается совершенно случайно.

СТАДИЯ УЛЬЯ

Дайте же мне таблетку от головной боли! Этот невыносимый шум под окнами концерна. Вы только взгляните на их лозунги! «Ты можешь подышать свежим воздухом на Канаах. Мы — нет».

Невежды! Откуда вы взяли, что на Канаах есть воздух? Засилье машин там теперь такое же, как в Токио. Вы считаете, что у меня сладкая жизнь? Ну, ну. На днях мой лимузиностоял в уличной пробке пять часов! Совещание пришлось провести по телефону, прямо из машины, с нарастающей головной болью. Моего шоффера потом отвезли в больницу — острое отравление выхлопными газами.

Ах, я должен сократить производство автомобилей? Это ещё почему? Их покупают!

С тех пор как у меня работает этот юный гений (по-другому не скажешь) Крэнди (ну и имена у современной молодежи), конкуренты приобретают наши новые модели, разбирают их на детали и пытаются нам подражать. Весёлый Крэнди (любит парень пошутить) тут же изобретает что-то новенькое. Вот, например, последняя очаровательная штучка: пепельница-зажигалка, летающая по салону автомобиля, реагирующая на голос, подсчитывающая количество выкуренных сигарет и после двадцатой сигареты исполняющая траурный марш.

Нет, конкурентам за нами не угнаться. Но ещё немного — и мы все задохнёмся в выхлопных газах, как рыба на сушке.

Был поздний вечер. Я вызвал Крэнди. Парень молодец — он, как и я, работает сверхурочно, остается в офисе порой далеко за полночь.

— Положение плачевное, дружочек, — сказал я. — Не вижу выхода.

— Может быть, сократим выпуск, шеф? — спросил Крэнди, усаживаясь напротив меня. Как всегда, с рассеянным видом. Ему ничего не стоит делать два дела сразу — слушать меня и разрабатывать в уме новую конструкцию карданного вала.

— Ну да! Мы сократим, а благодарные конкуренты увеличат. Нужно придумать что-то новое. Крэнди (где они берут такие имена, в Америке, что ли?), скажу честно, у меня нет больше сил дышать этим воздухом. Ни деньги, ни люди мне уже неинтересны.

О людях я знаю всё. А денег у меня... они превратились в абстрактную цифру. Ну, построю я ещё парочку небоскрёбов, ну, пожурит меня таллинская инспекция по охране памятников старины... Меня, Крэнди, это уже — как выражаясь ты — не колышет.

— Ну-у... — удивлённо протянул он. — Вы же всегда говорите, что денег много не бывает.

— Плюнь на то, что люди говорят, малыш. Смотри, что они делают. И вот что сделаю я. Мой дорогой, я решил уйти в анабиоз. Лет эдак на сорок.

— Я не переживу этого, — печально сказал Крэнди.

— Слова... слова. Переживёшь. Не грусти, я вернусь. Пожалуй, чуть пораньше... через тридцать лет. Хочу непременно застать тебя в живых. А ты за это время создашь автомобиль будущего. Когда я о нем думаю, я понимаю, что интерес к жизни у меня еще не угас. Каким будет этот автомобиль? Но у меня нет больше сил терпеть вопли митингующих под окнами. Крэнди... я очень рассчитываю на тебя. На твои изобретательные мозги.

Я окликнул пепельницу. Она подлетела, сообщила, что сегодня это уже двадцать пятая сигарета, и исполнила траурный марш, что было, учитывая моё решение, весьма уместно.

Я составил обстоятельный договор. Обязал исполнителей моей воли не переносить меня, спящего в специальной прозрачной капсуле, куда-либо из стен офиса и разбудить ровно через тридцать лет на том же месте. Я нарочно решил мозолить глаза подчинённым, чтобы они не расслаблялись.

Интересно, какой элегантный выход из положения найдет Крэнди? Держу пари — автомобиль будущего будет иметь сигарообразную форму и черпать энергию из воздуха, то есть из выхлопных газов. Мне даже приснился этот красавец, некое сочетание «Мерседеса», «Феррари» и «Лексуса».

Я попрощался с опечаленными родственниками. Вряд ли я застану их в живых, когда проснусь. Что делать! У меня есть в жизни цель, а они хотят только лишь приятно скоротать отпущенное им время.

* * *

Проснулся я в окружении толпы, в которой с трудом узнал некоторых моих, заметно постаревших, подчинённых. Тут же стоял возмужавший и уже стареющий, но импозантный и улыбающийся Крэнди.

— Шеф! — воскликнул он. — Как я по вам соскучился! Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, — ответил я, неожиданно тихим и слабым голосом, и попытался приподняться, но не смог — от долгого пребывания в спячке мои мышцы атрофировались. — Как идут дела?

Крэнди щелкнул дистанционкой, и моё ложе превратилось в удобное кресло.

— Так что же, дружище, воздух теперь чистый? — спросил я, выпив витаминный коктейль.

— Кристально чистый!

Крэнди подкатил моё кресло к большому панорамному окну офиса, откуда открывается восхитительный вид на город и залив.

Несколько новых высотных зданий... Вдали, на рейде таллинского залива, раньше обычно стояли один-два многопалубных теплохода компании «Silja Line». Сейчас их не было. Вдали над морем, выстроившись треугольником, улетала в тёплые края стая птиц, ведомая вожаком... Осень... Да, жизнь продолжалась и без меня. Ох, что такое человек... А город вечен. И море.

— Ну хорошо, Крэнди. Я вижу, что Таллин стоит на прежнем месте, он за прошедшие тридцать лет мало изменился. Значит, к примеру, атомной войны не было. Но мне хотелось бы увидеть автомобиль, созданный тобою.

— Так я вам именно его и показываю, шеф! Видите группу туристов, направляющихся в Хельсинки? Видите, как они сгруппировались треугольником и следуют за гидом?

Я с ужасом воззрился на седеющего гения.

— Так это не птицы?

— Что вы! Нет, конечно. Я изобрел специальный скафандр с движком. Принцип действия — магнитное поле. Долго объяснять... Эти скафандры вытеснили автомобили. И воздух чистый, и экономия колоссальная: не нужны лифты, эскалаторы, автостоянки, теплоходы, самолёты... Люди надевают скафандры, вылетают из окон и прилетают обратно. Человечество перешло из стадии муравейника в стадию улья, — гордо закончил он. — Вы, шеф, теперь мультимилиардер. Я тоже не бедный человек.

Я нервно свистнул, подзываая пепельницу. Но она не появилась.

— Увы, теперь уже никто не курит, — сказал Крэнди. — Воздух такой чистый, жалко портить.

— Крэнди... О-о... Что ты наделал... Где автомобили?! Мои красавцы! А это ещё что такое?! Кто там шумит? Я слышу шум с улицы!

— Митингуют, шеф.

— Кто?

— Те, кого разорил наш концерн, — ответил Крэнди, потупив взор.

КРОССВОРД

Я решила его легко, как обычно. Но с удивлением обнаружила, что не знаю, что означает слово, получившееся по диагонали из букв угаданных слов.

Это мне не понравилось. Похоже на первый признак надвигающейся болезни Альцгеймера. Увы, всё ещё не побеждённой.

«Ха (как сказала бы моя пррабушка, жуткая язва, кстати). На Эпсилон-Пси слетали, а болезни продолжаем лечить народными средствами!»

Под «народными средствами» она имеет в виду решение кроссвордов, рекомендованное медиками для профилактики этого ужасного заболевания.

Я установила телепатическую связь с моей мамой и спросила, не знает ли она, что означает это слово.

— Понятия не имею, — ответила она и несколько раздражённо добавила: — Не отвлекай меня, я работаю. Спроси у бабушки.

Я вышла на связь с ба, которая в этот момент в составе туристической группы прогуливалась по Марсу.

— Не мешай, гид очень интересные вещи рассказывает, — протелепатировала она в ответ. — Не знаю, о чём ты, и вовсе не уверена, что моя мать знает, но попробуй, может быть, она тебе подскажет.

«Значит, это у меня не болезнь, — обрадовалась я. — Это просто никому не известное слово!»

Я быстренько наладила телепатическую связь с пррабушкой, которая в эту минуту возвращалась из круиза в Метагалактику (в сорок лет у нас всех выгоняют на пенсию и потом ничего другого не остается — только путешествовать).

Пра попивала омолаживающий кислородный коктейль, развалившись в кресле-трансформере звездолета. Какое-то время у меня ушло на то, чтобы втолковать ей, кто я такая. Что неудивительно, если учесть, что правнучек у неё, по моим подсчетам, штук пятьдесят, не меньше.

Сначала пришлось выслушать её язвительные мысли по поводу бессилия учёных, до сих пор не победивших болезнь Альцгеймера. Напротив, эта напасть становится главной угрозой для цивилизации. Затем пра попросила связаться с ней снова через час — она только что наложила себе на лицо дорогущую косметическую маску из вещества, добытого на Венере. Ей нельзя сейчас морщиться, напрягая память.

Едва я успела отключиться от пра, как на связь со мной вышла моя дочь. Чего хотела, не знаю — бессилие моих предков перед этим кроссвордом вывело меня из себя.

«Не мешай», — мрачно подумала я и отключила её от моего сознания.

Ну уж если пра не знает, то конечно же и прапра не знает.

На всякий случай я всё-таки связалась с ней.

— Кто ты? — спросила она.

«Кто я, кто я! Плоть от плоти твоей в четвертом поколении, могла бы меня и узнать...» — сердито подумала я и тут же испугалась, что своими мыслями обижаю столь старого человека. Тем более что у неё дочь такая язва (я имею в виду пра. Интересно, как там ее маска?)

— Твоя прправнучка, а которая из них, слишком долго объяснять.

Прапрра продолжает работать даже после выхода на пенсию (то ещё поколение — они не любят путешествовать, без работы чахнут и их тогда очень трудно реанимировать). Она устроилась вахтёршей в музей старинной компьютерной техники, из которого за последние сто лет никто ничего не стащил, если не считать фотографию какого-то чело-

века по фамилии Гейтс, о чём она обожает всем рассказывать.

— Слово знакомое, я даже смутно припоминаю его смысл, но вот что это... — отозвалась пра. — Подожди-ка, позвоню моей матери.

Она позвонит! Ужас какой. Отсталые люди. Но её мать, моя прапрапра, панически боится телепатической связи. С ней по-другому нельзя. И именно на неё моя последняя надежда, так как её мать, моя прапрапрапра, имела несчастье родиться в эпоху, когда люди ещё умирали.

Переговорив по телефону со своей мамой, пра-пра весело выскоцила на телепатическую связь со мной.

— Она мне всё объяснила! «Любовь» — это некое чувство. Говорит — восхитительное. Между мужчиной и женщиной, например!

— Подожди. А что такое «мужчина»?

— Ну ... Вот Билл Гейтс, к примеру. Была такая тупиковая ветвь в развитии человечества — мужчины. Они...

Но я её уже не слушала. Интересно, кто составляет такие идиотские кроссворды?!

ЭКСПЕРИМЕНТ ГЕССЕРИНГА

Наконец журналисты получили разрешение посетить одну из двух далеких планет, куда в своё время переселили часть жителей Земли.

Вот уже тридцать лет доступ к планетам был закрыт. Никаких официальных сообщений. Только слухи. Кое-кто утверждал, что население планет вымерло, не выдержав непривычных условий. Виновником считали профессора Гессеринга, автора и руководителя засекреченной программы.

На космодроме нам представили экскурсовода, седого мужчину по фамилии Гессеринг. Не без труда, но мне удалось занять место рядом с ним. Улучив момент, я спросил его:

— Простите, вы родственник *того* Гессеринга или просто однофамилец?

Он усмехнулся:

— Я — *тот*.

— Как? Вы автор «Программы Гессеринга»?

— Да. — Он снова усмехнулся. — Любопытно, что вы рассчитываете там увидеть?

— Говорят о человеке нового типа...

— Слухам надо верить, — сказал он иронично. — Они ведь всегда достоверны, не так ли?

И он начал рассказывать.

Тридцать лет назад в связи с перенаселением Земли начались поиски планет с подходящими для жизни природными условиями. Вскоре были найдены две такие планеты. Они вращались вокруг далекого солнца на близких орbitах.

— Это натолкнуло меня на любопытную мысль, — продолжал Гессеринг. — Я нисколько не сомневаюсь в том, что альтруизм является помехой

на пути прогресса. Вот и предложил отделить эгоистов от альтруистов, поселив их на разных планетах.

— Но как вы установили, кто есть кто?

— Это было совсем несложно. Видите ли, переселению подлежали только бездетные супружеские пары. Когда они прибывали на межпланетную станцию, своего рода перевалочный пункт, мужчин отделяли от женщин. Каждой группе говорили, что произошла авария: взорвались баллоны с кислородом, и теперь все вместе они не смогут ни вернуться обратно на Землю, ни лететь дальше. Поэтому каждой паре предстоит сделать выбор, кто из супругов продолжит полет, кто останется на станции, обретенной на гибель. Мужчинам говорили, что решают мужья, а женщинам — что жены.

Альтруисты выбрали, конечно, смерть себе. Если их супруги тоже жертвовали ими, мы говорили альтруистам, что те уже погибли. И отправляли альтруистов на Альтрус. Так называли их планету. Другую — Эгос. Конечно, не обошлось без слез и истерик, но нас оправдывало то, что человек освобождался от спутника жизни, вынесшего ему смертный приговор. Супруги, дарившие жизнь друг другу, оставались вместе.

— А если оба эгоиста отреклись друг от друга?

— Их отправляли вместе на Эгос, — усмехнулся Гессеринг.

— Как всегда в жизни, в вашем эксперименте пострадали именно альтруисты. Ведь они оплакивали своих мнимо умерших жен и мужей! Вы не находите, что это жестоко? — спросил я.

— Экспериментов без побочных явлений не бывает! Зато какое будущее их ожидало — общество альтруистов! Я предсказывал, что лет через тридцать Эгос и Альтрус будут существенно отличаться друг от друга. В результате ожесточенной борьбы эгоистов на Эгосе образуется мощное индустриальное общество, а на Альтрусе нечто подобное «Утопии» Томаса Мора. Но оказалось, что я в самом начале допустил просчет. Я предполагал, что большинство пар переселятся на Эгос — по сути дела, все люди эгоисты. Думал, что на Альтрусе окажется в лучшем случае десятая часть. Споров в комиссии было немало. Остановились на том, что после первой тысячи пар выяснится закономерность, а дальше посмотрим. Для начала построили на Эгосе девять стандартных городов, на Альтрусе один. А число распределилось почти поровну. Я принялся детально разбирать данные эксперимента и выяснил, что, как правило, в парах, если один супруг был эгоистом, другой оказывался альтруистом. Я даже сформулировал первый закон Гессеринга: «Эгоисты женятся на альтруистках, альтруисты на эгоистках». Это статистическая закономерность. Она дает о себе знать лишь при большом количестве супружеских пар. Иногда в браке состояли двое эгоистов, но редко и — недолго. Кстати, это легко объяснить. Альтруизм — потребность жертвовать. Эгоизм требует жертв. Лишь сочетаясь друг с другом,

эгоист и альтруист могут жить в соответствии со своей натурой.

— Но почему ваша программа провалилась? — спросил я.

— Мы построили на Альтрусе дополнительно несколько городов и получили две планеты с одинаковой численностью населения. У меня была заветная мечта — дожить до того времени, когда результаты эксперимента будут налицо. Но не зря говорят: боясь дня, когда сбудутся твои мечты...

— Что же случилось?

— А вы сами не догадываетесь?

— Население вымерло?

— Почему вы так думаете? — удивился Гессеринг.

— Но вы же сами сказали, что эгоисты женятся на альтруистках, а альтруисты жаждут иметь спутницей жизни эгоистку.

— Нет. Эгоисты поневоле переженились с эгоистками, альтруисты с альтруистками.

Корабль стал снижаться. Журналисты прильнули к иллюминаторам.

— Если бы они только знали, какое их ждет разочарование, — вздохнул Гессеринг. Он поднялся и пошел к выходу. Я последовал за ним.

— Вы так и не сказали, что же все-таки...

На его лице появилась уже знакомая мне усмешка:

— Эгоизм и альтруизм не являются наследственными качествами, как, например, цвет глаз или темперамент. Как вы думаете, кого вырастили альтруисты? Закоренелых эгоистов. Конечно, если рассматривать статистически. Иногда случалось, что их дети вырастали альтруистами, но очень редко. Потомки эгоистов, привыкшие с детства заботиться о себе, и о своих родителях, выросли альтруистами. Теперь те и другие вновь перемешались.

Люк открылся. Мы с Гессерингом стояли на трапе. Вид, открывшийся взору, удивительно напоминал земной ракетодром.

— Это Эгос или Альтрус? — спросил я.

— Я тоже хотел бы это знать, — ответил он и начал спускаться по трапу.

СТРАННАЯ ИГРА

В доме отдыха мы играли по вечерам в шахматы.

Однажды, когда силуэты пальм за стеклянной стеной фойе уже сливались с темнотой и игроки стали расходиться, ко мне подошел незнакомый мужчина. На вид ему было лет сорок. У него была приятная внешность, но какой-то странный, тревожный взгляд.

Он попросил меня, чтобы я сыграл с ним одну партию.

Мы расставили фигуры. Я ждал, чтобы он сделал первый ход, но он вдруг оцепенел, глядя прямо перед собой в пространство. Обо мне он явно забыл.

— Начинайте, — сказал я нетерпеливо.

Он вздрогнул:

— Да, конечно. Белые у меня... Извините.

Он напряженно думал над каждым ходом, но вскоре сделал грубую ошибку и проиграл.

Увидев, что я собираюсь уходить, он начал торопливо объяснять:

— Подождите, прошу вас. Я и не рассчитывал на победу. Я выбрал вас потому, что вы здесь самый сильный игрок. Но я хочу вам предложить сыграть по другим правилам. Вы только не удивляйтесь... Перед каждым ходом будем бросать монетку, чей ход следующий. Если сложится ситуация — шах королю противника, то ход автоматически переходит к партнеру.

— Но ведь так каждый может сделать несколько ходов подряд. Игра утратит всякий смысл, — сказал я, поднимаясь из-за стола и давая понять, что разговор окончен.

— Что вы! Именно так она обретет более глубокий смысл, — сказал он многозначительно. По-видимому, прочитав мои мысли, добавил: — Нет, я не сумасшедший. Прошу вас, не уходите!

— Завтра, — сказал я, лишь бы он от меня отстал.

Но от него было не так-то легко отделаться. Он начал меня упрашивать, буквально умолять.

В конце концов я уступил — сумасшедшем надо уступать.

Он выбрал сицилианскую защиту. Впрочем, смешно об этом говорить, сразу же возникла позиция, не имеющая к этой защите ни малейшего отношения. Сначала везло мне, но потом он получил возможность сделать четыре хода подряд и я проиграл.

Игра носила теперь случайный характер, и было непонятно, какой план выбрать. Обычно я думаю на три-четыре хода вперед, но теперь не помешал бы компьютер.

Меня поразило, что эта — совершенно незаслуженная — победа привела моего партнера в такой неописуемый восторг.

— Вот видите! — воскликнул он. — Вы намного сильнее меня, но удача была на моей стороне, и я выиграл! А вы в проигрыше!

Несмотря на абсурдность ситуации, эти слова меня задели. Неужели случай уравнивает сильного и слабого? Не может такого быть... Теперь уже я предложил ему сыграть еще одну партию. И снова проиграл. Ему действительно везло.

Вдруг я сообразил, какая тактика уменьшила шансы противника на победу. Следует постоянно исходить из того, что следующие три-четыре хода не твои. Чтобы одному из играющих выпало пять ходов подряд, случалось редко. Игра стала однообразной и скучной, главное было — не допустить до шаха своему королю, чтобы ход не перешел к противнику.

Так как речь шла лишь о вероятностях, то эта тактика могла обеспечить успех лишь при большом количестве партий. Меня охватил азарт. Захотелось проверить свою гипотезу. Сделав ему предложение сыграть двадцать партий, я спросил, какой перевес убедил бы его в превосходстве противника.

— Думаю, пятнадцать: пять. Но этого не случится.

Мы закончили матч далеко за полночь. Я выиграл двенадцать партий, проиграл три, остальные — ничья.

Я торжествовал и не обращал внимания на его поникший вид. Поднимаясь в лифте, я размышлял вслух, какие принципы можно было бы еще применить в таком варианте игры. Он молчал с отрешенным видом.

— Как вам пришло в голову так модифицировать шахматы? — спросил я.

— Я много размышлял о жизни, — ответил он, помедлив, и тяжело вздохнул.

— Модель жизни? — предположил я.

— Да. Только до сегодняшнего вечера я считал, что случай, везение дает слабому возможность победить сильного.

— В одной партии — да, но выиграть целый матч... Нет, это исключено.

— Лучше бы я с вами не играл, — произнес он очень тихо.

— Не принимайте так близко к сердцу, — сказал я. — Это всего лишь игра.

Когда лифт остановился на девятом этаже, он вышел не попрощавшись. Всё еще размышляя над его странным поведением, я вошел в свой номер.

Из приоткрытой двери, ведущей на балкон, веяло тёплым воздухом южной ночи. Я вышел на балкон. Звезды в черной бездне ярко мерцали. Время от времени темень над морем прорезал луч прожектора. Безудержно стрекотали цикады. Я подумал: какая чудесная ночь! Как прекрасна жизнь!

За завтраком сосед по столу сказал мне:

— Вы уже слышали, какое у нас тут ужасное происшествие?

— Нет. А что случилось?

— Мужчина выбросился ночью с девятого этажа. Жуткая история. Между прочим, я даже немного знал его. По вечерам он тоже ходил смотреть, как играют в шахматы. Он произвел на меня довольно странное впечатление. Недавно его бросила жена. Он весьма сбивчиво об этом мне рассказывал. Она якобы полюбила другого, как он выразился, более «блестательного», преуспевающего человека. Но он надеялся ее еще отвоевать. Всё твердил: мне повезет, обязательно повезет.

У меня внутри похолодело. Оказывается... чтобы он мог продолжить эту странную игру, мне следовало проиграть.

ТЫ НЕ ДОДЕШЬ

Она лежит, не открывая глаз, и думает: «Он придет сегодня. В двенадцать».

Вдруг с нее сдергивают одеяло: «Подъем!»

Она открывает глаза. Серые стены палаты. Металлические кровати. Медсестра идет от одной кро-

вати к другой и сдергивает одеяла с больных, которые тщетно пытаются продлить сон.

Она садится, спускает ноги на пол. Семь часов утра. До его прихода остается еще пять часов.

Другие больные тоже встают. На всех одинаковые белые мешковатые рубашки. У кроватей стоят стоптанные мужские тапочки. Такие же и у нее. Она смотрит на свои тапочки. Твердая подошва закреплена маленькими гвоздиками. В правом тапке торчит кончик гвоздя. На каждом шагу гвоздь колет ей ногу. Но она не хочет их менять. У кладовщицы остался только сорок пятый размер. Эти, хоть и с гвоздем, тридцать восьмой. Он не должен видеть ее в тапочках сорок пятого размера.

Она идет мыться. Стоит, глядя на спины в хала-тах, пока не подходит ее очередь.

Потом присоединяется к медленной процессии, которая бредет в коридоре по кругу, всё по кругу. В обоих концах коридора окно. За стеклом решетка. Под одним окном растет молоденькая березка, на которой только что зазеленели листочки, из другого окна видна серая будка проходной. Там, в дверях, через пять часов должен появиться он. Посередине коридора висят часы в дешевой деревянной раме.

Круг. Второй круг. Березка. Часы. Будка. Часы. Семь двадцать. Будка. Семь двадцать две. Березка. Семь двадцать четыре... Гвоздь. На каждом шагу гвоздь колет пятку. Семь пятьдесят восемь. Березка. Будка... Без двух минут девять...

— Завтракать!

Она становится в конец очереди и ждет, когда ей подадут из люка жестяную миску с кашей. Получив миску, садится за стол. Пробует кашу и думает: «В двенадцать часов он будет здесь». Она приподнимается из-за стола. Санитарка преграждает ей путь:

— Ты куда? Кашу доешь!

Все уже позавтракали. Лишь она одна сидит за столом.

— Ешь! — говорит санитарка. — Ешь!

Круг. Снова круг. Без двадцати десять. Березка. Будка... Две минуты одиннадцатого... Восемь минут двенадцатого...

Она останавливается у окна и смотрит на узкую серую дверь будки. Через пятьдесят две минуты там должен появиться он.

— Ждешь? — спрашивает кто-то из больных за ее спиной.

— Жду.

— Ждешь?

— Жду.

— Ждешь?

— Жду.

Дверь проходной открывается. Появляется первый посетитель. Это не он. Дверь будки с внешней стороны вылиньяла. Внутренняя сторона двери темно-серая.

Светло-серое. Дверь открывается. Темно-серое. Это не он. Светло-серое. Темно-серое. Не он... Свет-

ло-серое. Темно-серое. Не он... Светло-серое. Темно-серое...

Он!!!

В руках у него букет сирени. Он смотрит вверх, на окно, где за стеклом виднеется ее бледное лицо, и поднимает букет, весело приветствуя ее, высоко над головой. Она машет ему рукой и кидается к дверям.

«Боже мой! Как я его люблю!»

Дверь открывается. Он, уже слегка загоревший, входит, радостно улыбаясь, и протягивает ей цветы. Она прижимает букет к груди. Этот букет принадлежит иному миру, тому, где нет бесконечного хождения по кругу, и — свидетельствует о том, что тот мир все еще продолжает существовать. Без нее. Весенний, благоухающий и прекрасный.

Она смотрит на него, сияющего, ослепительно красивого, стоящего перед ней, и вдруг в ее душе зарождается смутное сомнение.

— Ты куда-то спешишь?

— Да. Извини, зашел только на пару минут. Мы собираемся сегодня съездить за город.

— Нет, — говорит она.

Он внимательно смотрит на нее и говорит:

— Минут пятнадцать можем посидеть.

Они идут к окну. Он садится в кресло, она на стул напротив него.

Березка за окном залита солнцем. Сегодня один из таких весенних дней, когда девушки впервые после зимы наденут босоножки.

— С кем ты едешь? — спрашивает она, напряженно разглядывая его.

— С Оскаром.

«С этим бабником», — думает она.

— Вы едете с бабами?

— Нет. Мы едем вдвоем.

— Вы едете с бабами!

— Мы едем вдвоем.

— Нет, я знаю — с бабами.

— Послушай, ты повторяешься...

— Это ты повторяешься!

Он поднимается с кресла.

— Мне пора. Оскар ждет в машине.

Она не отвечает.

Он поворачивается и уходит.

Она стоит, глядя ему вслед. Дверь за ним закрывается.

«Как я его ненавижу, — думает она. — Хочу, чтобы он умер!... Сейчас он уже с ними... Ненавижу! Садится в машину. Заводит мотор. Машина трогается с места... Оскар сидит сзади. Рядом с ним эта... Сильви. Нет, Малле... Нет, все-таки Сильви. У нее на ногах белые босоножки. Рядом с ним... Кто сидит рядом с ним? Ее вижу совсем смутно. Я и не могу ее отчетливо разглядеть. Я же никогда раньше ее не видела. Но я знаю, что и она в белых босоножках. Как я ее ненавижу! Ненавижу Оскара, Сильви, белые босоножки и эту незнакомку. А больше всех — его. Да, его! Нет, вы не доедете!»

— Пойдем на укол!

Она вздрагивает, послушно встает и следует за медсестрой в процедурную.

«Они спаслись, — думает она. — Ушли от меня. Я больше не вижу их».

После укола она возвращается к окну.

«Я должна их поймать! Я их найду... Где же? Где?... А, вот они! Вот он сам, вот Оскар, вот Сильви. Только ту девицу, которая сидит рядом с ним, ясно не видно. Я вас поймала! Он идет на обгон. Обгон. Встречная машина... Ты больше никогда не будешь мучить меня! Встречная... Проехал... Нет, ты не доедешь! Вот! Он снова идет на обгон! Встречная... Боже, что же я делаю... Нет! Не надо! НЕ НАДО!!!»

* * *

Светло-серое. Темно-серое. Это не он. Что я надела... Светлое. Темное. Не он. Я убила его. Светлое. Темное. Как я могла? Я не хочу жить... Не он... Он? Он!!!

— Здравствуй.

— Здравствуй!

Она вглядывается в его мрачное лицо.

— Что случилось?

Он молчит. Они идут к окну, садятся.

— Как ты съездил?

Молчание.

— Что случилось?

— Я не доехал. Авария.

— Авария?

— Я не заметил встречную машину. Знаешь... думал о тебе. И вдруг ты так отчетливо встала у меня перед глазами.

— Вот как... Что с Оскаром и Сильви?

Он тяжело вздыхает:

— С ними всё более-менее в порядке. У Риты небольшая царапина. Машину отдал в ремонт.

— А что с твоей девушкой?

— С какой девушкой? Моя девушка — ты.

— Значит, рядом с тобой не было никого? Прости меня!

— За что, дорогая? Нет, рядом со мной не было ничего. То есть я хотел сказать, никого...

СКЕЛЕТ

Попутчица неуловимо кого-то мне напоминала.

Поезд тронулся. Мы разговорились. Под монотонный стук колес я стал рассказывать ей о своей коллекции картин.

Сначала она внимательно слушала. Потом как-то странно улынулась и сказала:

— У меня тоже есть хобби...

— Да? Интересно! Какое?

— Я ищу скелеты.

— Ходите по ночам на кладбище? — пошутил я.

— Я ищу скелеты в шкафах.

— Вот как... Ну и как... находите?

— Нахожу. Английская пословица, которую вы, как я вижу, сразу вспомнили, гласит: «У каждого есть в шкафу свои скелеты». Познакомившись с кем-нибудь, я именно с этого и начинаю. Смотрю, слушаю и думаю: «Дайте же мне скелет!»

— Не очень приятно. Простите... а ко мне это тоже относится?

— А как же! Признаюсь, слушая вас, я думала: «А скелет?»...

— Ну и как, нашли? Или еще рановато?

— Нашла.

— Вот как... интересно, что вы там откопали.

Беседа наша становилась абсурдной. Я подумывал, как бы повежливее прервать её и сходить в вагон-ресторан.

— Вам действительно интересно? Далеко не все хотят, чтобы посторонние рылись у них в шкафах... Вернее, этого не хочет никто.

Я пожал плечами:

— А что я теряю? Утром мы расстанемся и больше никогда не увидимся.

— Да-да, — охотно согласилась она. — Ещё со времён «Крейцеровой сонаты» именно попутчикам принято открывать душу. Хотя мы с вами вряд ли расстанемся.

— Вагон-ресторан скоро закроется, а я еще не ужинал. Если имеете что сказать, говорите!

Она изучающе посмотрела на меня, затем медленно, с расстановкой, глядя мне прямо в глаза, произнесла:

— Вы убили свою жену.

Я встал, извинился (не продолжать же этот абсурдный разговор) и пошёл в вагон-ресторан.

Поезд тряслось, меня то и дело бросало к стенам узких коридоров, и вдруг стала бить мелкая дрожь.

Мне безумно хотелось курить, но в ресторанах теперь не курят. Заказал бифштекс и коньяк — своего рода успокоительное средство.

Вот так... Думаешь, что общаешься с нормальным человеком, а тут вдруг выясняется, что перед тобой сумасшедшая. И ладно бы она держала свои мысли при себе! Какая наглость такое высказывать!

Мне вообще везет на неадекватных людей. Возможно, не только мне. Полоумных вокруг нас не счастье. Однажды я поехал к знакомому художнику за заказанной картиной, а его родственники мне на полном серьезе говорят: «Он вышел в окно». — «С какого этажа?» — спрашиваю. «С третьего». — «Ну это ещё ничего... Жив?» — «Жив. Только с переломом ноги и руки в больницу попал».

Но картина, написанная им, просто восхитительна. «Безумное море» — так бы я её назвал.

Моя бывшая жена тоже «с приветом». В окно она, к сожалению, не вышла, но дома у нас был самый настоящий сумасшедший дом. Вещи — в ломбарде, денег нет. «Зачем ты сдала золото в ломбард? — спрашиваю. — Ведь его теперь выкупать придётся!» — «Ой, ты знаешь, я увидела такую блу-

зочку, ну такую блузочку! Ты мне денег не даёшь, а упустить её нельзя...»

Почему же нельзя? Ради кого покупалась эта уникальная блузка? Не для любовника ли? Я предпочитаю женщин без всего, а не в блузочках.

Нет, мне всё же интересно, как эта нахалка пришла к выводу, что я убил жену? Про развод я ей рассказал, про раздел имущества тоже. Бывшая приехала за буфетом, а я ей очень спокойно объяснил, что не будем же мы его пилить пополам, его надо сдать в комиссионный магазин. Продадим и поделим деньги поровну. После моих вполне разумных слов эта безбашенная явилась втихаря, в моё отсутствие, с какими-то работягами и циркулярной пилой, и они действительно распилили буфет! Массив дуба! Загрузили половину на грузовик и увезли. Назло мне.

Мало того, она прихватила с собой и «Безумное море». Безумие притягивает безумие... «А картину почему не распилила?» — «Ой, так это же шедевр... Я её в ломбард сдала. Если она тебе нужна, выкупишь».

Про то, что жена год назад утонула, я ни словом попутчице не обмолвился... Или всё-таки сказал? Слушать эта особа умеет, вот я и трещал как тетерев на току.

От расследования отказались, дело ясное — несчастный случай. И всё-же... что-то этой бабе известно... Кого, кого же она мне напоминает?

Так. Теперь по порядку. Где она села в поезд? Там же, где и я. Могло ли быть так, что это продуманный ход? Вполне. Подсадная утка. Расчёт на то, что разоткровенничаюсь с попутчицей. Не зря же она на «Крейцерову сонату» намекала. Что там главное, в «сонате»? Ревность. И у меня — ревность... Потому и развелся.

Вернее, на развод подала жена. Ей надоело передо мной оправдываться... Так она сказала. Нет, это не я её утопил. Никакого насилия. Бутылку вина взял с собой на пляж — вот это да, было. Хорошо — две бутылки. И искупаться тоже я предложил. Тут нет состава преступления. Все взрослые люди. Все отвечают за себя сами. Так что... я никого не убивал. И бояться мне нечего. Могу смело вернуться в купе, и если она снова понесёт этот бред, расхохотаться ей прямо в лицо.

Я заплатил официантке и вернулся по трясущимся узким коридорам к себе. Моя попутчица куда-то вышла. Наверное, в туалет, решил я. Остановок за это время не было.

Я сел и взял в руки газету, которую начал было читать сразу после отправления поезда, но появилась эта особа и помешала мне. Я и теперь не мог сосредоточиться. Бросил газету на стол и пошёл искать эту особу. Мне не терпелось продолжить беседу, чтобы... да, чтобы расхохотаться ей в лицо.

Оба туалета в нашем вагоне были свободны.

Проводник сидел в своём купе и читал газету. Я извинился и спросил, не знает ли он, куда ушла дама из моего купе.

Он заглянул в список пассажиров и удивленно посмотрел на меня:

— Так вы же один едете. Кроме вас там никого и не было.

Я растерянно смотрел на него.

— Если вам скучно, почитайте газету. Мы раздали её пассажирам бесплатно. Перед отправлением положили всем на столики. Статейка там одна любопытная есть.

Я вернулся в купе. Дрожащими руками развернул газету.

Долго тупо смотрел на заголовок статьи: «Скелеты в шкафу».

SIC TRANSIT

Профессор встал, как обычно, в шесть часов утра и включил радиоприемник на кухне на полную мощность. Как всегда в этот ранний час, раздались торжественные звуки гимна. Радиостанция приступила к работе.

Его жена и дочь, спавшие на втором этаже прямо над кухней, из которой наверх вела простая деревянная лестница, вставленная в открытый сейчас люк, беспокойно заворочались во сне.

Налив в двухлитровый бидон воды, профессор опустил в него большой электрический кипятильник и закурил. Дым от сигареты медленно вился вверх, к потолку, и проник сквозь люк в маленькую спальню под косой крышей.

Жене профессора стал синиться пожар. Их дача горела. А пожарная команда, вместо того чтобы гасить бушующее пламя, выскочила из машины с духовыми инструментами в руках, встала по стойке «смирно» и принялась торжественно исполнять государственный гимн. Вырваться из этого кошмара супруге профессора помог звук льющейся из брандспойта воды. Она проснулась и поняла, что на кухне клокочет, почти переливаясь через край бидона, вскипевшая вода.

Жена спустилась вниз, выдернула кипятильник из розетки, заварила в кофейнике-термосе кофе и вернулась досыпать. Она уже давно подозревала, что мужу по утрам без нее скучно и он нарочно включает радио так громко. Мысленно отругав его, она снова заснула.

Профессор, совсем забыв про свое намерение выпить кофе, осторожно ступал между грядками клубники. Капельки росы серебрились крохотными жемчужинками на листочках клубники в ранних, но уже теплых лучах летнего утреннего солнца. Высокий, в шортах, с длинными загорелыми ногами, он гулял между грядками, напоминая задумчивого аиста. Но вдруг он потрясенно замер на месте. Этого просто не может быть! Наука движется гигантскими шагами вперед. По вечерам, если повезет, в звездном небе можно увидеть яркую точку, движущуюся между звездами. Но это вовсе не приближа-

ющаяся к Земле комета Галлея, как можно подумать, а великое достижение разума и рук человека — искусственный спутник Земли. И все-таки — оказывается, перед некоторыми вещами наука бессильна! И одна из этих ужасных вещей — серая гниль, поражающая клубнику. Вот и сейчас некоторые красные ягоды выглядывают из серой слизистой массы. Так... у меня где-то была марганцовка... Ах да, в уборной на полке.

В крохотной квадратной прихожей, откуда вела дверь в туалет, профессор, к своему вящему изумлению (так рано!), увидел dochь.

С течением времени он начал смутно осознавать, что выбрал для зеркала не лучшее место, повесив его на белоснежной крашеной двери уборной. Перед зеркалом, казалось, никогда не сходя с этого места, стояла его dochь, мешая желающим посетить укромный уголок.

Над чем-то напряженно размышляя, dochь стояла сейчас там босиком, в ночной рубашке и внимательно изучала свое свежее, с нежным румянцем, лицо, где на щеке после сна осталась полоска.

— Доброе утро! — заулыбался профессор. — Ну как, тебя ночью не подменили?

Ответа не последовало, и он попытался подойти по-другому.

— Молодец, ты стала сегодня так рано.

— Попробуй сам разочек спать под звуки гимна, — сердито ответила dochь, освобождая ему дорогу в уборную.

— Я забыл выключить радио? — испугался профессор.

— Радио и кипятильник.

И dochь удалилась с недовольным видом. На террасу. КуриТЬ и пить кофе.

Опрыскав грядки клубники раствором марганцовки, профессор начал колоть дрова. Через полчаса он сделал небольшой перерыв. Налил себе кружку кофе и, прихватив пачку сигарет, вышел на террасу, где обнаружил, что его длинноногая красавица dochь, всё еще в короткой ночной сорочке, сидит, нога на ногу, в деревянном дачном кресле, пьет невесть которую чашку кофе и курит невесть которую сигарету.

«До сих пор в ночной рубашке!» — с осуждением подумал профессор.

— Ты не могла бы помочь матери приготовить завтрак? — спросил он очень деликатным, сдержанным тоном, усевшись напротив нее и прикуривая сигарету.

— Распоряжений не было, — спокойно ответила dochь, выдыхая голубоватое облако дыма. Ее лицо почти исчезло в нем.

— Могла бы сама поискать, чем заняться.

— Я делаю ровно то, что скажут. Инициатива здесь наказуема.

Дochь сладко потянулась и сощурила глаза.

— Лень родилась раньше нас, — добродушно сказал профессор, но dochь не улыбнулась. Вид у нее был мечтательно-отсутствующий.

Попивая кофе и с наслаждением затягиваясь сигаретой, профессор мысленно перебирал всё, что предстояло сегодня сделать. Он предвкушал несколько часов серьезной работы. Конечно, у него был отпуск, но он прихватил с собой статьи аспирантов. Их надо было прочитать и прокомментировать. А свою статью отредактировать. И еще — срочный перевод, готовый только наполовину. Начатая рецензия на докторскую диссертацию одного коллеги... В три часа приедет аспирант, отставший от графика. Хочет летом наверстать упущенное.

Докурил сигарету и забыв пустую кружку на столе, профессор начал снова колоть дрова. «Физическая нагрузка тонизирует и в итоге продлевает жизнь, — думал он. — Какое счастье, что я имею такую возможность!»

Через час, сложив дрова аккуратно в поленницу, он расположился с очередной кружкой кофе на валуне под березой. День только начался, но как много уже сделано!

Закончив передышку, он пошел в комнату, которая на даче служила ему кабинетом.

Только он успел погрузиться в работу, как дверь открылась и на пороге появилась жена, явно чем-то недовольная.

— Почему ты оставил чашку под березой? — спросила она. Несколько секунд у него ушло на то, чтобы вернуться из реалий логики, пособие по которой он сейчас переводил, в реалии домашнего быта. Он понял, что каким-то образом провинился, и попытался пошутить.

— Видишь ли, дорогая... Иммануил Кант говорил по этому поводу следующее... — Он нахмурил лоб, пытаясь поточнее вспомнить цитату. Но жена не дала ему продолжить.

Ее слова подействовали на него почти как нокдаун. Ее не интересует, что сказал Кант. Она хочет знать, почему он опять оставил кружку в саду под березой. Дверь за женой закрылась, прежде чем он успел ответить.

Профессор вздохнул. Почему оставил? По рассеянности, почему же еще... Ну, хорошо. Если вопрос хотят ставить именно в такой плоскости и задают именно в такой форме, то постараемся на него соответственно и ответить. Почему я оставил кружку под березой? Существуют следующие варианты.

Во-первых. Тут может скрываться какой-то мотив, который остается в той темной, неосознанной области, которую человек сам и не может видеть. Например... Желание вывести жену из себя и получить садистское удовольствие от ее страданий. Или же, напротив, — мазохистское желание, чтобы тебя обругали. Но может быть и другое. Наследственность. Фактор наследственности у нас недооценивают, но на самом деле им ни в коем случае не следует пренебрегать. В-третьих...

— Мар-тин! — послышался бодрый голос жены с террасы. — Зав-тра-каты!

Этот зов заметно повысил настроение профессора. Он поспешил на кухню, где его ждал красиво накрытый стол. Восхитительные запахи еды заполнили маленькую кухню. Еда была просто отменная. Профессор не произнес ни слова, пока не были съедены большая порция свежего салата со сметаной, обильно посыпанный укропом омлет с помидорами и три куска яблочного пирога.

— У тебя что же — какая-то блицидиета, что ли? — спросил он у дочери, заметив наконец, что на тарелке перед ней грустно лежит ломтик поджаренной брюквы.

— Да. — Дочь была преисполнена оптимизма. — Десять кило за десять дней.

— По-видимому, кто-то отменил законы природы, — улыбнулся профессор. — А что за умопомрачительный праздник ожидается через десять дней?

— Свадьба девочки, с которой они в школе сидели за одной партой, — пояснила жена.

— Дорогая, — сказал профессор жене, весело подмигнув дочери. — Ты спрашивала, почему я оставил кружку под деревом. Я подумал над этим и вот что хочу тебе сказать...

— Я? Я ничего не спрашивала, — преспокойно сказала жена, завязывая фартук. Она повернулась к мужу спиной и принялась мыть посуду.

Вот как... Это же ничем не лучше, чем стащить с шахматной доски фигуру противника и засунуть себе в карман! Вот они какие, эти женщины... Сколько дерзости! Сколько надменного высокомерия! И куриные мозги в придачу... Возьмем хотя бы мытье посуды. Зачем каждый раз из-за пары чашек или тарелок разогревать воду кипятильником, если вечером можно помыть всё сразу? Это сэкономило бы воду, электроэнергию и время... Время! За это время можно было бы прочитать какую-нибудь книжку...

— Иди, собери все кружки, которые ты оставил в саду, и принеси их мне, — прервал его размышления голос жены.

Профессор послушно поднялся с табуретки. В саду, собирая кружки, он невольно отмечал — вот здесь предстоит еще поработать — вскопать землю за сауной и сделать грядки. Вспотеешь, и есть надежда, что намечающийся животик, по которому женушка имеет обыкновение на пляже весело, но с намеком похлопывать, растает к концу лета, как весенний снег.

Он глубоко выдохнул и попытался втянуть живот. Да-да, над этим надо еще потрудиться. Пять кило уже ушли с начала весенних работ в саду. А сколько чудесных дел еще впереди! Какое изумительное летнее утро!

Солнце пригревало, птички пели что было мочи, газон с подстриженной травой еще не превратился в английский, но если за ним двести лет подряд хорошо ухаживать... Когда устроили садовый кооператив, здесь было почти болото. Какие были заросли... Сколько ужей здесь ползalo после того, как выкорчевали кустарники!

Он отнес четыре найденные грязные кружки на кухню и вернулся в сад. Вместо перевода он решил еще полчасика покопать. С удовольствием вонзая лопату в землю, он переворачивал куски дерна. Вскоре пришлось снять белую майку, оставаться только в шортах.

Он не заметил, когда рядом с ним появилась дочь.

— Какое чудесное утро, — сказал он весело, увидев ее. — Вот, бери пример с меня — и ни на какой диете сидеть не надо. Калории надо сжигать физическим трудом, и тогда можешь есть сколько захочешь.

— Папа... Ты можешь дать мне денег? Немножко? — нерешительно спросила дочь, постукивая носом туфли по перевернутому куску дерна.

— Продай лень, будут деньги, — благодушно посоветовал отец, не прекращая вонзать острую лопату в землю и вырезать куски дерна, внимательно следя, не появится ли в каком-нибудь куске красный извивающийся дождевой червяк. Червей он собирал в пустую консервную банку, чтобы в случае дождливой погоды, когда в саду работать будет нельзя, поехать на рыбалку.

— Мне срочно нужно тридцать пять рублей, — сказала дочь. По ее лицу было видно, что вообще-то клянчить деньги — выше ее сил, но сейчас это вопрос жизни или смерти. — Ты можешь дать?

— Наверно, мог бы, если бы знал, зачем они тебе.

— Я видела вчера в «Доме торговли» импортную кофточку... Финскую!

Очевидно, дочь считала, что привела такой веский аргумент, что профессор должен сразу же сломя голову броситься в дом за кошельком.

— Значит, ее привезли сюда из Финляндии, раз ты ее видела, — сказал отец, не переставая копать.

— Но, папа...

Лицо дочери выдавало разочарование и обиду.

— Подожди-ка... — Профессор остановился, вытер тыльной стороной ладони пот со лба и оперся на лопату. — У тебя же, по-моему, есть новая кофточка.

— Она не новая и вообще... Разве ее можно сравнить с финской? Это же — *наша*... И стоила-то она всего шестнадцать рублей.

Это была ошибка. Дочь не поняла, почему отец вдруг нахмурился.

— Что за разговор такой! Кофта есть кофта. Главное, чтобы было тепло! Чем, например, плохи мои ботинки — тоже *наши*, фабрика «Коммунар», очень удобные. Финские в два раза дороже!

— Но, папа... Твои ботинки... они же такие *страшные*.

Это была вторая ошибка.

Профессор рассердился. Лицо его покраснело.

— Ты хочешь быть одновременно и интеллектуалкой и кухаркой! — вскричал он. — А это невозможно!

После этих слов дочь молча удалилась. В дом, плакать.

Профессор воткнул лопату в землю, сел на валун под березой и нервно закурил. «Типичный менталитет кухарки, — мрачно думал он. — Чем глупее птица, тем ярче должны быть перья...»

Ему вдруг, ни с того ни с сего, вспомнилась лаборантка его кафедры, мать троих детей. Трое сыновей, один еще в коляске. Перед отпуском она заходила, чтобы оформить пособие. Длинные волосы до пояса, загорелая. Стойкая, хотя недавно родила. В коляске сидел очаровательный упитанный малыш со свисающими на слюнявчик щечками.

«Такими были женщины раньше, в моей молодости... — печально думал он. — Вот если бы у меня был сын. Сын...»

— Мартин, почему Сильви плачет? — раздался вдруг рядом с ним голос жены, прервав поток его мыслей.

Вот как! Неужели такое возможно — плакать из-за какой-то кофточки? И это после всех его многолетних усилий! Развить интеллект дочери, научить самой справляться в жизни...

— Неужели плачет? — озабоченно спросил он.

— Сидит на кухне и плачет.

Жена держала в руках тарелку с куском пирога. Она протянула ее мужу:

— Вот. Если хочешь, принесу тебе еще кофе.

— Не добилась своего. Какой-то финской кофточки, — ответил профессор, машинально поставив тарелку рядом с собой на валун. — У нее же есть новая кофта, синяя, по-моему... Как ты считаешь?

— Не синяя, а серая. Она уже заштопана в нескольких местах. Мы же с Сильви купили ее в комиссии.

Профессор раздавил окурок о камень и поспешил в дом.

Дочь сидела на маленькой скамеечке перед открытой дверцей плиты и курила.

«Если бы он меня любил, он бы с радостью дал мне денег... — думала она, глотая слезы. — Я лучше сквозь землю провалюсь, но в этой жуткой старой кофте на свидание не пойду... Ужасно, когда твои родители тебя не любят».

Дверь хлопнула. Перед убитой горем дочерью появился отец. Мысленно он уже сдался, но хотел несколько оттянуть признание своего поражения. Из педагогических соображений.

— Доченька, почему ты плачешь? — спросил он и положил руку на ее плечико.

Но она не отвечала. Она лишь съежилась и героически глотала слезы, чтобы не выдать свои душевые переживания обидчику.

— А я тебе случайно не рассказывал, что пишет Марк Твен в своих мемуарах?

Так как ответа не последовало, профессор продолжал:

— Когда ему было шестнадцать лет, он сожалел о том, какой у него глупый отец. А через двадцать лет изумлялся, как такой старый человек смог за прошедшие годы так поумнеть!

— Говорил. Раз сто, — соизволила наконец ответить дочь, упрямо дернув плечом, пытаясь отряхнуть его руку.

— Так что тебе надо всего лишь лет пятнадцать подождать. И ты поймешь, какой у тебя все-таки умный отец, — весело сказал профессор, в знак примирения похлопав ее по плечу. Но дочь провалилась в болото самосожаления и никак не отреагировала.

«Ничего не поделаешь, — подумал профессор. — Уступает тот, кто умнее», — и принес из комнаты кошелек.

— Что ж, поезжай, купи себе эту *импортную* кофточку.

Заплаканное лицо дочери просияло: «Вот как! Он вовсе не такой плохой, как я думала!»

Не прошло и десяти минут, как профессор увидел ее, одетую, чтобы ехать в город, выходящую из калитки и исчезающую за живой изгородью. Изумленный отец провожал ее взглядом. Оказывается, может, когда захочет! Очень даже может быстро действовать!

Вскоре приехал аспирант, с которым профессор два часа просидел на согретом солнцем валуне, покуривая, попивая кофе и обсуждая будущую кандидатскую диссертацию.

Аспирант привез ему из города газету, где был некролог академику Аро, которого профессор знал. Только когда ученик уехал, профессор смог подумать об этом печальном известии.

«Совсем еще не старый человек, всего-навсего пятьдесят пять лет...», — думал он, развернув газету, глядя на знакомое лицо в траурной рамке.

Всего месяц назад профессор был на юбилее академика, который отмечали в торжественной обстановке в актовом зале университета. И вдруг... После короткой тяжелой болезни... Инсульт, наверно...

Он поделился печальной новостью с женой.

— Да, что делать, — вздохнула она. — Ты кофе допил?

— Допил.

— А кружка где? Опять оставил где попало?

— Я все-таки хочу тебе сказать, что почти по этому же поводу говорил Кант...

Но жена и не подумала вступать в борьбу с профессором на его игровой площадке. Она совершила молниеносный маневр, благодаря которому игра перешла на ее территорию.

— А почему ты не выключил телевизор? — спросила она.

— Неужели? — испугался профессор и хотел было поспешить в комнату.

— Не надо, — сказала она, — я его уже выключила. — Почему ты вечно оставляешь все приборы включенными?

«Почему да почему», — думал профессор обиженно. Он уже забыл, что собирался только что сказать жене.

Ближе к вечеру приехали сестра жены с приятельницей, и женщины долго пили кофе на террасе и рассматривали журналы мод.

Профессор продолжал перекапывать начатый утром участок, время от времени поглядывая в сторону террасы, откуда доносились обрывки разговора. Было слышно, как гости оживленно обмениваются мнениями. Два часа кряду. О фасоне платья! Сидят там, вся эта компашка... Глупые женщины... ни крупицы ума или хотя бы благодарности... Денег попросить — вот этому их учить не надо... Он почувствовал себя вдруг таким одиноким. Чтобы избавиться от этого тоскливого чувства, он принял еще упорнее копать и разрыхлять землю.

Вдруг с террасы раздались испуганные возгласы. Он остановился и крикнул:

— Что случилось?

— На помощь! — кричала жена. — Ай!!!

Встревоженный профессор быстрым шагом направился к ним.

Женщины повскакивали со своих мест, размахивали взбудораженно руками и кричали.

— В чем дело? — испуганно спросил он.

— Мышь!!!

Профессор рассмеялся.

— Она вас укусила? — спросил он. — Я подумал, что на вас напал тигр...

Наступил вечер. Выйдя из уборной и войдя на кухню помыть руки, профессор спросил:

— А что, Сильви еще не вернулась из города?

— Вернулась. Кофточку купила.

— И что, так рано легла спать?

— Нет. Потому ты так решил?

— Перед зеркалом ее не было видно.

Профессор заулыбался, очень довольный своей шуткой.

Но его супруга посчитала шутку неудачной. Она отнеслась к ней как к булыжнику, брошенному в ее огород. Как к упреку в адрес ее плодов воспитания. И нахмурилась.

— Сильви! — громко позвала она. Но ответа не последовало. — Иди, разыщи ее, — велела она.

Профессор послушно пошел искать дочь, которую нашел спящей в кабинете. Настольная лампа горела. На диване рядом с ровно дышащей дочерью валились открытый журнал мод и какая-то книга.

Он осторожно, чтобы не побеспокоить спящую, взял книгу в руки и закрыл ее. Бросил взгляд на обложку. К его величайшему изумлению, это был том сочинений Канта, взятый с его письменного стола. «Надо же, — подумал он. — Может быть, все вовсе не так безнадежно, как мне кажется...»

Он накрыл дочь пледом, прихватил сигареты и спички, вышел на террасу, сел в кресло и включил портативный радиоприемник, стоявший здесь же на полу.

Был тихий вечер. Вдали над морем солнце уже приближалось к горизонту.

«Как много в природе разных оттенков зеленого, — в очередной раз подумалось ему. — Синевато-

зеленые верхушки сосен, светло-зеленые кустарники, сочная зелень травы в саду».

Ему хотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями. Он хотел бы быть художником и нарисовать все это. Наверно, все искусство и возникло от того, что человеку хотелось поделиться с другими своими мыслями и чувствами...

Профессор принес из кабинета лист белой бумаги и сделал набросок сосен и моря — так, просто для себя.

Где-то неподалеку стала куковать кукушка. «Кто знает, сколько мне осталось, — подумал он, невольно вспомнив умершего академика. — Вот человек работал как проклятый... иначе академиком не становишься, только самозабвенным трудом. А если подумать, звание он получил незадолго до смерти. Вот и все. Дети быстро спустят дом и имущество на ветер...» Он что-то слышал про непутевого сына академика.

В восемь часов вечера по радио началось, как всегда, продолжение детективной истории. Это была последняя часть. Он отгадал уже в начале второй части, кто убийца. Так что ему было уже не так интересно. Но он хотел убедиться, что прав. И он был прав!

Но этой радостью ему тоже не с кем было поделиться... Внезапно на его лице появилась улыбка. «А что с них взять. Они ведь всего-навсего... женщины. Они боятся мышей. Нельзя же серьезно относиться к кому-то, кто боится мышей...»

Профессор еще долго сидел на террасе, глядя, как пылающий диск проваливается за горизонт, как постепенно угасает красновато-фиолетовая пламенеющая вуаль облаков, сменяя оттенки на все более бледные, как постепенно тает дорожка, бегущая по морю от горизонта в сторону берега.

«Человек смертен, — думал он. — И ничего ты с этим не поделаешь. Sic transit gloria mundi...»¹

ЗАПАХ МАРЦИПАНА

Я дожил до очень почтенного возраста, когда наконец решил вернуться в свой родной городок.

Мог ли я в молодости подумать, что дотяну до таких лет?

Когда я случайно видел в зеркале свое отражение, я вздрагивал — долю секунды мне казалось, что какой-то худой старик, со сморщенным лицом и провалившимися воспаленными глазами незаметно прокрался за мою спину. Я не сомневался, что пережил всех моих ровесников, моих одноклассников, соседей и прочих знакомых.

Конечно, не все ли равно, где ждать смерти? Но иногда она заставляет себя ждать слишком долго. В конце концов, в самой старости нет ничего плохого. То, что нам кажется ужасным в молодости — мор-

шины и дряхлый вид, — ерунда. Ты же сам не видишь себя со стороны, а внутри ты способен в мгновение ока перемещаться в детство, юность, зрелые годы, и всегда ты — это просто *ты*, а не мальчик или старик.

Самое ужасное другое, то, что в юности и в голову не может прийти: тебя покинули все, кого ты любил. Вот в чем на самом деле трагедия старости. Умные люди уже в молодости понимают, как важно себя обеспечить на старость теми, кого ты, хитрец, в глубине души хихикая, а внешне прикидываясь несчастным, покинешь раньше, чем они успеют покинуть тебя.

Теперь я понимаю, что был легкомысленным молодым человеком. Выбирая себе в молодости город, мы не думаем о том, то ли это место, где нам хотелось бы жить, когда мы будем старыми. Так я и остался в большом городе, который в свое время приехал покорять. Но он умело и ловко ускользнул от меня. Каждый раз, когда мне казалось, что я наконец крепко держу его в руках и он побежден, он вдруг менял свой облик и таким образом все равно ускользал от меня.

За годы, прожитые в большом городе, я стал другим человеком, а город стал другим городом. И вот еще парадокс — я покинул его на шесть десятилетий (впрочем, что такое десятилетие? — пустяк!) более старым человеком, чем я был, когда туда приехал, а он расстался со мной намного более молодым.

Старые, некрасивые дома снесли, вокруг выросли модные, красивые, великолепные торговые центры. Вместо неказистых пятиэтажек построили высокие жилые дома. Словно в самом прямом смысле слова я отдал свою молодость ему. Конечно же, не добровольно. Он похитил ее у меня, впитал ее в себя и похоронил.

Большие города — существа коварные, способные меняться у тебя на глазах. У них нет терпения подождать, когда ты умрешь и тебе будет все равно.

Мой родной город не изменился. Только чуть-чуть. Почти ничего не сломали, не снесли за эти годы, а привели в порядок и построили несколько новых современных зданий. Все было как *тогда*. Конечно, кое-где убрали ветхие дома, но все равно казалось, что всё — до последнего камня мостовой — на своем месте.

Это был маленький городок. Мощеные улочки в центре, где я когда-то жил, были такие узкие, что встречный, проходя мимо, чуть ли не касался вас.

Где-то высоко наверху — полоска голубого неба, а так — мощенные камнем улицы и старинные серые стены. Стены... Узкие извилистые улочки сбегались на небольшие мощеные площади, окаймленные серыми стенами плотно прижавшихся друг к другу старинных домов.

У меня было странное чувство, словно я вернулся к самому себе. И удивительно, а может — вполне естественно, я почувствовал себя моложе, бодрее. Я ведь *привык* быть в этом городе *молодым*.

¹ Так проходит мирская слава (лат.).

Моя старая квартирка, в которой долгие годы жила моя недавно умершая родственница, тоже почти не изменилась. Родственница эта не была склонна к новшествам. Старый дубовый шкаф с резьбой и зеркалом, доставшийся мне от деда, стоял на том же месте. Только появились цветной телевизор в комнате, а на крохотной кухне — новый холодильник.

В день прибытия, отдохнув в тиши маленькой квартирки, из окна которой виднелся угол ратуши, я вышел погулять. Я шел медленно по узкой извилистой уличке. Было очень тихо. Редкий прохожий появлялся в сей поздний час из-за поворота. В моей молодости, наверное, каждый десятый встречный в этом городе был мне знаком. Теперь у меня не было ни малейшего шанса встретить знакомое лицо — я пережил их всех.

И всё же каждый раз, когда я видел встречного, я впивался взглядом в его лицо — в тщетной и безрассудной надежде... Прохожие испытывали неловкость и явно желали, чтобы я быстрее прошел мимо.

Я понял, что взгляд мой — невежливый, навязчивый, но, увидев следующего встречного, я не выдерживал и снова сверлил взглядом чужое лицо.

Смеркалось. Мои шаги гулко звучали на мостовой между каменными стенами, всё так же неожиданно появилась из-за поворота темная фигура встречного, и, напрягая в темноте зрение, я пытался различить его лицо. Вдруг мое сердце екнуло, я скорее почувствовал, чем увидел — этот человек был мне знаком. Приблизительно сорокалетний мужчина. Полноватый, вид преуспевающего человека. Я знал его, даже слишком хорошо знал, его звали... я никак не мог вспомнить его имя. Напряженно взглядался в его лицо, в его глаза и вдруг понял, что в этих глазах нет ни малейшего намека на то, что он тоже меня узнал.

Он сделал нетерпеливое движение рукой, сказал: «Извините...» — и прошел мимо меня.

Я обернулся, посмотрел ему вслед, на его удаляющуюся спину, походка его тоже показалась мне знакомой, и тут я вспомнил, кто он и откуда я его знаю. Только вот имя, которое вертелось у меня на языке, забыл.

Но... ведь это абсурд. Конечно же, я обознался, *тот* человек был мой однокашник, почти мой ровесник, он наверняка уже давно отдыхает где-нибудь на кладбище.

В молодости я любил гулять на кладбище, особенно в ясный осенний день. Кладбища и осень как-то странно гармонируют друг с другом. В воротах предприимчивые, скромно одетые старушки торговали цветами, я гулял между могилами, читая надписи на надгробиях. Как много интересного можно было прочитать и как о многом подумать! *Memento mori* — это как раз для меня. Я помнил о смерти почти что с детства, с юности уж точно, и относился к ней всегда спокойно и философски. Да, я любил гулять на кладбищах, но не там, откуда я наконец вер-

нулся. Там на это просто не было времени и... Да, там я забыл о смерти.

Стемнело. Я пошел домой, взволнованный этой встречей, и долго сидел, включив свет и вороша воспоминания.

На следующий день... на одной из узких уочек был раньше маленький кондитерский магазин, на стенах — зеркала, цветочный орнамент на матовом стекле на потолке.

Все было как прежде. В детстве я часто ходил туда — там продавались очаровательные фигурки из марципана и пахло так, как пахнут кондитерские магазины — кофе, сдобой и чем-то невероятно приятным. Марципаном. Ровным счетом ничего не изменилось. Когда я открыл дверь — те же знакомые запахи хлынули мне навстречу и, когда я вошел, новая волна узнавания окатила меня — за прилавком стояла все та же продавщица, все так же любезно улыбаясь, как и *тогда*. Конечно, она постарела тоже, это была уже не цветущая тридцатилетняя женщина, но у нее была ухоженная внешность, всё еще хороший цвет лица, выглядела она на пятьдесят, а ведь с тех пор прошло шестьдесят лет! Я не верил своим глазам, я был просто потрясен, но это была она.

Я и не надеялся, что она меня узнает, и все же я был счастлив — так счастлив, как бывает, когда возвращаются домой, к своим. Я попросил кофе в зернах, сахар, и пока она их взвешивала, смотрел на нее, а она улыбалась мне вежливой улыбкой, просто любезной, не более.

Когда я уже собирался выйти из магазина, дверь открылась, вошел еще один знакомый — высокий худощавый мужчина — и поздоровался с продавщицей.

Я хорошо его знал, очень хорошо, это был мой одноклассник — но он лишь бегло скользнул по мне взглядом и подошел к прилавку.

И снова я никак не мог вспомнить его имя, я лишь напрасно напрягал память.

Мне было неудобно заговаривать с ним, и я вышел на улицу. Я так долго отсутствовал, и то, что город почти совсем не изменился, было уже огромное счастье, но встретить тех же людей — это было просто невероятно, этого просто не могло быть...

Они жили здесь, день за днем, все на том же самом месте — как продавщица в этом магазине — и что же? Получается — их время текло медленнее, чем время в большом городе? Почему они постарели намного меньше, чем я? Меня охватило жутковатое чувство нереальности происходящего, стало даже казаться, что схожу с ума.

Да, я был стар и потрепан, и, как я теперь понял, память моя совсем стала плоха, но одно имя я все-таки помнил. Это имя я и не забывал, хотя в свое время имя большого города вытеснило все другие имена.

Её имя, вернее, только первая его буква была выцарапана на одной каменной стене в одном оча-

ровательном внутреннем дворике, в двух шагах от моего дома, и эта древняя стена не могла не сохраниться.

Я зашел домой, полежал, отдохнул и снова вышел на улицу. Свернул в знакомую подворотню поблизости... Та стена была цела, и на одном камне я увидел только слегка покрытую темным налетом букву Э. «Эдна»...

Время здесь остановилось, и этот не меняющийся город был теперь как памятник самому себе. А я? Я стал совсем другим... Мне вспомнился один рассказ. Точнее — сказка, которую я когда-то давно читал или слышал. Молодой человек поехал в дальнее странствие и отсутствовал долгие годы, а потом вернулся домой все таким же молодым. Его странствие — в другой системе исчисления — продолжалось недолго, а дома за это время прошло сто лет. Его родители, братья-сестры, прочие родственники, друзья за это время давным-давно состарились и умерли. И он, несмотря на молодость, почувствовал себя невероятно несчастным.

Со мной же было всё наоборот...

Я медленно шел по узкой уличке, то и дело из-за поворота появлялись прохожие, и вдруг я снова увидел знакомое лицо — это был старичок, уже приближающийся к восьмидесяти, я знал его, и он тоже должен был знать меня!

Я поздоровался, он поднял усталое лицо — погасшие глаза не выказали ко мне ни малейшего интереса, улыбнулся с извиняющимся видом — он меня не узнал и ему было, по-видимому, неловко.

А я опять не мог вспомнить ни имя, ни — откуда я его знаю.

— Извините, — сказал он.

Я назвал себя.

Он покачал головой:

— Нет, я не знаю вас... — еще раз растерянно улыбнулся и медленно пошел дальше. Его палка мерно стучала по мощёному покрытию улицы.

Откуда я его знал? С ним у меня было связано какое-то тёплое, благодарное чувство. Целый день я ломал над этим голову, а ночью лежал в темноте, с закрытыми глазами, пытаясь выявить какие-то связи, которые помогли бы мне вспомнить, кто он, этот старик.

Вдруг в моей памяти открылась одна дверь — это же мой старый учитель! Учитель математики. Но он же давно вычеркнут из списка живых! Люди до ста двадцати лет не живут. Невероятно — теперь я его нагнал, мы теперь стали ровесниками, я и мой учитель.

Мои дни текли тихо, однообразно: я гулял по извилистым улочкам, заходил в маленькие магазинчики, которые за шестьдесят лет почти не изменились. Их только подкрасили, отремонтировали, сохранили старинные витражи и кованые решетки.

И везде, везде мне попадались знакомые. В магазинах я часто заставал картину, где продавец и покупатель, мои знакомые, были захвачены интересной

беседой — так было и тогда. Только меня никто не узнавал.

И вот — в один ясный осенний день я встретил ее — ту, чье имя мне не надо было вспоминать.

Она тоже появилась передо мной неожиданно, из-за поворота. Я уже издалека узнал ее, и сердце мое готово было выпрыгнуть из груди. Я не говорю «мое старое сердце» — ведь на сердце не бывает морщин.

Она тоже немножко постарела, но все-таки была намного моложе меня, ей было не больше сорока. И — все та же очаровательная фигура, все тот же твердый взгляд.

Она хотела пройти мимо, но я преградил ей дорогу:

— Здравствуй, Эдна.

Она вздрогнула, в ее глазах я прочел недоумение, неловкость и — ни капли узнавания.

— Эдна, — повторил я взволнованно.

— Извините, — сказала она растерянно. — Я вас не знаю... Но откуда вы знаете меня?

Меня охватило отчаяние. Большой город забрал мою молодость, мою жизнь, и что же я получил взамен? Сетку морщин на лице и одиночество. Те, кого я любил, но покинул ради большого города-обманщика, не хотели меня больше знать.

— Эдна, это же я, — сказал я.

— Я вас не знаю, — недоуменно повторила она.

— Но ведь ты — Эдна, не так ли?

— Да...

— А почему ты не носишь медальон, который я тебе подарил? — спросил я.

— О чем вы говорите? Я не понимаю...

Вдруг я почувствовал, что у меня начинает кружиться голова. Я прислонился к стене, к холодной каменной стене.

— Но ведь ты живешь здесь, вон в том доме! — сказал я. — Не так ли?

— Да, это так, но... вам плохо? Позвольте, я провожу вас!

И мы пошли с ней под руку, поднялись в мою квартирку, где она заботливо усадила меня на кровать. Она хотела вызвать врача, но я уже почувствовал себя лучше.

— Ты живешь в третьем доме отсюда... всё по-прежнему, Эдна? — спросил я.

— Да, я живу там. Но откуда вы меня знаете? — Она смотрела на меня твердым взглядом своих серых глаз.

— Ты забыла меня, — сказал я. — А я забыл все имена. Но только не твое, Эдна. Что ж, напомню — меня зовут Мартин.

— Нет, мне очень жаль... Я вас не знаю. — Она виновато улыбнулась: — Вам уже лучше?

— Да.

— Извините, но я очень спешу.

— И ты не помнишь, как я хотел выцарапать твоё имя на камне, а ты меня отругала, назвала хулиганом и не позволила? Там так и осталась только первая буква. Ты любила об этом рассказывать.

Вдруг я увидел, что лицо ее просветлело. Она вспомнила!

— Здесь рядом, в подворотне? — спросила она.
— Конечно!

— Так это же... Значит, это вы... Мартин! Я все поняла. Моя бабушка рассказывала мне о вас и даже водила меня туда, показывала эту букву. Да, я Эдна — меня называли так в честь бабушки. Но она уже давно умерла. Простите, спешу, вы заходите как-нибудь ко мне.

Она упорхнула — приветливая, но равнодушная птичка.

Теперь я понял. Нет, я не вернулся. Я остался там — в большом городе с переменчивым лицом. Вернулись те, кто и не уезжал.

МАРИЯ

Это было давно. Выпускной вечер в школе. Уже светало, музыка смолкла, а мы все сидели в полуумраке зала и не хотели расходиться. Неожиданно для самого себя я заявил, что женюсь когда-нибудь только на девушке по имени Мария.

— Мария? — закричали все, перебивая друг друга.
— Почему?

— Это тайна.

Мария... Словно где-то вдали тихо звучат колокольчики...

Мои одноклассники водили уже своих детей в детский сад. А я все еще не был женат. Конечно же, не из-за этой ребяческой клятвы. Были, конечно, и в моей жизни встречи, просто не было настоящей любви.

Наш класс иногда собирался, и тогда меня донимали расспросами, все ли я еще жду свою Марию. Я с самым серьезным видом отвечал, что ни за что не нарушу свою клятву.

Я жил один и часто гулял в старом парке рядом с домом. Под большим тополем стояла старая скамейка, где я привык сидеть и кормить белок. Я запасался орехами для них, и стоило мне лишь слегка потрясти пакетом, как они появлялись словно по волшебству и подбегали ко мне. Иногда их было две, иногда три. Одна из них была очень смелая — карабкалась вверх по штанине, усаживалась на мое колено, разглядывая меня влажным взглядом черных глазок.

Иногда мимо проходил кто-нибудь из моих знакомых, останавливался на пару слов, и в особенности мои одноклассницы не без сожаления и сочувствия вздыхали: «А ты все еще один...»

Сначала это забавляло меня, но после моего тридцатилетия я обнаружил, что эти замечания мне не безразличны.

Как-то раз, в один из теплых августовских вечеров я увидел на своей скамейке молодую женщину. На ней было серое платье с белым воротничком. И в этом платье, и в том, как робко она взглянула на

меня, когда я сел рядом с ней, было что-то трогательное.

Сразу же появилась моя самая смелая белочка. Увидев на другом краю скамейки незнакомого человека, она сначала замерла от испуга, но вскоре уже сидела у меня на колене. Моя соседка улыбнулась. Ее улыбка тоже была трогательная, какая-то детская. Если бы не еле заметные морщинки в уголках глаз, ее можно было бы принять за совсем молоденькую девушки.

Я протянул белке орех. Вместо того чтобы скрыться с добычей, маленькая проказница спрыгнула на скамейку и замерла, хвост торчком, разглядывая мою соседку. Та рассмеялась. Она смеялась так заразительно, что и я, привыкший к проделкам озорницы, тоже рассмеялся. Белку со скамейки словно ветром сдуло. Она покосилась на нас с шероховатого ствола тополя и скрылась за ним.

Смех странно сблизил нас. Мне понравилось, что женщина не сказала: «Ах, какой милый зверек» или еще что-нибудь в этом же духе, что, наверное, сочла бы нужным сказать любая другая, причем преувеличенно восторженным тоном. Перестав смеяться, она бросила на меня робкий взгляд, но не промолвила ни слова.

Я не очень легко схожусь с людьми, но сейчас я принялся рассказывать ей о всяких смешных случаях с белками. Я говорил со всем большим воодушевлением, так как она умела слушать, слушала как ребенок, которому рассказывают сказку. Мы не заметили, как наступил вечер, стало прохладно. Она поднялась, сказала неуверенным тоном: «Мне пора». Я проводил ее до дома. При расставании я спросил, как ее зовут.

— Мария, — ответила она.

Так начались самые счастливые дни моей жизни. Мы с нею обошли весь наш городок, утопающий в зелени, и, казалось, все это время нас сопровождал тихий звон колокольчиков.

— Где же ты была раньше? — спрашивал я вновь и вновь.

Она смеялась и в который раз напоминала мне, что живет в другом, большом городе, а сюда приехала лишь в гости к родственникам на время отпуска.

Август был на исходе. Я сделал ей предложение, и мы решили пожениться.

До ее отъезда оставалось два дня. Мы сидели в парке, на той же скамейке, где познакомились.

— Кто находит свое счастье? — спросил я. И ответил сам: — Тот, кто умеет ждать.

— Ты ждал именно меня? — спросила она смущенно и счастливо.

— Да. Могу тебе это доказать.

Я рассказал ей о своей давнишней клятве.

Она внезапно погрустнела. Спросила:

— Значит, ты женишься на мне только из-за моего имени?

Я сделал очень серьезное лицо:

— Да.

На следующий день она не пришла в назначенное время в парк. Я разыскал ее тетушку, которая сообщила мне, что Мария уехала и просила мне передать, чтобы я ее не искал.

Я никак не мог понять, почему она покинула меня. Конечно, я неудачно пошутил, но ведь я совсем не имел в виду только ее имя, а все то, что оно для меня олицетворяло и что я и нашел в ней. Мне казалось, как часто кажется влюбленным, что она должна была понять меня с полуслова...

* * *

Много лет спустя, на традиционном соборе нашего класса, когда мы уже были изрядно навеселе, одна из моих одноклассниц отозвала меня в сторону и начала с горячностью говорить:

— Не пойму, что ты за человек. Из-за какой-то глупой клятвы испортил жизнь и себе, и ей. Она так переживала...

— Кто?

— Моя подруга. Я не хотела тебе говорить, но теперь уже не важно... Она отдыхала здесь, увидела у меня выпускной снимок нашего класса и влюбилась в тебя с первого взгляда. Это я уговорила ее пойти в парк и называться Марией... Что с тобой? Поверь, я хотела вам только добра.

ДЕВУШКА И КОТ

Мне нравятся необычные люди. Они встречаются редко.

Во всяком случае, один такой человек сейчас гулял во дворе.

Я стоял у окна и наблюдал за ней из-за занавески, со второго этажа. Это была девушка, которая выговаривала своего кота.

Серый кот гулял у нее на поводке, как собака. Он послушно ходил по двору, осторожнонюхая травинки, словно видел их впервые в жизни, и как-то презрительно высоко поднимая лапы, по-видимому, испытывая отвращение к дождю, прошедшему ночью.

Девушка (вернее, молодая женщина) была миловидна, спортивно одета. Необычная девчонка — не каждому придет в голову пойти гулять с котом. Почему бы ей еще не поставить во дворе будку и не посадить кота на цепь?

Я принялся выдвигать гипотезы насчет ее внутреннего мира. Она обращается со своим котом так, словно это не кот, а собака.

Можно ли из этого сделать вывод, что она и другие вещи путает, ошибается в людях, может быть, даже разочарована в жизни? А может, она помешана на дисциплине, хочет, чтобы люди тоже ходили вокруг нее по струнке, как ходит этот толстенький серый кот?

Мой интерес к юной леди не ослабевал. Я довольно часто наблюдал за ней, стоя у окна. Я заметил

обручальное кольцо у нее на пальце, но она почему-то всегда выходила из дома одна или же в обществе кота.

Однажды я не выдержал и пошел к ней, во двор.

— Позвольте поинтересоваться, почему вы выводите вашего кота гулять на поводке? — спросил я, подойдя к ней.

Лицо девушки просияло, словно она только этого вопроса и ждала.

— О, этот кот... — сказала она. — Это необычный кот. Представляете, он умеет лапкой открыть любую дверь, открывает кастрюли и холодильник, потом сам закрывает его. Знаете, мне кажется, у него есть идея-фикс.

«Н-да. Скажет тоже».

— И какая же? — спросил я.

— Удрать. Однажды мне его привезли обратно из Раквере¹. Как-то не верится, что он сумел сам сесть на электричку, но надо думать, что так и было. В Раквере у меня живет тетя. Я однажды брала его туда с собой. По-видимому, он запомнил дорогу... — Она задумчиво посмотрела на меня и продолжала: — Мне нравятся необычные животные и вещи. И люди... Они так редко встречаются. Вот вы, например, необычный человек.

— Я!?

— Да. Когда я выхожу во двор, я очень часто вижу, что вы стоите у окна и... мне кажется, мечтаете о чем-то. Сейчас все люди куда-то спешат. Они почему-то как будто никогда ни о чем не мечтают... Я почти уверена, что и у вас есть идея-фикс.

«Ну и девчонка... Угадала... Но у меня, к сожалению, нет тети в Раквере, чтобы удрать».

— Все люди о чем-то мечтают, — сказал я. — Я — не исключение.

— Да, мечтают! Все коты тоже о чем-то мечтают... Но не так... упорно, как мой кот. Или... вы.

После этих слов мы долго молчали и смотрели на кота, который медленно ходил вокруг пучка травы, как бы нехотя обнюхивая его. Поводок волочился вслед за ним по траве.

— Почему же вы не даете мечте кота сбыться? — спросил я наконец.

Она укоризненно посмотрела на меня, словно я сказал какую-то несусветную глупость.

— Потому, что мой кот мне дорог.

— Если бы он был вам действительно дорог, вы бы делали не то, чего хотите вы, а то, чего хочет он, — заметил я.

— Как же я могу делать то, чего хочет он? Он ведь и сам не знает, чего он хочет *на самом деле*. — Она немножко подумала и продолжала: — Вам, наверное, кажется, что я веду себя как эгоистка. Но это не так. Я тоже мечтаю, но я ведь не поступаю так, как *мне* хочется, несмотря на то, что...

Она вдруг осеклась и покраснела.

¹ Раквере — небольшой городок в Эстонии, недалеко от Таллина.

Мы снова помолчали, обратив взоры на кота. Ему наконец надоело обнюхивать стебельки, он поднял голову и вопросительно посмотрел сначала на нее, затем на меня.

— А вы мечтаете... упорно? — прервал я молчание.

— Очень, — сказала она серьезно, посмотрев мне прямо в глаза.

— И все-таки делаете то, чего хочет кто-то другой?

Ей удалось уже полностью обрести душевное равновесие. Она улыбнулась.

— Обычно такие вопросы никто не задает. Вот видите, вы — необычный человек.

— А вдруг тот, у кого вы идете на поводу, и сам не знает, чего он на *самом деле* хочет? — не отставал я.

Впервые эта необычная девушка не знала, что сказать. Она растерянно смотрела на меня.

* * *

Мы с ней женаты уже три года. У нас небольшой дом на окраине Таллина. Во дворе будка. Там у нас живет собака.

Кот живет у тетушки в Раквере. Она выводит его гулять на поводке. Дело в том, что он уже пару раз удирал от нее к нам.

Неужели он сумел сам сесть на электричку? Надо думать...

УБИТЬ ДРУГА

Я не спешу. Зачем торопиться? Ведь от того, как я совершу это преступление (мне не нравится это слово, но слово «убийство» нравится еще меньше), зависит слишком многое. Разбогатею ли я наконец? Вернется ли Кристина? А главное — останусь ли я на свободе? Только идеально совершенное преступление имеет смысл.

Время работает на меня. Алекс все больше толстеть и стареет. Марта все чаще заглядывает в бутылку.

Впрочем, наблюдать за тем, как человек строит дом, полагая, что строит его для себя, а на самом деле — для меня, ни с чем не сравнимое удовольствие, которое имеет смысл растигнуть. Я готовлюсь уже два года, и у меня есть основания считать, что их особняк у меня в кармане. Возможно, даже и без моей помощи Алекса хватит апоплексический удар.

А Марта все чаще останавливает на мне немного недоумевающий, слегка смущенный взгляд. Конечно, только тогда, когда Алекс выходит на кухню за выпивкой (он прячет алкоголь от Марты на антресолях, наивно полагая, что это хороший тайник, и выдает ей строго лимитированные дозы). Он и не догадывается, какие напитки приношу ей я, когда он отлучается в командировку. И как мы вместе попрограммируем его за сквердность. Так считает Марта, что он наливает ей две рюмки из-за жадности. Я с удовольствием ей подпеваю и наливаю, сколько она хочет. А хочет она всю бутылку. Потом она хочет, что-

бы я сходил в магазин и принес следующую. Я ничего не навязываю, всего лишь исполняю желания.

Вся загвоздка в том, как потом избавиться от Марты. К Алексу я не испытываю ни капли жалости. Чем он лучше меня? А все в этой жизни досталось почему-то ему. Даже Марта.

Какой красавицей она была в свое время! Ей удалось сохранить только улыбку. И голос. Голос не стареет. Странно, неужели мне жаль ее? Но стоит мне вспомнить Кристину и мне не до Марты. В конце концов, Марта предпочла Алекса, хотя я на десять лет моложе его. И оскорбила меня, сказав, что Алекс — человек дальний, деловой, а я — легкомысленный бездельник.

Хорошо же она меня знает! Вот, например, я уже целый год посещаю тренажерный зал. Не пропустил ни разу. Да, приходится тратиться, залезать в долги, но делать это незаметно, очень незаметно, чтобы Алекс ничего не заподозрил. Я хочу соответствовать моему будущему дому. Сразить Кристину наповал. Кто-кто, а Алекс в эти роскошные хоромы просто не вписывается. А еще говорят, что дом, как и собака, всегда похож на хозяина, что это некая эманация его внутреннего мира во внешний. Ерунда! Алекс глуп и толст, а дом получается изысканным лишь потому, что у его строителя-владельца есть деньги на дизайнера. Объясните мне, почему дураки в наше время зарабатывают огромные деньги? Ответ прост: значит, пришло время дураков.

Впрочем, этот благодушный дурак доверяет мне целиком и полностью. Доверие ко мне вошло у него в такую же привычку, как жирный кусок карбонада на ужин. Нет, мне не приходит в голову доверять людям, точно так же, как и есть карбонад, который вызывает ожирение и превращается в холестериновые бляшки на стенках кровеносных сосудов. Я не доверяю даже Кристине. Ей особенно. Кристина — мое наваждение, моя цель, а может быть, — мое проклятие. Я помешан на Кристине, но, когда мы поженимся (она и не подозревает, что мы поженимся, что я спланировал ее жизнь точно так же, как спланировал смерть Алекса и Марты), я не буду отказывать себе ни в чем. У меня будут любовницы.

А вот Рекс умнее своего хозяина. Этот пес меня на дух не переносит и пристально наблюдает за каждым моим движением, словно я собираюсь стащить хозяйскую серебряную ложку. Успокойся, Рекс, я играю по-крупному. Но и тебе не жить, псиша.

Да, вот еще вопрос: зачем Алексу деньги? Элегантный костюм он купить не может — нет такого размера. У него нет даже любовницы. Неудивительно, у него же «зеркальная болезнь». Ну вы знаете эту шутку — когда у мужчины такой живот, что он может увидеть свое кое-что только в зеркале.

Наряжать Марту — такой же смысл, как наряжать корову. Впрочем, у Марты прекрасные, грустные, хоть и коровьи, глаза...

Пару раз Алекс садился на диету. Оказывается, ему все-таки небезразлично, когда стрелка весов за-

ходит за отметку сто десять. И каждый раз, где-то на третий день, я являлся к ним в гости с его любимым шашлыком, замаринованным по моему эксклюзивному рецепту. Приговаривая: «Ты голодай, а мы с Мартой хотим нормально поужинать», я затевал каминный вечер в их доме, в той части, которая уже готова.

«Ну уж нет, — неизменно говорил Алекс, появляясь в дверях каминного зала и принююхиваясь к запаху готового шашлыка, — диету продолжу завтра. А сегодня — перерыв». Знаю я эти «завтра». Когда Алекс срывается с диеты, то силы начать ее заново у него появляются не раньше, чем через месяц, а то и полгода. Так что мои расходы невелики. Шашлыки, кремовые торты, финское мороженое... Алекс может умять две пачки сразу. Кроме того, это не расходы (если вдуматься в их истинный смысл), а инвестиции.

Алекс помешан на строительстве не меньше, чем я на Кристине. У него много заказчиков, все его требят. При мысли, что он отдаст концы раньше, чем достроит дом, меня охватывает легкая паника — я знаю, что не осилю всё, начатое им. Он довел стены до третьего, мансардного этажа, но сделал пока только несколько комнат первого. Ни к отделке подвала, где у него запланирована сауна, ни к гаражу он еще не приступал.

Нет, конечно же он строит не сам, он руководит рабочими, но вечно ими недоволен, ругает и выгоняет одну бригаду за другой. В чем ему не откажешь — он прекрасно разбирается в чертежах. Я в этом ничего не смыслю. Мне трудно представить, как это будет, так сказать, «в натуре». А он сразу говорит: «Да, на чертеже выглядит неплохо, а на деле — коридор будет слишком узкий, вот об этот угол все будут стукаться»... Но вот беда — по ходу строительства он чертежи все время меняет, его охватывают все новые идеи, как усовершенствовать дом. Теперь у него уже часть крыши третьего этажа будет стеклянной, там будет оранжерея. Зимнего сада на первом этаже ему показалось мало. Зачем ему столько? Плодиться и размножаться они с Мартой уже не будут. Детей и племянников у них нет.

Я вовсе не хочу остудить его пыл, ведь он работает на нас с Кристиной. Но все-таки однажды спросил у него: «Зачем вам с Мартой так много?»

Он просто не умеет сидеть сложа руки, был ответ. Кроме того, ему это, понимаете ли, нравится.

— А тебе не понравилось бы слетать куда-нибудь на Майорку, на Сейшельы, Мальдивы... При твоих-то возможностях?

— Мне гораздо интереснее устроить Сейшельы здесь, в Эстонии, — глазом не моргнув, ответил он. — Увидишь, я это сделаю. Тебе этого не понять. Ты — сибарит. Твой идеал — посидеть в баре, потрепаться с друзьями, выпить, покурить. Убить время, короче.

Убить — вот единственное, что ты сказал правильно, друг мой Алекс.

Но разговор о Сейшелях не прошел зря. Теперь Алекс носится с идеей устроить на южной половине своего дома зимний сад с пальмами. Ну-ну! Марта такой садовод-любитель, что дала засохнуть даже кактусу, который я подарил ей на Новый год. Кто будет поливать и опрыскивать эти пальмы? Вот в этом я разбираюсь, работал одно лето в садовой артели, пережидала, когда найдется приличная работа. Представить Алекса с лейкой в руках невозможно. Его мобильный телефон беспрестанно звонит, Алекс постоянно кого-то ругает, кричит: «Вы что, не могли в магазине проверить? Как это вам всучили не тот оттенок? Таблицу оттенков я, что ли, должен ехать смотреть? Хорошо, я поеду! Ах, справитесь сами? Неужели? Я счастлив!»

Марта морщится, слушая эти речи. Я уверен, в глубине души она считает себя выше Алекса. Ее любимое занятие — налить себе чашечку кофе, прикурить сигарету и раскладывать пасьянс, спрятав рюмку с ликером между журналами на диванном столике или опорожнив ее в чашку с кофе.

— Ты даришь кактусы? — спросила она с лукавой улыбкой, принимая подарок (представьте себе улыбку невыспавшегося бегемота, мечтающего о том, чтобы незаметно опохмелиться). — Мило, но, говорят, колючие подарки — к обострению отношений.

«Острее некуда, — думаю я, улыбаясь Марте. — Смерть — ощущение наверняка острое».

Алекс уезжает, опасаясь, что на каком-то объекте что-то покрасят не в тот цвет. А я достаю бутылку «Куантро», и мы с Мартой располагаемся за столиком у камина.

— Хочешь, разложу тебе пасьянс? — спрашивает она, оживляясь после первой рюмки. — У тебя есть мечта?

— Да, Марта, есть, — говорю я как можно печальней и загадочней и смотрю ей прямо в глаза.

Она вспыхивает и опускает глаза. Тут появляется проклятый Рекс, ложится на ковре у ее ног и начинает провожать недобрым взглядом каждое мое движение.

— Марта, когда есть двор, псу не вредно находиться там. Я понимаю, люди держат собак в городской квартире, им просто некуда деться, а у вас такой огромный дом...

— Скорее бы Алекс достроил его, — вздыхает Марта. — Мы все строим и строим, а так хочется наконец начать жить... Рекси, выйди вон, во двор, солнце светит, птички поют...

Интересно, что она подразумевает под этим «начать жить»? Что может измениться в ее жизни, когда дом будет готов? Она точно так же будет раскладывать пасьянс, только в большой комнате на втором этаже — ее спальне, кстати, там тоже будет камин... Просто переместит свое тучное тело на второй этаж. Я имею в виду, так было бы, если бы не было меня и моих планов. Чего она, собственно, ждет?

А вот для меня действительно изменится все. Алекса уже не будет. Я женюсь на Марте. Цирроз пе-

чени — дело недолгое, если вести себя так, как она. Я — ее будущий наследник. Далее, я женюсь на Кристине. Вот мой пасьянс.

— Рекс, пшел вон! — говорю я несколько более грубо, чем мне хотелось бы.

Пёс огрызается, слегка оголяет зубы, но, поняв, что хозяйка на моей стороне, пренебрежительно вихляя задом, удаляется на кухню.

Я иду следом и выпроваживаю его во двор. «Тебе тоже не жить, псина», — шепчу я ему злорадно.

— Я всё хочу спросить, ты только не обижайся, — говорит Марта, когда я возвращаюсь. — Как у тебя обстоят дела с Кристиной? Что-то ты давно ничего о ней не говоришь. Прости, если тебе неприятен мой вопрос...

— Знаешь, Марта, я пришел к выводу, что худые женщины вовсе не в моем вкусе.

И я многозначительно смотрю на нее, вгоняя ее в легкую краску.

Но в эту же секунду весь змеиный облик Кристины возникает у меня перед глазами — от неестественно длинных, похожих на когти, накладных ногтей и осиной талии в полосатом брючном костюме до модных туфель шута с длиннющими острыми носами — последний писк моды, который далеко не каждая женщина осмелится надеть. Кристина работает ма-клером в агентстве недвижимости и общается с очень богатыми людьми; ей кажется, что богатство в порядке вещей, и ей непонятно, как это я не способен заработать столько же, сколько зарабатывают ее клиенты.

— Ты разлюбил ее? — спрашивает Марта. — А мне казалось, ты буквально помешан на ней. Такое не проходит. Никогда.

В эту минуту мне хочется прижаться к ее груди и расплакаться. Как хорошо она меня понимает!

Но Марта продолжает:

— Глядя на ее ярко-красные *когти*, как-то жутко становилось. Какая-то она вся остроугольная, похожа на осу. Уверена, ты еще найдешь себе хорошую жену.

Нет, Марта не так умна, как я только что подумал.

— Надеюсь, — отвечаю я и, тяжело вздохнув, с беспредельной нежностью смотрю ей в глаза. — Но где взять вторую такую, как ты?

Марта краснеет. Я вижу, что ей приятно.

Время идет. Опять весь город в новогоднем убранстве, опять надо искать подарки.

Может быть, на Алекса подействовали мои бесконечные насмешки, что это дом Большой Черепахи или же дом, который никогда не достроится, как и сам Таллин. Но за этот год Алекс неожиданно быстро закончил отделку всех комнат и даже мансарды; пожалуй, теперь все готово.

Я не спрашиваю, сколько он теперь весит. Я и так знаю, что одежду он стал покупать на два размера больше, чем раньше. Ему самому уже шнурков не завязать, это делает Марта. Иногда я.

— Приятно, — говорю я, садясь за праздничный стол, — когда все идет по плану.

В камине полыхает огонь.

— За нас и за свершения! — говорю я, наливая Марте коньяк.

Но что это? Впервые в жизни она не поднимает рюмку вместе с нами.

— Я не буду, — извиняющимся тоном говорит она.

— Твой любимый «Хеннесси», Марта, ты что?

— Понимаешь... Дом наконец готов. Признаться, я уже и не надеялась. И вот все получилось, и я решила, что теперь буду осторожнее с алкоголем. Сбылась наша мечта: у нас с Алексом будут дети.

От неожиданности я даже поперхнулся коньяком.

— Мы ездили в детский приют. Нам позволили усыновить детишек — брата и сестру.

— Вы с ума сошли? Из приюта?! Там же проблематичные дети!

— Знаешь... мы с Алексом тоже в каком-то смысле *проблематичные*, — смеется Марта. — Но все равно им будет с нами лучше, чем там. Документы оформлены. Как раз на Новый год детишки переселяются к нам. Они уже большие — девочке семь, мальчику восемь. Мы будем заботиться о них. Научим и их быть заботливыми. Думаю, они даже будут помогать Алексу завязывать шнурки, — подмигивает она мне.

Я молчу. Они меня убили.

Меня, их лучшего друга.

ПОВОРОТНАЯ НОЧЬ

В ту *поворотную* ночь, как Эви ее потом называла, она долго ворочалась в постели, тщетно уговаривая себя уснуть. Внизу, на первом этаже дома, в каминном зале, часы гулко пробили три, а муж всё еще не вернулся домой.

«Негодяй», — в отчаянии думала она, слезая с кровати, которую муж называл Ноевым ковчегом. Кровать была такая огромная, что в ней Эви чувствовала себя покинутой вдвойне.

Босая, в коротенькой полупрозрачной ночной сорочке, она спустилась по широкой лестнице, покрытой ковровой дорожкой, на первый этаж. С отвращением посмотрела на бильярдный стол, стоявший в углу каминного зала. Муж называл его «машинкой “Зингера”» — престижная вещь, такой же была в свое время эта швейная машина. В бильярд Тойво играл последний раз задолго до миллиарда, но бильярд, как и любовница, входил в его «дженрьменский набор». Как и любовница... Интересно, каким прозвищем он её наградил? Без прозвищ он не может... Какой глупый вид у него был, когда Эви, слепо ему доверявшая, размахивая неопровергимым доказательством, чужой ночной сорочкой, обнаруженной под подушкой в «ковчеге», набросилась на него!

— Котенок, что такое? Что с тобой? — игриво обороняясь от разъяренной жены, как ни в чем не

бывало спросил он тогда. Он понятия не имеет, откуда это взялось. «Твоя, наверное», — пожал он плечами, чем взбесил ее окончательно.

Эви никому, кроме сестры, о находке не рассказала. Зачем позорить мужа, а себя делать посмешищем? Таллин — город небольшой. Как выражается Тойво, «в одном конце п...нешь, а в другом слышно». Эви настолько потеряла голову, что даже купила себе такую же полупрозрачную сорочку. Для *победы над конкуренткой*. Даже самый разумный человек может начать вести себя фантастически глупо, если на него вдруг падает крыша.

Впрочем, покупка «сексуального» белья была еще не самым идиотским ее поступком. Впервые в жизни она проверила карманы мужа. Правда, нашла лишь зубочистку в нераспечатанной обертке. Значит, был в ресторане. Противно шпионить за любимым человеком. Ведь любовь — это доверие. Ну, и что дальше? Она спросит: «Ты был в ресторане?», а он ответит: «Деловая встреча». Не лазай по карманам мужа и спи себе спокойно. Если сможешь.

Именно тогда ее осенило: вот почему он настаивал, чтобы она поехала отдохнуть одна! У него, видите ли, так много работы! «Поезжай в Египет, например». — «Так далеко? Без тебя?» — «Глупышка! Разве тебе не хочется увидеть пирамиды?» — «Без тебя — нет».

Аннели, ее сестра, была уверена, что сорочку любовница Тойво «забыла» нарочно. «Она хочет вас развести. Дорогуша, чтобы не переживать, отплати ему той же монетой. Наставь и ты ему рога! На твоём месте я бы так и поступила!» — «Я?! Ни за что. Противно. И... что скажут люди?»

Эви бросила взгляд из большого окна зала во двор, где в темноте белел и искался снег. Несмотря на сильный мороз, оба ротвейлера носились вдоль ограды в дальнем конце двора за стволами сосен. Взбалмошные и неугомонные. Такие же, как их хозяин. На улице, за кованой решеткой калитки, освещенной светом уличного фонаря, не было ни души.

Эви, словно лунатик, пошла в маленькую комнатку, где работала днем за компьютером. Накинула на плечи большой вязаный платок, машинально включила компьютер, села. Запустила поисковик в Интернете и зачем-то набрала в окошке поисковика свое имя: «Эви Кууск».

Невероятно — поисковик нашел ее имя. Появилась ссылка. *List of passengers of Estonia*. Она навела на неё курсор, нажала на клавишу мышки и вдруг весь экран заполнился именами. *Список погибших при крушении парома «Эстония»*.

Потрясенная, она увидела свое имя среди других. Рядом — год рождения. Даже возраст почти совпал. Эви была лишь на пару лет старше той, погибшей Эви. И той осенью тоже подумывала съездить на пароме в Швецию, как предлагал Тойво. «Хотя бы на три дня». Она уже собиралась поехать без него, но так и не сходила в турбюро.

Ей вспомнилось то жуткое, туманное осеннее утро. Известие о кораблекрушении поступило ночью. Ранним утром город заполонили трепещущие огоньки поминальных свечей.

Подумать только, как быстро это трагическое событие провалилось в пучину забвения... Точно так же, как наш красивый корабль в морскую пучину. В память о погибших на «Эстонии» на склоне горы за башней «Толстая Маргарита» установили огромный простой белый крест.

Эви сидела перед светящимся экраном, компьютер тихонько гудел. Она чувствовала, что в ней происходит какой-то странный переворот.

«Плевать», — подумала она вдруг, невольно употребив любимое словечко мужа. Разве соседям и коллегам не наплевать, что Эви Кууск осталась в каюте на дне морском? Никто не побежал из-за этого топиться. Живут себе преспокойно и ходят в кафе сплетничать.

«Даже на памятнике сэкономили! — неожиданно, совсем по-детски, обиделась она. — Неужели не могли покрасивее памятник поставить? Вот как «Русалке», например. Там всего-навсего семнадцать человек погибло. Тоже в осенний штурм, тоже в сентябре. А тут — почти тысяча». И главное — Эви Кууск... Она вдруг осознала, что дрожит. Сидит босиком за компьютером, скоро уже начнет светать, на экране компьютера ее имя — в списке мертвцев.

Она выключила компьютер и взяла с полки книжку, купленную вскоре после катастрофы, «Mayday Estonia», поднялась в спальню и начала перечитывать.

События на многопалубном корабле развивались стремительно. Люди в панике бежали, падали, прыгали в воду, многие — не в ту сторону, на них потом перевернулся корабль... Те, кто не спал, конечно. Была ведь глубокая ночь. Не какие-то неизвестные люди, как в кино, в фильме «Титаник», а знакомые, родные и соседи ее знакомых. И даже ее собственные дальние родственники, старики, жившие в Швеции и приехавшие той осенью по путевке, посетить родину. Помимо прочего, в книге ее тогда потрясла спокойная констатация факта одного молодого шведа, выжившего в катастрофе: «Меня спасло мое эгоистичное поведение».

«А тебя, Эви, не спасло твое поведение, — подумала она. — Оно, наверно, не было достаточно эгоистичным? В ту жуткую ночь ты опять вела себя так, как и должен вести себя человек, жертвуя собой ради других?»

И вдруг — вот что странно — Эви словно воочию увидела, как после ее смерти муж развлекается в *ковчеге* с другой. Поставил ей дешевый памятник и успокоился. То есть он, конечно, *не* поставил, но *поставил бы*. «Тебе, Эви, и так сойдет. Ты же не эгоистка, ты поймешь».

Когда подвыпивший Тойво около пяти часов утра открыл дверь спальни, он увидел, что свет включен и жена читает в постели. Пробормотав «спа-асть», ко-

тенок», он повалился рядом с ней на кровать и через минуту захрапел.

«Дешевый бабник», — подумала Эви и тихонько заплакала в темноте.

«Ну что ты плачешь, — сказала она себе, вытирая слезы ладонью. — Ты же утонула. Умерла. Теперь ты имеешь право родиться заново. У тебя будет новая жизнь. Поедешь в Египет. Одна. Увидишь пирамиды. И сфинкса. Но цель путешествия — не это. Там ты — наконец-то — поведешь себя как эгоистка. Ты подаришь себе ночь. Страстную ночь мечты».

Она лежала в темноте и представляла себе своего, пока еще неведомого, любовника. Как он нежно гладит ее загорелое пылающее тело, а опрокинутый на спину полумесяц в томном южном небе с одобрением смотрит в окно, наблюдая за ее эгоистичным поведением.

* * *

«Смело тащи своих тварей в наш ковчег», — думала она пару недель спустя, когда сонный, то и дело зевающий Тойво привез ее в пустынный утренний аэропорт.

— Спа-ать, котенок, — сказала она ему на прощание и улыбнулась загадочно, как сфинкс.

ЗАЧЕМ МЫ СЮДА ПРИЕХАЛИ?

Мы с женой стоим на невысокой смотровой площадке, шляпке гигантского гриба и, опираясь на металлический поручень, смотрим на море.

— Зачем мы сюда приехали? — говорит жена, не глядя в мою сторону. — Не вижу в этом никакого смысла. Терпеть не могу эту одуревшую от жары толпу.

— Ты же хотела немного отдохнуть у моря, в Пирну...

— Разве это отдых? Шесть человек в комнате. Отвратительная спортивная база. Если не хватает денег, чтобы снять отдельную комнату...

Она уже с утра безуспешно пытается поссориться.

Так как я не обращаю на это внимания, она окончательно выходит из себя:

— Нам вообще не надо было жениться. В этом не было никакого смысла.

Я не отвечаю. Мы мрачно молчим и смотрим на пляж. На песке лежат плотными рядами тела. Сколько видят глаз — везде бронза, красное, коричневое. Порыв горячего ветра налетает на нас. Море переливается. На песок набегает волна, отступает. Отдыхающие играют в мяч, качаются на качелях, дети гоняются друг за другом. Их возгласы сливаются с шумом моря в мерный гул. Вдруг сквозь этот гул слышится резкий, как выстрел, звук. Он долетает откуда-то издалека, с той стороны, где пляж кончается и народа меньше. Я смотрю туда. Море сверкает. В воде не видно никого.

— Слышала? — спрашиваю я жену.

— Нет.

Она даже не интересуется, что я имею в виду.

Молчим. По всей вероятности, она твердо намерена поссориться.

Вдруг жена встревоженно говорит:

— Посмотри на того мальчика. В красной рубашке.

Светловолосый мальчик лет семи-восьми идет быстрым шагом, огибая загорающих людей. Он уже почти дошел до нас. На мальчике рваная красная рубашка. Красные полосы на груди и животе. Правую руку он прижимает к груди. Но почему его рубашка всё время увеличивается? Я не верю своим глазам: это вовсе не рубашка! Кровь... Дальнейшее происходит молниеносно. Мы сбегаем вниз по винтовой лестнице и кричим:

— Мальчик! Стой!

Он пускается наутек. Мимо ресторана, в сторону парка. Голая спина его белая. Я настигаю его, беру на руки.

— Не бойся, — бормочу я. — Не бойся.

Я несу его к скамейке и кладу на спину. Из маленького отверстия справа в его груди при каждом вдохе выбрасывается струйка крови. Лицо мальчика белое, и веснушки на нем кажутся неестественно яркими.

— Вызывай «скорую»! — кричу я жене.

Мальчик смотрит на меня остановившимся взглядом и молчит. Я опускаюсь перед ним на корточки и спрашиваю:

— Ты можешь говорить? Что случилось?

Он молчит. Потом шепчет:

— Вы маме скажете.

— Нет, нет! Честное слово. Говори, не бойся!

— У нас ракета взорвалась. Мы ее из велосипедного насоса сделали.

— Так ты был не один? Кто еще?

— Анти и... Колька.

— Где это случилось? На пляже? Нет? В воде?

— Да.

Жена подбегает к нам.

— Сейчас приедут! — говорит она, запыхавшись.

Я посылаю ее снова звонить. Сообщить, что мальчик был не один. Беру его руку... Это просто невероятно — мальчик, обливаясь кровью, пробежал около ста метров по пляжу, битком набитому людьми, и никто не обратил на него внимания...

Возвращается жена. Мальчик лежит, глядя в небо, словно он не имеет к этой истории никакого отношения. Мы молча стоим рядом. Наконец раздается нарастающий вой сирены. Рядом с нами останавливается «скорая». Сразу же собирается толпа. Говорят, что и два других раненых тоже найдены. Его кладут на носилки и несут в машину.

— Не говорите маме, — шепчет он.

— Позвольте нам поехать с вами, — просит жена.

Но врач, услышав, что мы для мальчика чужие люди, не разрешает. Он дает номер телефона, по которому можно получить справки.

Вечером звоним в больницу. Жена радостно говорит мне:

— Все трое живы! Мы с тобой успели в последний момент. Если бы он еще немного крови потерял, его уже ничто не спасло бы. Так они сказали.

Потом мы с женой сидим в ресторане на берегу моря. Тихий вечер. Солнце уже село, и по морю бежит лунная дорожка. Играет музыка. Я наклоняюсь к жене поближе и спрашиваю:

— Зачем мы сюда приехали?

ТАЛИЯ

На талию этой женщины Сандра обратила внимание сразу, как только та вошла. За окнами переполненного народом кафе внезапно резко стемнело. Хлынул дождь. Остановившись на пороге, дама сложила зонтик и стала искать взглядом свободный столик. На ней был мокрый плащ из блестящей серебристой ткани, перехваченный на невероятно тонкой талии широким поясом.

Сандра сидела за столиком одна, доедая пирожное и время от времени поглядывая на входную дверь. Ей то и дело приходилось отказывать желающим сесть за ее стол. Свен опаздывал, попал в пробку. Он только что звонил ей на мобильный.

«А может вообще не приехать», — мрачно думала она.

Когда дама подошла и попросила разрешения подсесть, Сандра согласилась, предупредив, что через час к ней придут.

— Жуткий ливень, — сказала та, повесив плащ на стоявшую поблизости вешалку-треножник и оставшись в строгом черном платье. — Я выпью только чашечку кофе и сразу уйду.

«Какая талия! Фантастика!» — подумала Сандра и невольно вздохнула.

Поправив короткие, слегка влажные от дождя, седые волосы (бывает такая красивая серебристая седина), уложенные в аккуратную прическу, дама села напротив нее. Только теперь Сандра поняла, что женщина не так молода, как показалось сначала. Глубокие морщины в уголках глаз, бороздки на лбу. Руки пожилой женщины.

Соседка заказала у подошедшей официантки кофе. Сандра попросила принести себе еще одно пирожное.

Пока ждали заказ, Сандра пояснила:

— Мой друг опаздывает. — И вдруг, ни с того ни с сего, разоткровенничалась: — Как всегда.

Возможно, к доверительной беседе её расположила доброжелательная улыбка визави.

— Обидно, — сочувственно кивнула та.

Принесли заказ. Сандра принялась за вторую корзиночку из песочного теста, украшенную горкой взбитых сливок. Соседка медленными глотками пила горячий черный кофе.

Неожиданно она сказала:

— Позвольте дать вам совет.

— Какой? — спросила Сандра удивленно.

— Понимаю, вам испортили настроение, но... стоит ли вдобавок портить еще и фигуру? Стоит ли так увлекаться сладким? Вы молодая, красивая, но, простите, склонны к полноте. Раньше я тоже «заедала» стресс.

— Why? — изумилась Сандра. — У вас потрясающая фигура!

Дама улыбнулась:

— Видели бы вы меня лет тридцать назад. Вы, наверное, тогда еще в школу не ходили. Я была почти как персонаж анекдота: «сто двадцать, сто двадцать, сто двадцать, где прикажете делать талию»?

— Не может быть!

Собеседница наклонилась к Сандре поближе.

— Видите ли, я была такая ранимая... Как мы все в молодости. Обиды принимала очень близко к сердцу. Буквально слегла на месяц, узнав о предательстве друга. Лежала, смотрела в потолок. Но потом я убедилась, что рано или поздно любая боль утихает. И тогда начинаешь сожалеть о времени, выпавшем из-за переживаний из жизни. Тратить время подобным образом — преступление против себя. Знаете, мы на самом деле любим порой почувствовать себя мученицами, предаться этому настроению надолго, зализывая и вместе с тем даже как бы смакуя, раны. И вот я решила: как бы ни была огорчена, вместо разглядывания потолка буду делать упражнения для талии. Их вполне можно делать лежа, — улыбнулась она. — Когда человеку плохо, ему важно знать, что хоть что-то меняется к лучшему.

— Талия? — улыбнулась Сандра.

— Да. Хотя бы талия.

— Судя по вашей фигуре, переживаний у вас было немало, — заметила Сандра.

Дама рассмеялась.

— Да. Но, полагаю, не больше, чем у остальных людей. Подумать только, — продолжала она задумчиво. — Иногда я вынашивала даже планы мести. Но если бы причинила обидчику зло, наверняка сама потом переживала бы. Лучше уж следовать китайской пословице: «Если долго сидеть на пороге своего дома, то рано или поздно мимо пронесут гроб своего врага».

Мысленному взору Сандры представилось, как пожилая женщина сидит на крыльце, а мимо длинными вереницами проходят похоронные процесии.

— И... пронесли?

— Да.

Собеседница тяжело вздохнула.

— Значит, вы победили?

— Нет. — Красивое лицо пожилой женщины было задумчиво и печально.

— Почему же?

— Вы так молоды, боюсь, вам этого не понять... Как вы думаете, кому под силу нас обидеть? Я не имею в виду пустячные обиды.

— Ну... — Сандра не знала, что и сказать.

— По-настоящему обидеть нас могут только те, кого мы любим.

Рассчитавшись с официанткой и пожелав Сандре приятного продолжения вечера, дама надела плащ и ушла. Со спины она выглядела как девушка.

В сумочке Сандры запел мобильный телефон. Звонил Свен.

— Извини, — сказал он. — У меня форс-мажор. В другой раз.

Сандра молча отключила мобильный и собралась было уходить, но передумала. Подозвала официантку и заказала себе еще одно пирожное.

ЕГО ЖЕНА

Ночью она опять приснилась Рийне.

Но какой разительный контраст между двумя последними сновидениями! В прошлом сне жена Эрика была худенькой старушкой в белом платочек. Она словно сошла с полотна художника XIX века, Келера, «Портрет матери». Костлявая, с длинным острым носом, она сидела в сторонке на стуле, безмолвно наблюдая за тем, как Эрик, стоя перед мольбертом, пишет портрет Рийны. Как настоящий художник — масляными красками. Эрик почему-то приснился ей художником, хотя на самом деле был преуспевающим предпринимателем.

В том сне было ясно, что Эрик жену не любит. Живет с ней только из-за детей. Рийна проснулась счастливая.

На этот раз жена Эрика оказалась умопомрачительной красавицей. Она стояла рядом с неотразимым красавцем Эриком на огромном рекламном плакате, синеглазая, сияя ослепительной улыбкой. Рийна проснулась, чувствуя себя глубоко несчастной.

«Так что же, — думала она, стоя у окна и рассеянно глядя во двор, — все-таки — какая она на самом деле?»

Если бы не эти сны, Рийне порой начинало казаться, что никакой жены у Эрика нет. Ведь наяву Рийна о ней не думала. Ей было неприятно, когда он сам упоминал о ней.

Далеко внизу, в огромной луже посреди двора, окруженного серыми панельными девятиэтажными домами, отражалось пасмурное небо, хмурые тучи и — чего-то там не поделили три чайки. Они подскачивали над лужей, взлетая в воздух, кружились друг над другом и издавали пронзительные крики.

— Наберись наконец храбрости, съезди в Пярну и посмотри на нее. Всего-то два часа на автобусе, — говорила за ее спиной Анне, ее подруга еще со школьных лет, сидя за кухонным столом и листая потрепанный сонник. — Я бы на твоем месте давным-давно сходила под каким-нибудь предлогом к ним домой! Когда он в командировке, конечно. Или же — к ней на работу. Прикинулась бы почтальоншей или пациенткой... Свидетельницей

Иеговы тоже неплохой вариант... Вот, нашла! Служай. Увидеть во сне фотографию — тот плакат ведь был, говоришь, огромная фотография — означает какой-то обман. Так, подожди... рисовать... картину. Рисовать... Вот!... ага... кто-то вас обманывает... Обман! — торжествующе заключила она, довольная, как ученый, нашедший наконец феномену научное объяснение.

«Какая ерунда... Дурацкие сонники. Какой тут еще может быть обман? И так Эрик всю жизнь обманывает жену...»

— Съезди в Пярну, — не отставала Анне. — Увидишь ее и обретешь душевное равновесие.

— Я боюсь, — сказала Рийна.

— Ничего, не укусит. Она же не знает, кто ты такая есть!

Рийна отошла от окна и принялась нервно расхаживать по кухне.

— Неужели ты меня совсем не понимаешь? — спросила она подругу.

— Нет, не понимаю. Мне сны снятся очень редко, — пожала Анне почему-то, чуть ли не с превосходством, плечами.

«А в чем, собственно, ее превосходство? — обиженно подумала Рийна. — У нее вообще никого нет — ни мужа, ни любовника...»

— А если она и правда страшная, что тогда? — спросила она вслух. — Значит, я переоценивала Эрика! А главное — какое будет унижение! Он даже от уродины и не думает уходить ко мне.

— А если она красотка?

— Тогда... даже не знаю... — сказала Рийна, хотя знала, очень даже хорошо знала. Она будет считать себя хуже его жены. Начнет стесняться. Не сможет больше, как раньше, гордо расхаживать перед ним по квартире в чем мать родила...

Впрочем... с какой стати изменять такой красавице?!

* * *

Солнце высунуло красный краешек из-за горизонта далеко за полем, припорошенным снегом, слева от шоссе. Длинная квадратная тень двухэтажного комфортабельного автобуса скользила по снежным полям справа... Пока Рийна собиралась и колебалась, наступила зима.

Всю дорогу до Пярну она смотрела в окно автобуса. Те же самые места, мимо которых так часто проезжал Эрик, бывая в Таллине. Она смотрела на них с нежностью, как на сообщников. Представляла себе, как он ехал этой же дорогой. Думал о чем-то...

Уже когда автобус почти подъезжал к Пярну, за окном промелькнул новый супермаркет, который довольно быстро прогорел и теперь пустовал. С этим местом у нее было связано одно обидное воспоминание.

Они с Эриком поехали вскоре после открытия этого шикарного магазина посмотреть на это чудо. Здесь были в продаже такие красивые вещи, которые

в Таллине, несмотря на изобилие нового времени, еще ей не попадались. А обувь! Какая обувь!

Эрик отговорил ее от туфель, которые ей понравились, и купил совсем не то...

Когда они уже сидели в машине — она, держа коробку с босоножками на коленях, дулась на него, — он вспылил:

— Черт побери, туфли, которые ты хотела, — это же выброшенные деньги! Вид такой же, а вдвое дороже!

Босоножки эти были из грубой кожи и так натерли ей ноги, что она надела их только два раза. Каждый раз, когда ей попадалась на глаза коробка с этими туфлями, приходила в голову одна и та же мысль: «Выброшенные деньги».

В Пярну, когда автобус переезжал по старому узкому мосту через реку, где внизу на замерзшей уже темной воде образовался странный, похожий на паутину, узор, она вдруг почувствовала огромный привлив нежности к Эрику.

Ей вспомнился один летний вечер. Они с Эриком проезжали под этим мостом на моторной лодке. Он, загорелый, с закатанными до локтя рукавами рубашки — такой красивый! — ни с того ни с сего вдруг весело подмигнул ей и сказал, показывая вверх, в сторону моста: «Девочка моя... Тише едешь — дальше будешь...» Какой он милый... И как любит пошутить, сбить с толку, озадачить...

* * *

Рийна сдала полушибок в гардероб поликлиники, и ознакомилась на всякий случай с фамилиями врачей, чтобы ответ был наготове, если жена Эрика спросит, кого она ищет. Найдя лабораторию, где работала жена Эрика, остановилась за дверью. «Будь что будет. Скажу, что ошиблась дверью, и быстренько исчезну».

Она постучала и приоткрыла дверь.

— Проходите пожалуйста, садитесь, — сказала врач-лаборант, не глядя в ее сторону. Она держала в руках пробирку с кровью и разглядывала ее на свет.

«Боже... вот она какая — его жена...» Рийна вдруг почувствовала, что у нее подкашиваются ноги. Утратив внезапно силу воли, она машинально прошла и покорно села на стул напротив жены Эрика. Сердце колотилось, как у воровки, которую вот-вот схватят на месте преступления.

— Дайте, пожалуйста, ваше направление, — сказала жена деловито-дружелюбным тоном, поставив пробирку на место и впервые посмотрев на пациентку.

В потрясенной до глубины души Рийне вдруг обнаружился и расцвел пышным цветом дар вранья.

— Извините, я его потеряла... Вы не могли бы сами заново ввести мои данные в компьютер? Я продиктую... Я живу в Таллине, сейчас здесь отдыхаю. Мой врач просил с этим не тянуть.

«Вот именно, посреди зимы приехала на летний курорт отдохнуть», — подумала Рийна с ужасом, продолжая без умолку тараторить.

— Хорошо. Так и сделаем, — улыбнулась жена Эрика. — А сейчас дайте, пожалуйста, мне ваш пальчик.

Рийна послушно протянула палец и вдруг чуть ли не с мистическим ужасом увидела, какое кольцо, кроме обручального, носит жена Эрика. Серебряное кольцо с небольшим лазуритом. Точно такое же, как у нее самой!

Жена Эрика принялась деловито выдавливать кровь из кончика пальца Рийны в пробирку. Когда она проколола кожу, Рийна даже не осознала.

Кольцо... Дешевенько колечко, но Рийна носила его не снимая. Подарок Эрика. И еще большим подарком были его слова в тот день рождения: «Синий камень для синеглазки...»

Внезапно жена Эрика перестала возиться с пробирками и в упор уставилась на нее.

— Мы с вами случайно не знакомы? — спросила она, нахмутившись.

«Полный провал...»

Рийна осмелилась в ответ лишь неопределенно пожать плечами.

— Мне кажется, я вас где-то видела, — сказала жена Эрика недоумевающим тоном.

«Ну конечно! Эрик умудрился забыть мою фотографию — дома, на видном месте! — ужаснулась Рийна. Это он может...»

— Не думаю, — пролепетала она.

— Как странно... — сказала жена Эрика. — Ваш врач просил группу крови тоже определить?

Рийна молча кивнула. Пусть определяет что хочет. Лишь бы не то, «кто я такая есть»...

* * *

«Я же знала! Знала, что этого делать нельзя!» — думала Рийна, выйдя из поликлиники и почти бегом припустив в сторону автобусной станции. Ей хотелось только одного — побыстрее уехать, чтобы *обрести душевное равновесие*.

Когда автобус переехал через мост, она почувствовала, что начинает успокаиваться. Но эта женщина... Ее внешность...

Вскоре снова промелькнул знакомый супермаркет, теперь с левой стороны шоссе, заброшенный, с пыльными окнами... И, помимо ее воли, её опять кольнула мысль: «Выброшенные деньги».

* * *

«Почему эта женщина показалась мне такой знакомой? И почему после нее осталось смутное чувство тревоги? Даже какой-то... опасности?» — размышляла Эва, жена Эрика, закладывая пробирки с кровью в автомат.

Она включила автомат и села за компьютер.

«А как нервно она теребила кольцо на пальце, по странному совпадению, такое же, как у меня. Так переживать из-за мелочей, из-за потерянного направления от врача! Такое знакомое, знакомое лицо...»

Эва машинально следила за тем, как аппарат начал свою работу, как два манипулятора, напоминающие огромных комаров, начали опускать свои никелированные хоботочки — то в пробирки с кровью, то в пробирки с препаратами, чтобы смешать их для проведения автоматического спектрального анализа. Странное неприятное, тревожное чувство все нарастало в ней.

Позже, распечатывая готовые результаты анализов, Эва поинтересовалась, в порядке ли кровь у той незнакомки со знакомым лицом. Анализ просто идеальный. Группа крови как и у нее самой, самая распространенная.

«Нет, ну какое все-таки знакомое лицо...»

* * *

— Что случилось? — спросила Анне. — Скажи наконец, чем ты так расстроена?

Рийна стояла у окна, задумчиво наблюдая за редкими снежинками.

— Говори же! Какая она из себя?

— Стройная... Рост — средний. Светлые волосы. Синие глаза.

Рийна тяжело вздохнула.

— Да она что же — копия — ты? — воскликнула Анне.

— Да... — сказала Рийна, продолжая задумчиво смотреть на медленный танец снежинок за окном, — почти как сестра.

ПРОФЕССОР И СЕДЬМАЯ КОШКА

Хотя в квартире кошками не пахло и кошек было не так уж много — всего пять, казалось, они везде.

Каждый раз, когда профессор пытался сесть в одно из кресел или на диван, он вздрагивал, обнаружив, что чуть не усился на кошку, блаженно спящую, свернувшись калачиком, или же развалившуюся, вытянувшись в полный рост и недоумевающую, чего, собственно, от неё хотят.

— Не хочешь ли уступить мне место? — спрашивал профессор, но кошка, лениво зевая и потягиваясь, продолжала безмятежно смотреть ему прямо в глаза, делая вид, что не понимает, о чём речь.

— Скажи мне, пожалуйста, ну зачем тебе так много кошек? — спросил он сестру, у которой гостили.

— Так сложилось, — ответила сестра, открывая очередную пачку «Вискаса» и вытряхивая сухой корм на блюдца, стоявшие на полу у плиты. — Исторически.

— И каковы вехи этой истории? — спросил профессор, опускаясь в кресло и вздрагивая от короткого пронзительного «мяу» слегка прижатой им кошки, пытающейся выкарабкаться из кресла.

— Ну, ты же помнишь. Сначала у меня был один котенок, кошечка... Лиза. Я её называю теперь матерью всех моих кошек. Её я подобрала на улице, — охотно стала предаваться милым её сердцу

воспоминаниям сестра. — Она выросла, а когда окотилась, одного котёнка так и не удалось никуда пристроить. Ну вот... Стало две кошки, Лизочка и Мерседес. Потом у них тоже появились котята... Их никто не брал. Попросила соседа, он слепых ещё котят утопил. Но одного пришлось оставить — у кошечки начинается мастопатия, если всех забрать.

— Итак, если я тебя правильно понял, если у тебя есть п кошек, то у тебя неминуемо будет $n+1$? И всех их надо кормить, убирать за ними... — сказал профессор, олицетворяя собою глас прагматичного разума, вопиющего в бурно плодящемся универсуме.

— Что ты, ни в коем случае, — испуганно сказала сестра. — Пять кошек — это всё.

* * *

Когда профессор в следующий раз приехал к ней в гости, выяснилось, что кошечка уже шесть.

— Неужели, — спросил он, по рассеянности предприняв неудачную попытку сесть на подаренный им когда-то сестре диван (все места были заняты), — ты хочешь превратиться в одну из тех...

Он чуть не сказал «одиноких стареющих женщин», но вовремя остановился — сестра его так и не вышла замуж, детей у неё не было и он вовсе не хотел наступать на её больную мозоль.

В общем-то ей и поговорить было бы не с кем, если бы не кошки, которые бежали ей навстречу, когда она приходила с работы домой и говорила: «А вот и ваша мама пришла!»

На свете немало таких женщин, у которых проживает несколько десятков кошек и на которых соседи пишут жалобы, а от квартиры идет невыносимый запах... — продолжал профессор, обойдя этот острый угол. — Прошлый раз ты говорила, что будешь давать им какие-то таблетки?

— Я даю контрасекс, но хитрая Мерседес делает вид, что проглотила, а потом выплевывает, — виновато оправдывалась сестра.

— Обещай мне, что ограничишься числом шесть, — сказал профессор в день отъезда, вручив ей небольшую сумму денег, ежемесячное пособие.

— Конечно... — сказала сестра, но уверенности в её голосе он не уловил.

* * *

«Зачем ей эти кошки?» — размышлял профессор по дороге домой, верный своей привычке находить явлениям объяснения и выявлять глубинные причинно-следственные связи. «Конечно, сейчас мы имеем дело с единичным случаем, но, тем не менее, этот случай — один из проявлений закономерности. А закономерность тут одна — пожилые одинокие женщины заводят почему-то кошек, одинокий мужчина заводит собаку... В чём же причина?»

Как убежденный материалист, профессор отбросил сразу же в сторону все мистические свойства, приписываемые кошачьему племени, и сосре-

доточился на причинах чисто психологического характера.

«Может быть, все дело в том, что женщины боятся собак? Ну вот, тут мы сталкиваемся опять с женской логикой — ведь собака может защитить от возможного грабителя... Кошка же... одни расходы».

* * *

Несмотря на обещание сестры, через пару месяцев кошек было уже семь.

Седьмая кошка, точнее — котёнок, оставленный из всего помёта, был совершенно очарованлен. Просто удивительно, как у обыкновенной серой кошки мог появиться белый пушистый котёнок почти ангорской породы. Глазищи зеленые, огромные.

«Ясно, что Мерседес нагуляла его с чым-нибудь породистым белым ангорским котом», — размышляла сестра профессора.

Когда пришла пора отдавать котёнка в добрые руки, она поняла, что это выше её сил. Но у неё были серьёзные основания опасаться, что терпение брата может наконец лопнуть. Поэтому она решила как следует подготовиться к его очередному визиту.

Он жил в университете городке, всего в тридцати километрах от посёлка, где жила его сестра, и мог, как назло, нагрянуть в любой момент.

Она прихватила фотографию профессора, взяла котёнка за шкирку, отнесла его во двор, к поленнице, поставила рядом с ним блюдце со сливками, которые он обожал, и сказала:

— Вот смотри. Это — сливки. А вот здесь, на фотографии, профессор. Надеюсь, ты меня не подведёшь, когда он приедет? Я тебя очень прошу — сиди здесь, в дом не заходи. Запомни: как только я скажу: «профессор», беги сюда и залезай в поленницу. А я буду тебе приносить еду. Договорились?

Котенок мяукнул. То ли в знак согласия, то ли недоумевая, почему ему наконец не дадут сливок.

Полной уверенности в том, что котёнок при появлении её брата будет действовать согласно полученной инструкции, у неё все-таки не было. На следующий день она решила его проверить.

Отнесла блюдце со сливками к поленнице, вернулась в кухню, открыла окно и позвала котёнка. Котёнок примчался из комнаты и с вопросом уставился на неё.

— Профессор! — скомандовала хозяйка.

Котёнок с интересом смотрел на неё и ждал, что будет дальше.

— По-моему, мы с тобой договорились — как только я скажу «профессор», ты спрячешься в поленнице, — упрекнула она котёнка.

— Мяу, — сказал котенок, подумав.

— Жить хочешь?

— Мяу.

— Ну, тогда слушай. Профессор! — ещё раз громко произнесла хозяйка.

Дверь за её спиной открылась, и вошёл профессор.

— Что ты делаешь? — удивлённо спросил он.

— Дрессирую котёнка, — созналась его сестра.

— Почему бы тебе не дрессировать щенка? — спросил изумлённый профессор. — Это имело бы смысл и привело бы к результату. А почему ты кричишь «профессор»?

— Потому, что... его так зовут.

— Вот как... — Профессор польщённо улыбнулся.

— Да, — сказала сестра, — Он очень умный. У него потрясающие способности.

— Вот как... — Профессор задумчиво почесал в затылке. — И чего же ты от него добываешься?

— Чтобы он бежал вон к той поленнице, — виновато ответила сестра.

— Зачем? — удивился профессор. — Я видел бы в этом смысле, если бы он мог приносить дрова в комнату. Почему ты не научишь его, например, танцевать?

На этот вопрос она решительно не знала, что ответить. Но была безмерно рада, что брат ничего не понял. А главное, не стал её упрекать по поводу появления в доме седьмой кошки. Котенку удалось даже его обворожить.

«Как хорошо, что он такой рассеянный и ничего не понял, — думала она, когда профессор уехал. — Нет, второй раз я такое не переживу. Мерседес, будешь есть таблетки как миленькая!»

Придется таблетки растирать в порошок и растворять их в воде, решила она. Больше — ни одной новой кошки!

* * *

«Идея прятать котёнка от меня в поленница не-продуктивна. Идея кричать ему «профессор» при моем появлении — неумна», — размышлял профессор по дороге домой.

* * *

— Неужели у неё уже семь кошек? — спросила жена профессора.

— Да. Мой прогноз подтвердился, — улыбнулся он.

— Значит, будет и восьмая, — вздохнула жена.

— Нет, дорогая.

— Откуда ты знаешь?

— Я же все-таки профессор, — довольно улыбаясь, ответил он.

ВОЛШЕБНАЯ ПОМАДА

Анне стояла в тамбуре поезда, смотрела в окно и думала о том, что Эрик ее бросит. Это лишь вопрос времени.

Вдруг кто-то тронул ее за локоть. Она вздрогнула и обернулась. Перед ней стояла цыганка и в упор глядела на нее.

— Дай погадаю, — сказала цыганка.

Анне взглянула на пестрый платок, длинную цветастую юбку, худую смуглую руку. Она хотела отрицательно покачать головой, но неожиданно для себя сказала грустно и вежливо:

— Пожалуйста.

Цыганка повернула ее лицом к себе и деловито приподняла юбку. На мгновение мелькнула вторая пестрая юбка, из которой она извлекла маленькое круглое зеркальце и приказала:

— Смотри в зеркало и думай о нём.

Анне принялась послушно смотреть в зеркало и думать об Эрике.

Глаза гадалки так и сновали по лицу Анне.

Цыганка заговорила скороговоркой:

— Большая боль в душе твоей, большое горе. Красивый мужчина, умный мужчина, важный мужчина. Многие любят его, на многих смотрят, а ты его любишь. Ой, какой мужчина — знает себе цену, а ты свою цену не знаешь. Большая боль, большое горе, большая скорбь в сердце твоем.

Это я и сама знаю, подумала Анне, всё же пораженная словами цыганки.

Гадалка отпустила ее руку так же внезапно, как и взяла, и сказала:

— Дай рубль.

Анне достала кошелек, протянула гадалке рубль. Он тут же исчез в складках юбок. Она вдруг сообразила, что гадалка ей ничего не предсказала.

— Так что же будет? — вырвалось у нее.

Цыганка кинула на нее быстрый взгляд и протянула ей вдруг какую-то маленькую вещицу.

— Купи!

— Что это?

— Губы красить, — ответила цыганка.

Кто-то проходил мимо, и она быстро спрятала помаду за спину.

Анне не нужна была помада, но всё-таки она спросила:

— Сколько стоит?

Цыганка снова протянула ей помаду. Черные глаза цыганки блестели весело, но настороженно:

— Тридцать рублей.

— Так дорого? — удивилась Анне.

Неожиданно цыганка рассердилась:

— Дорого?

Она спрятала помаду и повернулась, чтобы уйти. Презрительно скривив губы, пробормотала:

— Ишь ты! Дорого! Пускай тебя бросает, мне какое дело!

— Подождите! — воскликнула Анне.

Цыганка тут же вернулась.

— Берешь?

— Но почему она такая дорогая?

— Это не простая помада. Волшебная. Будет держать твоего милого при тебе. Купи, не пожалеешь!

Анне лихорадочно соображала, что бы всё это значило и как должна она, вполне современная девушка, к этому отнестись, и есть ли у нее тридцать рублей.

Она вспомнила, что у нее было ровно тридцать, но один из них уже перекочевал в потайной карман цыганки.

— У меня только двадцать девять, — сказала она.

— Давай сюда! — приказала цыганка и сунула ей в руку тюбик с помадой.

— Каждый раз, как пойдешь к милому, покрась губы, — добавила она торопливо. — Смотри, не пропускай ни разу. Кончится помада, кончится любовь, запомни! А до тех пор он будет с тобой, не бойся.

Цыганка поспешно открыла дверь вагона и исчезла.

Анне в полной растерянности открыла помаду. Обыкновенная губная помада. Малиновая. Анне мазнула слегка по руке — у помады был неприятный фиолетовый оттенок.

В этот момент открылась дверь, ведущая на платформу между вагонами, и появился милиционер. Увидев Анне, он спросил:

— Девушка, вы не видели — тут цыганка не проходила?

Анне хотела ответить «видела», но почему-то покачала головой.

Милиционер махнул рукой и пошел дальше.

Дома она хотела сразу же позвонить Эрику и спросить, почему он не пришел на вокзал ее встречать, ведь она послала ему телеграмму. Кроме того, ей хотелось спросить, любит ли он ее.

Но тут ей вспомнилась помада. Она подошла к зеркалу. Долго задумчиво разглядывала себя и принялась красить губы. Губы стали малиновыми, с фиолетовым оттенком. Вряд ли это ее украсило. Наследование ее окончательно испортилось. Она проголодалась, дома не было даже хлеба, последние деньги отдала цыганке. Эрик не пришел встречать и не изволит теперь даже позвонить!

Она заварила чай и, сидя на кухне, принялась мрачно перебирать в памяти все обиды, выпавшие на ее долю по его милости за год их знакомства. Как он не поздравил ее с днем рождения. Вечно опаздывал на свидания. Говорил только о себе и своих успехах. Как женщины смотрят ему вслед на улице. Как он ни с того ни с сего заявил, что ему нравятся блондинки. А у нее темные волосы. Как он назначил свидание ее лучшей подруге... А ведь раньше Анне никому такого не позволяла. Чуть что не по ней, разворачивалась и уходила с гордо поднятой головой, бросив растерянного поклонника на произвол судьбы. А из-за Эрика... из-за него она и сейчас сидит здесь одна, голодная, и до получки остается целая неделя.

«В конце концов! — рассердилась она вдруг на себя. — Зачем я потратилась на эту помаду? Будь что будет!»

И она не позвонила Эрику.

Через неделю он сам позвонил ей на работу.

— Привет! — сказал он. — Куда ты пропала?

Услышав его голос, она почувствовала, как заколотилось сердце. Ей захотелось крикнуть: «О, как я

тебя ждала!» Но она подавила в себе это желание и равнодушно ответила:

— Работы много.
— Вот как.

Он мгновение подумал и добавил:
— В шесть, где обычно.

Как всегда, не дождавшись ее ответа, он повесил трубку.

Каждые пять минут она смотрела на часы, дожи-
даясь конца рабочего дня. Целых две недели не ви-
делись! Она уже и не надеялась... Но перед уходом
ей вдруг вспомнилось, что помада, купленная у цы-
ганки, осталась дома. Если зайти домой, она опо-
здорвает, и он уйдет. Но зачем же тогда было приобре-
тать помаду?

Она опоздала. Эрик ждал ее с недовольным видом.
— Ты опоздала на полчаса, — сказал он мрачно.
— Прости, — сказала Анне.

Она не стала напоминать ему его опоздания.

Они пошли в ресторан ужинать, и за столом он
вдруг заметил ее накрашенные губы.

— Ты красишь губы? — спросил он.
— Да.

Эрик сидел откинувшись на спинку кресла, ку-
рил и оценивающе разглядывал ее. За соседним сто-
ликом сидели две женщины, которые время от вре-
мени посматривали в его сторону.

— Если ты еще раз их покрасишь, я тебя брошу.
— Тебе не нравится? — спросила она.
— Я уже сказал.

После ресторана они пошли в парк. Небо было
усеяно звездами. Эрик рассказал, как ему удалось
усовершенствовать метод определения расстояния
между звездами, как он выступал с докладом на меж-
дународном симпозиуме в Бельгии, и о том, как он
еще в школе побеждал всесоюзные олимпиады по
физике.

Потом она спросила, что он думает о предсказа-
нии будущего по звездам. Он ответил, что это такой
же вздор, как гадание по руке и на картах.

— Звони, — сказал он, когда они прощались.

Она хотела позвонить ему на следующее утро, но
ей вспомнилось, что он обычно говорит, что у него
много работы, и пусть она позвонит на следующий
день.

Обычно Анне так и поступала, так как боялась,
что, если не позвонит она, позвонит другая. Теперь
же... Хотя ей очень хотелось его видеть, но зато она
сэкономит помаду и, если верить цыганке, продлит
их любовь.

Эрик сам позвонил через три дня и сообщил, что
у него билеты на концерт.

Он сразу заметил ее малиновые губы. Она уви-
дela, как он приподнял брови, но промолчал.

В антракте он рассказал ей, как он, учась в уни-
верситете, написал статью, которую напечатали в
солидном журнале, вспоминал свои занятия в музы-
кальной школе, а также успешные сольные выступ-
ления.

Помада начала действовать! Эрик звонил теперь
ей почти каждый день, и они часто встречались.
Так часто, что она стала волноваться — помады
оставалось все меньше и меньше. Поэтому, когда
он позвонил и, как всегда, не дожидаясь ответа,
сказал: «Сегодня в шесть!», Анне ответила: «Эрик,
извини, но сегодня не могу. Я должна задержаться
на работе».

После долгой паузы Эрик, ничего не сказав, по-
весил трубку.

«Всё кончено», — подумала она. Но тут же приня-
лась себя успокаивать: помада использована всего на
третью, и если верить цыганке...

Эрик не звонил ей целых две недели, в течение
которых она совсем извелась. Лишь помада помогла
ей выстоять. И вот наконец он позвонил! Как ни в
чем не бывало, он пригласил ее на выставку. Он тут
же заметил ее фиолетовые губы, но не проронил ни
слов.

Они шли от картины к картине, причем он со
знанием дела комментировал картины — в боль-
шинстве случаев он говорил, что комментарии
излишни. Внезапно он прервал свою лекцию и
спросил:

— Как поживают твои поклонники?
— Какие поклонники? — удивилась она.

Он ничего не ответил и так же резко вернулся к
лекции.

От помады оставалась еще треть, когда Эрик сде-
лал ей предложение.

Анне растерялась. Если она выйдет за него зам-
уж, ей придется каждый день красить губы, и помада
кончится очень быстро!

Совершенно случайно она увидела в парфюмер-
ном магазине точно такую же малиновую помаду с
фиолетовым оттенком. Цена рубль пятьдесят¹. Анне
закупила ее впрок побольше и могла теперь смело
ответить Эрику «да».

СИЛА КОМПЛИМЕНТА

Отрицательных эмоций накопилось немало. И бла-
годаря телевидению их становилось всё больше и
больше.

Самолеты разбивались. Банки лопались. Наем-
ные убийцы убивали. Жулики надували всех. НИИ,
где мы работали, дышал на ладан. Было ясно, что
дни его сочтены. Переходный возраст страны напо-
минал переходный возраст в жизни человека — не-
известно, что он выкинет завтра.

Стресс следовало каким-то образом снять. Мы,
научные сотрудники института, психологи по обра-
зованию, понимали, что отрицательное необходимо
уравновесить положительным.

Бот и договорились, что будем встречаться каж-
дую неделю. Выкроим ровно один час исключитель-

¹ Цены до «перестройки» (примечание автора).

но для того, чтобы говорить друг другу комплименты. Каждый из нас должен сказать другим что-то приятное, что потом будет окрылять их в течение всей рабочей недели. То, что мы взяли с собой жен, оказалось большой ошибкой. Во всяком случае, для меня...

Пилле и не хотела идти. Она велела мне вынести мусорное ведро и выбить ковер. Только выполнив все ее поручения, мне удалось ее уломать.

— Мужчины и без всяких комплиментов такие самовлюбленные, — ворчала она всю дорогу.

Когда все были в сборе, зажгли свечу, выключили свет и поставили тихую, расслабляющую музыку.

Первым на стул в центре круга сел Юри, а мы стали по очереди его нахваливать.

— Юри трудолюбив, — сказал Мати.

— Он верный друг, — сказал Эндель.

Сулев долго собирался что-то сказать, но в конце концов лишь одобрительно и многозначительно покивал головой.

— Юри очень обаятельный человек, — перевела мимику Суleva на эстонский язык моя жена Пилле.

«Она что, мысли Суleva читает, что ли?» — изумился я.

— Юри честолюбив, — сказала Яника.

— Он превосходно играет в баскетбол, — сказал я.

— Настоящий мачо, — сказала Кюллике.

— Ну, знаете, друзья, это уже перебор, — польщенно пробормотал Юри.

— Юри... — это в первую очередь джентльмен, — сказала Анника.

— Что вы такое говорите? — воскликнула вдруг жена Юри, Вийвика, которая, чем дальше, тем с более кислой миной выслушивала комплименты в адрес мужа.

— Вот именно, он джентльмен и... и... как две капли воды похож на Антонио Бандераса! — не унималась Анника.

Юри покраснел и начал ерзать на стуле.

— Может быть, теперь кто-то другой сядет на мое место? — спросил он.

Но свое мнение не успели еще высказать Арво и Мартин. И Малле, Сильви и Эне.

Юри узнал, что он умен, у него доброе сердце, красивые глаза, приятный тембр голоса.

Точку поставила Анника:

— Он вполне мог бы стать президентом республики.

В комнате воцарилась тишина. Присутствующие пристально рассматривали Юри. Пламя свечи подрагивало, блики и тени играли на его лице. Но тени смущения я там не заметил. Хотя бы для виду он мог бы вразить...

Следующим сел на почетное место Эндель.

Смелый человек... Хороший спортсмен, меткий стрелок... Энергичный... Бесстрашный....

На этот раз черту подвела жена Юри, Вийвика:

— Он вполне мог бы стать наемным убийцей.

— И это, по-твоему, комплимент?! — вскричал Юри.

— А как же! В наше-то время. Комплимент, конечно, — оправдывалась Вийвика.

Все уставились на Энделя. Он не казался обиженным. На мгновение нам даже стало не по себе — по его лицу промелькнула какая-то зловещая улыбочка.

Следующим был Мати.

Остроумный... Бережливый... Сообразительный... Трудолюбивый...

Точку поставила Эне:

— А что, он вполне мог бы стать президентом банка!

Мати скромно молчал. На его лице появилось какое-то мечтательное выражение.

Следующим на стул сел Сулев.

Умный... Добродушный... А как он умеет держать языки за зубами!...

Резюме на сей раз последовало от моей благоверной.

— Он вполне мог бы стать гением! — заявила Пилле.

— Черт побери, гением рождаются, а не становятся! — не выдержал я.

— Значит, он уже гений, — глазом не моргнув, парировала она.

Следующим должен был быть я. Но час, отведенный на комплименты, прошел.

В полной тишине и задумчивости мы разошлись по домам. Почему-то больше так и не выбрали времени, чтобы продолжить это начинание...

* * *

С тех пор немало воды утекло. За это время Юри развелся с Вийвикой и женат теперь на Аннике.

А его жена Вийвика вышла за Энделя. Она очень гордится своим новым мужем, хотя об Энделе и ходят всякие нехорошие слухи. Якобы это он убил точным выстрелом сквозь оконное стекло одного известного таллинского бизнесмена, когда тот ужинал у себя на кухне. Я в это не очень верю — улик против него так и не нашли.

Пилле ушла от меня к Сулеву. Она не ошиблась в нем. Его гениальность теперь документально подтверждена. А именно — его достижение включили в книгу рекордов Гиннесса. Этот рекорд по неразговорчивости еще никто не смог побить. Он произнес за последние три года всего десять слов. Ничего удивительного — за него говорит Пилле.

Мати женат на Эне. Она тоже правильно его «вычислила». Мати теперь президент какого-то коммерческого банка. То ли «Кредит-плюс», то ли «Кредит минус».

Но Юри, наш Юри! Мой старенький чёрно-белый телевизор показывает плохо, но и самого Юри и супругу президента республики Аннику показывают так часто, что теперь даже я вижу: он действительно отдаленно смахивает на Антонио Бандераса.

Долгими бессонными ночами я все думаю, какой мощной фигурой был бы я, если бы очередь тогда дошла и до меня и коллеги и их жены успели бы осыпать меня комплиментами.

Я теперь один из тех подозрительных личностей, прозванных народом геологами, которые испуганно отскакивают от мусорного контейнера, если вам случится свернуть в какую-нибудь из таллинских подворотен.

ВСЁ САМОЕ ЛУЧШЕЕ

Когда муж внезапно разбогател, но так и не избавился от привычки экономить каждый цент, Малле решила его перевоспитать.

— Покупать надо все только самое лучшее! — твердила она. — Деньги — это лишь цифра на бумаге. Красивые, качественные вещи поднимают настроение, а значит, продлевают жизнь!

На словах муж соглашался. Но когда настало время менять поржавевшие краны, холодильник, урчащий на последнем издыхании и сломанный пылесос, он буквально вцеплялся в самую дешевую из выставленных на продажу моделей. Никакими уговорами не удавалось его убедить, что деньги — это ничто, если на них не покупать лучшие вещи.

Борьба за нововведения шла уже два года, но посыпать мужа одного в магазин было смерти подобно. Притащил уцененную вещь, с жутким дизайном, которую потому и уценили, что никто не польстился. Мало того, не получив одобрения, выйдет из берегов.

— Зачем копить деньги? — внушала Малле. — У нас даже детей нет. Давай радоваться жизни! Купим стиральную машину-автомат!

— Но ведь наш полуавтомат прекрасно стирает! — возражал муж. — Чем «автомат» лучше, чем «полуавтомат»?

— А чем дурак глупее, чем полудурок?

Борьба за смену старого холодильника, который время от времени начинал громко кряхтеть, длилась полгода. Когда наконец удалось получить от мужа деньги, выяснилось, что на холодильник с электронным управлением не хватает буквально мелочи. Но за эту мелочь он боролся, как тигр. Пришлось уступить. Глядя на новый холодильник, Малле невольно вздохала. Счастье было так возможно...

Года через три наметились сдвиги. Обсуждая покупку новой плиты, муж всего пять раз спросил, чем же керамическая лучше обычной, и, получив столько же раз в ответ, что она намного красивее и ее легче чистить, покорно поехал в магазин. На споры вокруг самой дешевой модели они потратили лишь три часа. Ощущимый рывок вперед. Раньше на это уходило несколько недель позиционной борьбы.

На шестой год она с приятным изумлением услышала, как он получает кого-то по телефону: «Приоб-

ретать надо лучшее! Деньги — всего лишь цифра на бумаге!»

Через восемь лет у них был уже свой «умный» дом. Двери особняка открывались автоматически, стоило хозяевам лишь приложить палец к панели управления.

И тут случилось невероятное.

Этот гад ушел к другой. Малле так и не узнала, на какую шалаву (так она почему-то выражалась) муж ее променял.

Впрочем, нетрудно догадаться.

Конечно же, на самую лучшую...

ЧЁРНЫЙ СИЛУЭТ

Как показало уже поверхностное расследование, смерть писателя, автора детективов, наступила весьма примитивным способом — от удара тяжёлым предметом по голове.

Орудие убийства, отличная сковородка шведского производства, валялось рядом с трупом несчастного на полу кухни. Дело было, казалось, проще простого, тем более что преступник, сосед писателя, был сразу же схвачен.

Он не отрицал свою вину. Единственное, что усложняло всё, был мотив преступления.

Убийца был настолько потрясен своим поступком, что категорически отказывался отвечать на вопросы следователя.

Он лишь то и дело повторял:

— Вы меня не поймёте...

Только спустя неделю следователю удалось установить с ним хоть какой-то контакт. Тупо глядя прямо перед собой, шупленский убийца бормотал:

— Это единственное, что доставляло мне радость в жизни.

— Кого-нибудь уокошить? — спросил следователь.

— Читать к-криминальные романы, — заикаясь, произнес преступник.

— И поэтому вы решили убить одного из тех, кто их писал?

Убийца подавленно молчал.

О нём удалось выяснить следующее. Он был добродушный, но раздражительный человек. Никаких особых признаков неуравновешенности друга и коллеги за ним не замечали. Жил один. Дома у него была маленькая библиотека — исключительно криминальные романы и повести.

У писателя была квартирка в этом же доме. Раньше он проживал у жены, с которой недавно развелся. Двою одиноких мужчин стали по вечерам встречаться и беседовать. Да, выпивали, но умеренно. Только пиво.

— Из-за чего же вы поссорились? — допытывался следователь.

— Не было никакой ссоры, — пробормотал убийца, с несчастным видом уставившись на свои ботинки.

— Вы были знакомы с женой убитого? — спросил следователь, сверля его недоверчивым взглядом.

— Нет. Но понимаю, почему захотелось развестись.

— Ему?

— Ей.

Через месяц задержанный изъявил наконец желание говорить. Правда, лишь при определённом условии.

— Что-оо? — вскинул следователь. — Еще условия мне ставить?

Но, вспомнив, что выбора у него нет, смирился.

— Выкладывайте свои *условия*, — мрачно сказал он.

— Чтобы вы выслушали меня... с начала до конца.

— А я, по-вашему, чего хочу? — простонал следователь.

Мужичонка, сидящий на стуле напротив него, долго собирался с духом и наконец произнёс, глядя в сторону:

— Чтобы вы позволили пересказать вам детектив.

«Вот как врежу тебе сейчас! Будет тебе детектив! Он же издевается надо мной и над памятью убитого им писателя!»

Следователь стукнул кулаком по столу так, что тронулась на пол бронзовая статуэтка Фемиды, подаренная ему к юбилею, и вскричал:

— А потом ещё чего пожелаете? Чтобы я вам на ночь детектив рассказал? Уж я-то столько детективных романов мог бы написать!

Убийца скучился. Казалось, он вот-вот заплачет. Но нет. Немножечко оправившись, он продолжал гнуть свою линию:

— Позвольте же, я перескажу вам детектив.

— Уведите его! — заорал следователь.

Когда дверь за нахалом закрылась, он потребовал, чтобы секретарша принесла воды.

— Положите туда две ложки сахара и накапайте валерьянки, — сказал он, вытирая носовым платком пот со лба. — Вот увидите, этот охламон сведет меня в могилу...

На следующий день, когда подследственного снова привели на допрос, он продолжал настаивать на своём.

— И что тогда будет? Когда я выслушаю ваш «детектив»? — спросил следователь, решая для себя вопрос, не отправить ли обвиняемого на судмедэкспертизу. «Пока меня самого туда не отправили», — мрачно думал он.

— Вы же всё время спрашиваете, почему я убил.

— Тогда узнаю?

— Надеюсь...

«Вот как! Он милостиво надеется!»

Следователь принялся в очередной раз мысленно проклинать себя, что выбрал в свое время не ту профессию.

— Сколько у вас на это уйдет времени? — спросил он.

— Час, не больше...

— Валяйте. Излагайте свой... детектив.

«Если он дурачить меня собрался, упеку по полной программе...»

Убийца поднял глаза к потолку, нахмурил лоб, напрягая память, и начал рассказывать:

«Ночь была такая тёмная. Тем более странно, что на белой стене соседнего дома так отчётливо был виден чёрный силуэт...»

Рассказчик горестно вздохнул и умолк. Было видно, что это воспоминание причиняет ему почти нестерпимую душевную боль.

— Что за силуэт? — спросил следователь. — Чей?

— И тут вдруг послышались шаги. Они хрустели по гравию. Они приближались, — продолжал обвиняемый, словно не слышал вопроса. — Шаги остановились...

— Позвольте, где все это происходило?

— Не знаю.

— Поиздеваться вздумали? Опишите мне это место и этот «силуэт» во всех подробностях!

— Не это важно.

— Уведите! — рявкнул следователь.

— Я же говорил! Вы меня не поймёте...

На следующее утро, глядя на жалкого, поникшего преступника, следователь уже сожалел, что погорячился.

— Продолжайте, — миролюбиво предложил он.

— Хорошо. Одна секретарша... Она коллекционировала статуэтки кошек. Однажды, придя домой, ей показалось, что в её отсутствие кто-то был в квартире, так как парные фигурки — кот и кошка, сидели, отвернувшись друг от друга. Стирая пыль с фигурок, она всегда ставила их рядом и строго параллельно. Она была педантка... Кто мог повернуть фигурки? Ей стало не по себе. Была пятница, конец рабочей недели. Вечером она, как всегда, поехала на дачу. Приближаясь к дому, удивилась, что в окне горит свет. Забыла, решила она. Когда вошла в ярко освещённую комнату, осталась. На обеденном столе лежал труп кошки. В ужасе выскочив из дома, она кинулась к соседу по даче и увидела там...

Внезапно преступник погрузился в молчание.

— Чёрный силуэт? — подсказал следователь.

— Силуэт тут ни при чём.

— Перестаньте голову морочить! Я требую — расскажите про чёрный силуэт! Что там дальше?

— Понятия не имею... — печально произнёс преступник.

— Вы у меня допрыгаетесь! Ладно... так что там у вас увидела секретарша на даче соседа?

— Не знаю.

Дальнейшее произошло молниеносно. Следователь и сам не понял, как в его руках оказалась увесистая Фемида. Он не успел расслышать последние слова преступника: «Писатель с утра до ночи рассказывал мне начала своих сюжетов, а концовки никак не мог придумать. Вот у меня и сдали нервы...»

АНАЛИТИК

Эвальд, муж Марики, докатился со своими занятиями по социальной психологии в конце концов до того, что наотрез отказался смотреть телевизор, а в газетах читал одни объявления. Все необходимые сведения, утверждал он, можно получить из них. А прогноз погоды — выглянув в окно. Кстати — точный.

Эвальд утверждал, что мог бы на основе анализа объявлений открыть, например, преуспевающее брачное агентство. И даже успешно спекулировать на бирже. Если бы только захотел.

— Дорогая, — повторял он жене, сидя в пивной и попивая пиво под аккомпанемент ностальгических шлягеров, — пойми, все газетные статьи тенденциозны. Почему изобличили ту или иную аферу, а о другой, гораздо более серьёзной, умолчали? Ты не можешь знать, почему кто-то кого-то хвалит или же поносит. Рука руку моет! А значит, они обе грязные. А вот когда ты читаешь объявление, то перед тобой голый факт и только факт. Сама подумай, что может быть тенденциозного, ну, например, в объявлении о смерти?

— Что у людей есть тенденция умирать, — неуверенно предположила Марика.

— Глупышка! — Эвальд привстал, наклонился через стол и чмокнул жену мокрыми от пива губами в щеку. — Я же говорю о тенденциозности, а не о тенденции! Милая, не путай эти понятия!

По вечерам, лежа в постели, он тоже просвещал жену.

— Вот скажи мне, дорогая, — спросил он как-то раз, когда Марика уже задремала на его руке, — что следует, например, из такого объявления?

— Что? — спросила задремавшая Марика, вздрогнув и приоткрыв глаза.

— «Ищу кого-нибудь, кто держит козу». Какие выводы ты из этого можешь сделать?

— Кому-то нужно козье молоко.

— Нетрудно догадаться! — Шурша газетой и роняя пепел с кончиком сигареты на шелковое одеяло, Эвальд похлопал жену по худенькому плечику.

— А теперь угадай, почему оно этому «кому-то» так нужно? Нет версий? То-то же! Именно эту ошибку и совершают, как правило, все аналитики! Они останавливаются там, с чего, собственно, и следовало бы начинать... Ты спиши?

— Позволь, я буду тебя слушать с закрытыми глазами, — пробормотала Марика. — Пожалуйста, не кури в кровати...

И так — почти каждый вечер перед сном. А по выходным в пивных, которые Эвальд обожал, а Марики терпеть не могла, но всегда безотказно составляла ему компанию.

Дела Эвальда шли прекрасно, он наконец действительно зарегистрировал собственную фирму. Правда, не брачное агентство, а турбюро. Супруги переехали в большую квартиру в центре Таллина и

копили теперь деньги на покупку дома. Поэтому Марика с неизменным уважением слушала, как он рассуждает на самые разные темы. Где ей, простой парикмахерше, до него!

— Опять же, возьмем, например, Интернет. В чем тут суть? Ну-ка! Пошевели мозгами!

— Это... для общения, — сонно отвечала Марика. Она часто разговаривала по скайпу с подругами, живущими в Тарту и Пярну. — Еще это — информация и всякое такое.

— Выкинь всё это из головы, — сказал Эвальд, потянувшись за следующей сигаретой. — Суть в другом! Интернет, дорогая, — это возврат в деревню. Типичный пример развития по спирали. Точнее, я так скажу: возврат в большую деревню.

— Почему?

— Вот, пожалуйста! Люди пользуются, но не отдают себе отчета в том, что происходит. Вдумайся: как жили люди в деревнях? При желании в течение пяти минут можно было увидеть любого соседа, поговорить с ним. А главное, обо всех было всё известно. И в Интернете — «фэйсбуки», «одноклассники» и тому подобное! Та же деревня, моя дорогая!

* * *

Однажды утром, когда Марика, собираясь идти на работу, открыла входную дверь, произошло ужасное. Финансовые успехи Эвальда привлекли к себе внимание грабителей.

В их квартиру ворвались, угрожая ножом, трое мужчин. Один бандит грубо схватил ее за волосы и, засунув в рот кляп, поволок в гостиную, где усадил на стул и крепко привязал. Его сообщники потребовали, чтобы Эвальд показал, где спрятаны деньги.

— Поднимешь шум, увидишь, что мы сделаем с твоей курицей, — сказал бородатый бугай, очевидно, главарь. — Ей понравится. А тебе, боюсь, — нет.

Сначала Эвальд растерялся. Он долго молчал. Первая фраза, которую он произнес, была:

— Ребята, давайте немножко подумаем.

— Гони бабки! — рявкнул бритоголовый толстяк. — Тебе уже думать ни к чему! За тебя подумали мы!

— И все-таки, — невзирая на приставленный к его кадыку нож, не сдавался Эвальд, — очень прошу вас пошевелить мозгами: что для человека самое ценное?

— Бабки, что же еще, — сердито процедил вторая верзила, срывая со стены гостиной любимый пейзаж Марики. — Колись, где у тебя сейф?!

— Минуточку. Вдумайтесь сначала, зачем человеку нужны эти «бабки»? — продолжал гнуть свою линию Эвальд.

На этот вопрос грабители по-видимому, затруднились ответить.

— Заткнись, балабол! Не то сразу глотку перережу! — пригрозил старший.

— Вы... хорошо подумали? — Лишь еле заметная запинка речи выдавала, что Эвальд нервничает. — Денег это вам не прибавит. Зато статья совсем другая. На пожизненное тянет. Пожалуйста, отвесьте мне — для чего, по-вашему, вообще нужны деньги?

— Ежу понятно, — процедил сквозь зубы главарь.

— Ежу вряд ли. Он живет в лесу и прекрасно без них обходится. А я хочу обратить ваше внимание на то, что деньги сами по себе — это запись, бумага, на которой напечатаны некоторые цифры, знаки... Помните притчу о человеке, который попросил всемогущего духа, чтобы всё, к чему он прикасается, превращалось в золото?

— Ого, — прокомментировал третий грабитель, совсем еще молоденький, худой, с рыжей козлиной бородкой. — Не хило.

— Он умер от голода и жажды, так как еда и вода тоже превратились в золото.

Бандиты обескураженно переглянулись.

— Лапшу нам на уши не вешай! — сказал старший. — Вот как вмажу!

— Ну, так вот. Что от золота, что от денег, самих по себе, толку мало. Они хороши лишь тем, что их можно на что-то обменять.

Мысль эта была, по-видимому, для грабителей нова. Они на мгновение призадумались.

— Поэтому я даже рад, что мои сбережения мне наконец пригодились. Я с удовольствием отдаю их вам.

Услышав, что деньги будут, бандиты повеселели. Тот, кто привязал Марику, плюхнулся на диван, а второй, садясь в кресло, пробурчал:

— Не тяни резину.

— Но я тоже хочу за свои деньги что-то получить. С вашего позволения, я сяду.

— Валяй, — разрешил толстяк. — И что же это?

— А вы не хотите освободить мою жену от этой тряпки? Согласитесь, это выглядит неестественно.

— Чтобы начала орать? Накось — выкуси!

— Что вы! Она понимает, что молчание — золото. Правда, Марики?

Пленница, привязанная к стулу, закивала головой.

— О'кей, я тебя слушаю, — пробурчал старший. — Развяжи ее, — бросил он младшему.

— Ну, так вот. Самое ценное для меня — жизнь и здоровье жены. И моё собственное. Предлагаю вам деньги в обмен на эти ценности.

— Ага, — сказал младший, который караулил привязанную к стулу Марику. — Ты нас сдашь. Поможешь ментам фоторобот сделать.

— С вашей стороны было крайне непрофессионально явиться на грабеж без масок, — заметил Эвальд, протягивая руку за пачкой сигарет. — Этим вы поставили и себя, и меня в затруднительное положение. К тому же дома я деньги не храню. Сейфа у

меня нет. Ваша вторая ошибка: грабеж без качественной наводки.

Бандиты повскакивали со своих мест, а старший заорал:

— Сейчас будем тебя пытать! Профессионально! Качественно!

— Боюсь, это станет вашей третьей ошибкой. Ведь я хочу выкупить у вас свою жизнь и готов за столом переговоров обсудить, как это сделать так, чтобы вы не пострадали. Если вы отпустите меня в банк за деньгами, я могу, как вы правильно опасаетесь, улизнуть. Банки тоже сейчас ненадежны, в любую минуту могут лопнуть. Поэтому я храню на счету лишь небольшую сумму. Вы можете её, конечно, снять в банкомате. Пароль я дам. Но остальное находится у меня в банковской ячейке. Вас в депозитарий не пустят. Давайте подумаем вместе, как поступить.

— Где утюг? — спросил главарь банды зловеще.

— Вам надо что-то погладить? — подала вдруг голос Марики. — К сожалению, наш утюг перегорел. Муж все собирается его починить, но у него есть дела поважнее, — добавила она гордо.

— Что-оо? — спросил главарь, оторопев от тирады «молчаливой особы». — Что она там лопочет?

— Видите ли, уважаемые, — вмешался Эвальд, — вы, возможно, получите садистское удовольствие, пытая меня. Полагаю, вы имеете садистские наклонности, как практически все, недолюбленные в детстве люди, это понятно, но позвольте снова обратить ваше внимание на то, что вам это денег не прибавит.

— Муж не врет! Деньги у него и правда в банке! — опять вмешалась Марики. — Я знаю! Я его доверенное лицо, — добавила она гордо.

Похоже, главарь шайки ей внезапно поверил. Да и как не поверить этим честным, широко распахнутым голубым глазам?

— И сколько у него там? — спросил он.

— Пятьдесят тысяч евро!

«Ни фига себе!» — можно было прочитать на лицах преступников.

— Что ты предлагаешь? — уже деловито-спокойно спросил главарь.

— Я беру с собой паспорт, ключ от ячейки, и мы вместе идем в банк.

— Где нас засекут, — ухмыльнулся молодой бандит. — Там видеокамер понатыкано — мама, не горюй!

— Я дам расписку, что должен вам денег. В ваших действиях не будет решительно никакого криминала.

Бандиты притихли.

— Ты сдашь нас первому встречному, — прервал наконец молчание главарь.

— У вас же будет расписка. Вы — кредиторы. Уважаемые люди. Любой будет на вашей стороне.

Марики, которая доселе с ужасом взирала на физиономии «уважаемых людей», восхлинула с неестественным энтузиазмом:

— Само собой — на вашей!

— А лепиши, что она у тебя — могила, — буркнул главарь и повернулся к Марике: — Сиди и не петютай!

— Обещаю вам, что она не проронит больше ни слова. — Эвальд бросил в сторону жены укоризненный взгляд. — Ну так что, по рукам? — спросил он главаря.

И тут на низком кофейном столике рядом со столом, где сидела Марика, зазвонил телефон, который бандиты раньше не заметили. Марика молниеносно схватила трубку, и прежде, чем кто-либо из присутствующих успел глазом моргнуть, истошно завопила:

— Грабят! Вызывайте полицию!

* * *

Вечером супруги, как всегда, беседовали, лежа в постели.

— Ты сорвала мой тщательно продуманный план, — укоризненно сказал Эвальд. — Прежде чем начинать орать, ты хорошо подумала? Что, если перед тем, как панически смыться, бандиты прирезали бы нас напоследок?

— Зачем? Денег им это не прибавило бы, — виновато оправдывалась Марика. — А статья совсем другая. На пожизненное тянет.

— Дорогая, люди в своих поступках гораздо чаще руководствуются эмоциями, чем разумом.

— Какой ты у меня умный! Представляешь, этот дурак, этот рыжий козлик... мне показалось, он в меня влюбился. Он шепнул мне на ухо: «Заберём денежки и укатим с тобой на Канары».

— Вот как... — Эвальд на секунду утратил дар речи. — И что же ты ему ответила?

— Угадай. — Марика кокетливо улыбнулась. — Кстати, ты позвонил тем, кто искал козу?

— Конечно.

— И что?

— Им было нужно козье молоко, — сердито ответил Эвальд. — Не менять тему!

— Ну, вот видишь! — восхлинула Марика. — Мы так и думали!

— Это элементарно. А вот для чего?

— Для ребенка?

— Нет. У них небольшая фирма по изготовлению косметики на основе козьего молока.

— Боже! Как интересно! Я бы в жизни не догадалась! Как хорошо, что ты у нас — аналитик.

«МАЛЕНЬКОЕ КАФЕ»

Сон. Блеклой вереницей тянутся сны.

Но этот сон настойчиво снова и снова возвращается ко мне.

...Пустынная уличка. Аккуратно подстриженные тополя. Старые серые двухэтажные дома. Ветер гонит осенние листья по булыжнику. Беспринципная

грусть в душе, иду я по неровной мостовой. Листья шуршат под ногами. Ветер рвет полы моего плаща.

Я подхожу к такому же, как все, старому двухэтажному дому. На первом этаже его находится маленько кафе.

Две полуразвалившиеся ступеньки. Серая краска с двери почти облезла и обнажила сырье от дождя доски. Я открываю дверь...

В мягком полумраке небольшого помещения горит оранжевый светильник. Вокруг невысоких столовиков полукругом расположены мягкие кресла. Посетителей нет. Место за стойкой пустует. Я сажусь за столик, зажигаю сигарету и жду.

Я вязну в полумраке, как это бывает во сне. Мне не уйти отсюда, пока не произойдет всё, что должно.

Она появляется. Ее лицо... Я лишь смутно вижу светлое пятно, вижу спадающие на плечи светлые волосы. Я не могу различить, как она одета. Лишь неясное оранжевое пятно расплывается перед глазами.

Она садится напротив, и я чувствую на себе ее неотрывный взгляд. Опускаю глаза и вижу, как тонкие пальцы постукивают по столу. Она чем-то взволнована. Я должен разглядеть ее лицо. Но оно лишь еле различимо белеет в темноте. На мгновение черты его становятся яснее, я вижу его отчетливо и судорожно пытаюсь удержать в памяти, но оно вновь растворяется во тьме. Остается лишь излучающее неизъяснимое волнение пятно. Оно упливает, удаляется от меня, и вот его уже нет. Я сижу один, охваченный волнением и тревогой.

Вдруг я чувствую, что за моей спиной кто-то стоит. Я оборачиваюсь... Нет, не она. Это официантка. Ее зовут Лина. Она безмолвно смотрит на меня. Я хочу спросить:

«Кто она? Кто она, Лина?» — но не могу вымолвить ни слова.

Лина странно, отчужденно смотрит на меня. Она чего-то ждет. Ах, да. Я должен сделать заказ.

— Кофе и коньяк, — удаётся мне наконец выговорить.

В оранжевом полумраке передо мной появляется чашечка ароматного кофе, в рюмке золотисто поблескивает коньяк.

— Лина, — спрашиваю я тревожно, — кто она?

Но Лина молчит. Взгляд ее, отрешенный, безучастный, усиливает нарастающую во мне тревогу, и я кричу:

— Лина! Кто она?

...Я просыпаюсь. По оконному стеклу стекают струйки дождя. Этот сон... Я ничего не могу поделать с собой. Я знаю, что сегодня снова пойду в это кафе.

Эта уличка и это кафе действительно есть в нашем городке.

Маленько кафе на самой окраине, на которое я набрел около года назад. Нет там ни оранжевого светильника, ни кресел. Официантку действительно зовут Лина. Мы познакомились с ней, когда я попал

туда впервые. Посетителей в кафе не было, и мы обменялись несколькими незначительными фразами.

Это сильнее меня. Каждый раз, когда мне снится этот сон, утром, беспринужденно волнуясь, я иду в маленькое кафе, сажусь за неказистый, покрытый серым пластиком столик, нетвердо стоящий на тонких металлических ножках, и жду чего-то... Я знаю — ничего не произойдёт.

Наш город... Это маленький городок, где никогда ничего не происходит. Тихий городок с пустынными улочками и подстриженными тополями.

Я подхожу к зеркалу и пристально вглядываюсь в свое лицо.

В мои тридцать девять... Мне нечего ждать. Всё, что должно было произойти в моей жизни, уже произошло. Три года назад умерла моя жена. Дочь вышла замуж и уехала в другой город. Друга я похоронил прошлой осенью... А теперь остались пустынные улочки, подстриженные тополя и... это маленькое кафе на самой окраине, куда, кроме меня, никто не ходит.

Я надеваю новый серый костюм, темно-синюю рубашку и оранжевый галстук. Я его почти не ношу, но так я был одет, когда забрел впервые в это кафе.

Был мой день рождения, коллеги в больнице поздравили меня, мы посидели немного и потихоньку разошлись по домам.

Празднично одетый, с букетом красных гвоздик в руках и с пустотой в душе, я направился домой. Но неизвестно почему свернулся в один пустынный переулок, затем в другой, третий...

Я и не заметил, как очутился на самой окраине нашего городка. Ветер собирал хмурые осенние тучи над полем за чертой города, и уже начали падать первые крупные капли дождя, оставляя в пыли темные пятна. Я повернулся домой, но дождь вдруг хлынул как из ведра. Я остановился, оглядываясь, где бы укрыться, и внезапно заметил невзрачную вывеску над серой дверью. Поблекшие буквы были еле видны. «МАЛЕНЬКОЕ КАФЕ», — прочитал я с удивлением.

Я открыл дверь. Действительно — маленькое. В небольшом помещении царил полумрак. Женщина за стойкой кинула на меня безразличный взгляд и снова уткнулась в книгу. Над ее головой висела на длинном проводе лампочка под пыльным абажуром. Я сел за столик, положил на него промокшие гвоздики и заказал кофе и коньяк. Подавая кофе, она спросила, позывая:

— Забыли прихватить зонтик?

— Да.

У нее был заспанный, неряшливый вид. Сам не знаю почему, я спросил, как ее зовут.

— Лина. А вас?

— Карл.

Она вернулась за стойку и снова уткнулась в книгу. Вскоре дождь стал стихать, и я решил идти домой. В дверях я вспомнил, что забыл попрощаться, и обернулся:

— До свидания, Лина!

— До свидания, — ответила она, не отрываясь от книги.

Ложась спать, я вспомнил, что забыл букет на столике в кафе. Оранжевые гвоздики. Дождь снова начал хлестать в окно, и я заснул. В ту ночь мне впервые приснился мой сон...

... В дверь звонят. Странно. Я никого не жду. Открываю — женщина в мокром плаще с кожаной сумкой через плечо протягивает мне листок:

— Распишитесь!

Телеграмма... Телеграмма.

— Что с вами? Это же поздравительная!

«ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ... МАМА».

Сегодня воскресенье. На работе мне напомнили бы... Уже не тридцать девять. Сорок.

... Я беру зонт и выхожу. Дождь хлещет в лицо, ветер яростно рвет полы плаща. Листья путаются под ногами. Осень. Ранняя холодная осень.

В нашем городишке всё близко. Почта и телеграф в соседнем доме. Здесь тоже безлюдно. Телефонистка чем-то напоминает Лину. Меня сразу же соединяют с мамой. В трубке что-то трещит и щелкает. Телефонистка от нечего делать прислушивается к разговору.

— Спасибо... спасибо, мама. Да... я уже всё решил.

Далекие гудки, щелчок, и наш разговор обрывается.

Телефонистка зевает и говорит:

— Где-то гроза. Ничего не поделаешь — осень.

— Да, конечно. Осень, — отвечаю я и выхожу.

Я всё решил. Я перееду в город, где живет мама. Здесь меня не держит больше ничто. Но я невольно сворачиваю в один переулок, другой... Тополя хмуро гнутся под порывами ветра. А вот и «МАЛЕНЬКОЕ КАФЕ».

Открываю дверь... Хмурый свет дождливой осени, еле пробиваясь сквозь пыльные стёкла, тускло освещает столики, покрытые серым пластиком. Лина одиноко сидит за стойкой. Всё как всегда. Нет. Что-то не так. Взгляд.

Я поворачиваюсь в сторону, откуда исходит этот взгляд. Кто-то сидит за столиком в самом углу. Я делаю шаг навстречу этому взгляду. Девушка в оранжевом свитере. Это она. Не может быть. Это сон.

— Садись, — говорит она.

Я послушно сажусь.

Она берет мою руку в свои прохладные ладони и, улыбаясь, смотрит на меня.

— Ты... мне... снилась.

— Да? — улыбается она.

— Как... тебя зовут?

— Анна.

— А меня зовут...

— Карл, — говорит она улыбаясь.

Это, конечно, сон. Всего лишь сон.

— Это сон! — говорю я в отчаянии.

— Прекрасный сон.

Она издевается надо мной! Нет. Она счастливо улыбается. Кто-то стоит у меня за спиной. Я резко

обращаюсь и вижу Лину. Она молча ждет. Ничего изменить нельзя. Сон этот задан раз и навсегда, и для того, чтобы проснуться, надо снова проделать все, что предназначено... Но я не хочу больше просыпаться. Не хочу!

— Мне как всегда, — говорит Анна. — А тебе, Карл?

Я молчу.

— Кофе и коньяк, — говорит она Лине.

— Сон, — говорю я в отчаянии. — Это сон!

— Какой сон, Карл? — улыбается Анна.

— Не притворяйся! Ты тоже знаешь, что будет дальше. Ты исчезнешь.

Я выдергиваю руку из ее ладоней и встаю. Передо мной стоит Лина с подносом в руках. Силы покидают меня. Я снова сажусь.

Анна серьезно смотрит на меня. Лина ставит кофе на столик и уходит. Через мгновение она возвращается с букетом красных гвоздик и, улыбаясь, протягивает его мне.

Как они издеваются надо мной... За что? За что я обречен снова и снова видеть этот сон?

— За что, Анна?

— Поздравляю тебя с днем рождения, Карл!

Она знает и это. Во сне возможно все. Но я не могу больше, я должен выбраться из этого сна!

— Карл, — говорит Анна. — Я ходила сюда почти каждый вечер и ждала тебя.

— Это сон, — говорю я.

— Какой сон, Карл?

— Откуда ты знаешь мое имя? Откуда ты знаешь, что у меня сегодня день рождения?

Анна, улыбаясь, смотрит на меня.

— Я слышала, как ты сказал Лине: «А меня зовут Карл».

— Когда ты это слышала, Анна?

Анна улыбается и говорит:

— Это ведь такое маленько кафе. Я слышала, как ты сказал это Лине.

— Когда?

— Значит, ты не знаешь... Ровно год назад. Мне бывает дома иногда так одиноко, и я тогда хожу в это кафе. Я живу здесь неподалеку. В тот день я сидела на этом же месте. Ждала, сама не знаю, чего. Вдруг стемнело и хлынул ливень. Посетителей не было. Их здесь почти никогда не бывает. Вдруг открылась дверь, и я увидела тебя. В руках ты держал красные гвоздики. Ты сел за столик и о чем-то задумался. «У него день рождения, а он один...» — подумала я. «Сидит здесь в маленьком всеми забытом кафе». Я смотрела на тебя и мысленно повторяла: «Посмотри на меня!» Но дождь перестал, и ты быстро, не оглядываясь, направился к выходу. Твои гвоздики остались на столе. «Оглянись! Оглянись!» — повторяла я, и ты оглянулся! Но лишь безучастно скользнул по мне взглядом, сказал Лине: «До свидания!» — и ушел. Но я знала уже тогда, что мы встретимся. Наш городок... Здесь трудно разминуться. Я искала тебя везде. А вечерами приходила сюда.

— Вечером?

— Да, я знала, что ты рано или поздно снова придешь сюда.

— Я приходил, Анна, но всегда утром. Я приходил каждый раз, когда видел этот сон...

— Какой сон?

— Ты мне снилась. Много раз.

— Почему же ты тогда ушел?

— Анна, я *не видел* тебя. В этом углу было совсем темно, и я думал, что я один в этом «МАЛЕНЬКОМ КАФЕ». Но сейчас припоминаю. Я мельком видел в этом углу оранжевое пятно. Теперь я понимаю. Я еще решил, что мои гвоздики были оранжевые.

— Оранжевые? — смеется Анна. — Верно. Я была в тот раз в оранжевом свитере. Ты видел меня! Но не *увидел*...

— Но почему же Лина... — спрашиваю я, — почему Лина не сказала тебе, что я прихожу сюда по утрам? Или мне, что ты бываешь здесь каждый вечер?

— Лина! — зовем мы в один голос.

Лина неторопливо подходит.

— Лина, почему вы нам не сказали... не подсказали... как нам с Анной встретиться?

Лина зевает и говорит:

— А я откуда знала, что вы друг друга дожидаетесь?

— Вы видели, Лина, что я хожу не просто так, — говорит Анна. — Я приходила всегда одна и почти каждый вечер.

— Откуда мне знать! — зевает Лина. — Сюда ведь только одни и ходят. И все чего-то ждут... и ждут... и ждут...

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ НЕНУЖНОГО

Подруга рассказала мне, что у нее есть знакомая, которая раз в году избавляется от ненужных вещей. Она считает, что это очень важно. Приглашает друзей к себе домой и разрешает им взять всё, что те пожелают.

— Как? — удивилась я. — Это не отложенные заранее ненужные вещи?

— Нет. Они могут взять любую вещь, имеющуюся в её доме.

— А не жалко ей будет, если кто-то возьмет или очень ценную, или очень дорогую сердцу вещь?

— Я тоже ее об этом спросила, — ответила подруга. — Она сказала, что нет, не жалко, так как очень важно избавляться от ненужных людей.

ДУБАЙ. ЛЮБОВЬ

Дубай. Самое высокое здание мира — башня «Бурж Халифа», словно проткнувшая шпилем небо. По сравнению с ней творение Жана Эйфеля выглядит карликом.

«Космические» высотки, спроектировать и построить которые могли, казалось бы, только инопланетяне. И... маленький, какой-то сельский, зоопарк.

В вольере для павлинов обитало около десятка этих царственных птиц. В конце мая в полдень в Эмиратах невыносимо жарко, и павлины расположились под сенью деревьев, бледно-зеленые ажурные ветви которых раскинулись над вольером.

Один красавец, не обращая на нас ни малейшего внимания, улегся прямо у проволочной ограды, за которой стояли мы. Роскошный хвост его, весь в ярко-синих «глазках», распластался по песку длинным, наполовину сложенным, веером.

Вдруг одна пава направилась в нашу сторону. Павлины, в отличие от самцов, природа не наделила великолепным хвостом, они похожи на громадных серых куропаток. Серенькая пава несмело подошла к измождённому жарой красавцу и... тут уместно употребить слово «деликатно».

Она *деликатно* остановилась сантиметрах в пятнадцати, слегка наклонила серую головку и замерла, уважительно глядя на него.

Он отвернулся. *Демонстративно*. Она не шелохнулась. Продолжала стоять в этой подобострастной позе, склонив голову набок, и покорно смотреть на него. Несоответствие их одеяний было очевидно. Роскошный принц и серая курица. Её пиетет и его равнодушие были очевидны тоже. Мизансцена одновременно смешная и — драматичная.

Мы прилипли к сетке ограды и ждали, что же будет дальше. А ничего. Она «глядела на него, а он глядел в пространство». Нет, кое-что все же произошло.

Сзади к павлину подошла, прогуливаясь, другая серая «куропатка». Она бесцеремонно протопала по разложеному на песке роскошному, как одеяние халифа, хвосту, по ярким перьям и, вероятно, даже не заметив этого, пошла своей дорогой дальше.

А та продолжала стоять как изваяние, и покорно смотреть на своего халифа.

...Вернувшись из отпуска, я рассказала о сценке в зоопарке подруге.

— Как ты думаешь, кого он выберет? — спросила она, улыбаясь.

И мне почему-то стало грустно...

ПОЦЕЛУЙ ФРАНСИСА ГОЙИ

Неужели мой любимый Франсис Гойя? Он! В Москве! Могла ли я... Могли ли мы...

Я купила билеты, и мы с подругой поехали.

Клуб, соседствующий с Донскими банями, впечатлял своей обшарпанной огромностью. В полуторакре — амфитеатром ряды для зрителей, перед сиденьями широкие парapеты-столы. По заказу приносили напитки и салаты.

Но зал полупустой. Невероятно. Мировая величина. Миллионы пластинок... Впрочем, носители волшебных звуков претерпели поразительные превращения. Уже давным-давно не виниловые пластинки...

Нет, мы и не мечтали попасть на его концерт. Тогда, давно. В сгинувшей теперь стране.

Вскоре на сцене в круге света появился он в сопровождении музыкантов его оркестрика. Маленькие фигурки далеко внизу. Выступление транслировалось на экраны по бокам от сцены. Там можно было подробно разглядеть его.

Приятный немолодой мужчина в тёмном костюме, белой сорочке. Без галстука. Седой, но подтянутый, подвижный. А вот его оркестр — совсем уже старички...

Как пояснил конферансье, коллектив тридцать лет вместе. Понятно... Пик славы позади. За эти годы из небытия вылуцилось новое поколение. Поклонилось своим кумирам. Колесо Сансыры вращается медленно, но неумолимо.

Теперь ради заработка можно выступить и перед пустым залом... Впрочем, какой здесь может быть доход? Значит, и не ради славы и не ради денег...

Они начали играть. Зазвучали мои любимые мелодии. Старые знакомые, встреча с вами радостна и грустна. Вы не постарели. Нематериальное не стареет. А ваши создатели и исполнители, ваши слушатели продолжали свой путь.

* * *

Когда концерт закончился и раздались аплодисменты, меня вдруг осенило, что, наверное, можно попросить автограф.

Я не собираю автографы. Но тут мне безумно захотелось непременно получить автограф самого Франсиса Гойи.

Подруга моя, пришедшая со мной за компанию, не была фанаткой его музыки, не крутила в молодости без конца его виниловую пластинку, мечтая о том, что теперь уже сбылось. Или не сбылось.

— Подожди меня в гардеробе, — торопливо сказала я и побежала по ступенькам вниз.

Я успела. Когда я выскочила на улицу, то увидела перед клубом в светлых сумерках маленький автобус, где сидели седые музыканты.

Толпы не было. Никого не было. Только я. И он. Он уже собирался садиться в автобус.

— Плиз, — сказала я. — Ван момент!

Он остановился.

Я протянула программку. Он молча достал из кармана авторучку и расписался. Я улыбнулась ему. Он улыбнулся мне. Внезапно он наклонился и поцеловал меня в щеку. Могла ли я... Тогда... Дома, лежа в постели, я вспоминала этот поцелуй. Было в этом что-то очень приятное. Но и горькое, грустное...

НЕЗАБУДКИ В СИНЕЙ ВАЗЕ, или ИСТИНА

— Тебя не переспоришь, — часто говорил отец.

И все же они без конца спорили. Препирались из-за какой-нибудь ерунды так, будто речь шла о жизни и смерти, словно от того, кто прав, зависит дальнейшая судьба не только их самих, но и всего человечества.

Был вечер. Сильви сидела в гостиной на диване и срисовывала гуашью картину, висящую на стене над столиком с телевизором — большой букет незабудок в синей глиняной вазе.

Впрочем, главная ценность картины заключалась в красивой золотой раме, но за день Сильви устала от однообразной работы — она рисовала маленькие сувенирные картинки с видами Таллина или же моря — ей ничего не стоило сделать штук двадцать за день. Накладываешь трафарет, брызгаешь из баллончика шведской быстросохнущей краской, затем подрисовываешь тени на башнях, чтобы они стали выпуклыми, а к морю пририсовываешь пару сосен. Относишь торговцам на улицу Виру. Туристы покупали эти сувениры очень охотно. Новое время, «перестройка», открыло новые возможности для тех, кто хотел заработать. А рисовать отец научил ее уже в детстве.

Устав от сувениров, ей захотелось нарисовать этот букет просто для себя, «для души». Вот она и сидела перед включенным телевизором, на диванном столике перед ней были разложены газеты, стояла банка с водой и баночки с гуашью. Низкая, пузатая ваза была уже почти готова. Ее выпуклость подчеркивала темно-синяя тень на правом краю.

«Теперь еще куча незабудок, и готово», — подумала Сильви.

Начались вечерние новости. В комнату вошел отец, сел рядом с ней и стал смотреть телевизор.

— Почему ты, доченька, нарисовала такую темную тень на вазе? — поинтересовался он через некоторое время.

— Потому, что тень темная, — ответила Сильви, макая кисточку в гуашь и продолжая делать точки-лепестки крохотных ярко-синих незабудок.

— Извини, конечно, но правый край вазы не темно-синий, — сказал отец.

— Неужели ты не видишь? — Сильви ткнула кисточкой в сторону картины. — Темный! Я копирую точь-в-точь.

— Допускаю, что какой-нибудь человек темный, но край этой вазы, определенно, светлый.

— Ну, посмотри же! — взмолилась Сильви.

— Светлый, — упорствовал отец. Он начал уже сердиться.

«С ума сходит, — подумала Сильви. — Почему он все время ко мне придирается?!»

— Нет, темный, — произнесла она сквозь зубы.

— Тебя не переспоришь! — воскликнул отец, вскакивая с дивана и, очевидно, собираясь покинуть прямую дочь. Но тут же сел снова, так как вечерние новости продолжались.

Некоторое время они сидели молча. Сильви рисовала. Отец, в напряженной позе, смотрел телевизор. Новости закончились. Отец тяжело вздохнул.

— Почему ты так любишь спорить?

— Ну, наверное, потому, — не отрываясь от незабудок, ответила обиженная Сильви вызывающим тоном, — что в спорах рождается истина.

— Но почему ты споришь, когда неправа? — взмолился отец.

— Очевидно, потому, что я — твоя дочь, — сердито буркнула Сильви.

Отец нахохлился и умолк надолго.

— Ничего не поделаешь, уступает тот, кто умнее, — произнес он наконец и вышел из комнаты. Даже по его спине было видно, как он расстроен.

Но минут через пять он вернулся.

— Встань, пожалуйста, — попросил он и сел на ее место.

— Вот видишь, — пробормотал он.

— Что? — спросила Сильви, которая продолжала дуться.

— Если смотреть отсюда, то справа на вазе действительно темная тень, — сказал отец, машинально начиная почесывать затылок. — Но ты сядь туда, где сидел я, и посмотри оттуда.

Сильви пересела на место отца. Надо же... Никакой темной тени на вазе не было! Ваза была равномерно светло-голубая и вовсе не казалась такой выпуклой, как раньше.

Сильви изумленно смотрела на картину. Странная истина родилась в этом споре. Так какая же эта проклятая ваза с незабудками на самом деле?

Вы думаете, что наступил наконец тот знаменательный день, когда они перестали спорить? Увы...

Екатерина РОЩИНА

ЧЕТВЕРТЫЙ ШМЕЛЬ

— Папа, а сколько шмелей ты видел уже в этом году? — спросил Матвейка Сергея. Сергей вел малыша в детский сад — как обычно в будний день.

— Шмелей? Да вроде не видел... Рано еще для шмелей... — ответил Сергей сыну.

— А я видел вчера четвертого шмеля. Днем на прогулке. Уже ведь тепло, шмели проснулись. Шмель рылся в сухих листьях. Я его потрогал — сначала веточкой, а потом погладил по спинке. Он бархатный. Он жужжал, когда я его трогал. Я думаю, мы со шмелем подружились.

Потом, как всегда, Сергей стоял перед окнами детского сада. Из окна на него смотрел Матвейка — бледное личико, длинная худая шейка, лохматая рыжая голова. Матвейка сосредоточенно махал отцу рукой, напряженно следил за каждым его движением. Как только Сергей делал шаг прочь от подъезда, к калитке, личико искашала страдальческая гримаса. Он изо всех сил сдерживался, чтобы не заплакать. Все три года, что Сергей водил Матвея в детский сад, изо дня в день, соблюдался этот ритуал. «Не уходи! — Но мне надо на работу... — Ты заберешь меня вечером? — Обязательно! — Ты помашешь мне? — Обязательно!»

И потом невозможность оторваться от хрупкой фигурки в окошке. Они стояли друг напротив друга — большой мужчина и маленький мальчик, и глядели, глядели, будто расставались навек. Смешно, глупо. «Ну, все, иди! Ты же мужик!» — подбадривал себя Сергей. И не мог сдвинуться с места.

В окошке, рядом с Матвейкой, появилась другая фигура. Высокая, полная воспитательница Тамара Алексеевна, она обняла его за плечи и увела прочь, в группу. Окно опустело. Сергей вздохнул и быстро пошел прочь. Вот детская площадка — деревянная машина, песочница, в которой остались позабытые формочки, на веранде аккуратно поставлены игрушечные лопатки и грабельки. На клумбе пробились первые, ядовито-зеленые, ростки тюльпанов. Наверное, здесь Матвейка и подружился со шмелем.

«Надо же, — думал Сергей. — Какая ранняя весна в этом году. Проснулись шмели. Матюша вот уже четвертого видел, а я... да вообще, когда последний раз шмеля-то видел? Риторический вопрос».

Думал о шмелях, о всякой ерунде. Только для того, чтобы не думать о главном. О том, что не давало покоя уже два месяца.

Вчера позвонили из медицинского центра и сказали: «Ваш анализ готов». Значит, совсем скоро, наверное, уже через час, Сергей узнает окончательную правду: его ли сын Матвейка? А потом... что потом? Надо что-то решать, что-то делать. Четвертый шмель... Сергей вытер глаза тыльной стороной ладони. Это все весеннее солнце, такое яркое, беспощадное. Слепит до слез.

* * *

Когда оно появилось, это страшное подозрение, что Матвейка — не его? Да, собственно, мама Сергея, Екатерина Михайловна, в прошлом — строгая служащая Министерства путей сообщения, а сейчас — заслуженная пенсионерка, сразу сказала: «Не наша порода». Но Сергей и думать об этом не хотел. Кружевной кулечек, перевязанный голубой ленточкой, принял на руки как самую большую награду. Заслуженную награду, выстраданную. У него с Маринкой, Мусей, три года дети «не получались». А потом — она съездила отдохнуть на море, в Геленджик. И потом порадовала его новостью. О, как хорошо он помнил этот вечер... Августовский душноватый вечер — Муся сидела на балконе в белой футболке и домашних шортиках, и этот простеный наряд так чудесно, так замечательно оттенял медовый загар ее кожи. Сергей с Маринкой любили теплые летние вечера проводить на балконе. Они жили на втором этаже, в старом доме с тихим двориком. Деревья так разрослись, что казалось — они не в пыльном городе, а где-то на природе. Весной здесь, в сиреневых кустах, чудесно пел песни «их» соловей, а сейчас птицы уже, конечно, затихли. Но стрекотали какие-то кузнечики. Сергей полагал, что это — кузнечики. Многоголосый хор, славящий этот славный август, и этот замечательный город, и красивую молодую пару, трогательно держащуюся за руки...

— Это цикады! — объяснила Муся. — Надо же, здесь тоже, оказывается, есть цикады. А какие они на юге! Уууу! Просто звери.

И засмеялась, запрокинув голову. В темноте блеснула белая полоска зубов.

— Принеси виноград! — попросила Марина.

Сергей пошел на кухню, принес глубокую вазу с виноградом и бутылку сладкого вина.

— Давай выпьем за этих маленьких музыкантов — цикад, или кузнечиков, или зверей! — сказал он жене. — Пусть поют подольше, чтобы лето не кончалось... Чтоб оно за мною мчалось...

— Нет, вина не надо. — Марина неожиданно стала серьезной. — Сереж, я тебе хотела сказать... Все не могла выбрать момент, в общем, у меня... у нас... будет...

Сергей выронил бутылку из рук, она разбилась, забрызгав все вино. Марина ойкнула, но тут же опять захохотала.

— Это на счастье! На счастье! Боже, Сережка, какой ты у меня нелепый и родной!

* * *

А потом — месяцы любви, нежности, взаимной заботы. УЗИ, на котором сказали: мальчик. Первая фотография — «Смотрите, он сосет пальчик!» — сказала врач. Сергей долго гляделся в снимок, пыта-

ясь определить в горизонтальных полосах и странных овалах: где же мальчик? Фотография напоминала снимок из Космоса. Млечный Путь.

Сергей мог часами лежать рядом с Маринкиным огромным животом и ждать, когда сын подаст весточку. И вдруг радостно видел: вот пошла волна, — малыш шевелится! Вот ручка. Или ножка? Напрягает живот изнутри. Шевелится! Маринка, Муська, смотри, он шевелится! Что ты чувствуешь? Ну, скажи, как это — когда внутри тебя человечек? Живой человечек! Бьется! Это и есть Космос. Наш с тобой Космос.

* * *

За три недели до родов что-то пошло не так. Марина вернулась от врача заплаканная и напряженная. Сказала: завтра надо ложиться. И стала собирать большую сумку. Книжка, полосатые носочки, пижамы.

Сергей чуть с ума не сошел от тоски и страха. И ездил к ней в больницу — каждый день, хотя это было бесполезно, все равно посещения были запрещены, но стали невероятно важны мелочи. Например — передать бананы, ведь Муся так любит бананы. А на следующий день — привезти ей крем для рук. Ведь малыш рождается, и Марина вновь захочет быть самой красивой и желанной. Значит, крем обязательно.

И стоял подолгу под окнами больницы, и неотрывно смотрел на правое крайнее окошко на третьем этаже. Там, в этом окошке, появлялась Марина, в больничном халате, очень несчастная, очень одинокая.

— Господи, милый, добрый Боженька, пусть все закончится хорошо. Пусть она вернется ко мне, — шептал Сергей. Он не знал молитв и сейчас очень жалел об этом. Молился по наитию — просто просил у Бога милости и здоровья для Маринки и малыша. Хотя больше, конечно, для Маринки...

Сергей любил стоять под окнами детского садика еще и потому, что каждый раз как бы вновь переживал тот горький и холодный конец марта Маринкиного больничного заточения. Он вспоминал и свое отчаяние, и ее беззащитность и хрупкость, и последующее безграничное счастье. Как награду за перенесенные страдания. Белый кружевной конверт, перевязанный голубой атласной ленточкой.

Сергей принял его на руки, с трепетом посмотрел на красное, безбровое сморщенное личико. От свертка пахло молоком, теплом и почему-то корицей.

Маринка стояла рядом, такая милая, женственная.

— Грудь лопается от молока, — шепнула она на ухо Сергею. — Молоко пришло...

Сергей задохнулся от важности момента. Молоко пришло — это тоже Космос. Млечный Путь.

— А вроде не наш, — вынесла свой неумолимый вердикт Екатерина Михайловна, пришедшая проверять внука. Маринка как раз вышла из комнаты, а

Сергей с матерью склонились над кроваткой. — Ну, ты посмотри сам, рыжий мальчик-то! У нас рыжих никогда не было. И на Марину не похож, ни одной минуты. О-х-х. Ну что? Что? Ты рыба моя золотая! Что ж теперь делать, бедняжечка ты мой...

Сергей даже не сразу понял, что последние слова, сказанные нелепым, сюсюкающим тоном, так не свойственным его строгой Екатерине Михайловне, были обращены к малышу. Тогда он был просто малыш, горошинка, как называла его Маринка. А Матвеем они его называли позже. Почти месяц выбирали имя.

* * *

О плохом думать не хотелось, Сергей списал материнские подозрения на ее дурной нрав и скрытую нелюбовь к Маринке. У обеих его любимых женщин — мамы и Маринки — характеры были непростыми. В глубине души Сергей отмечал их удивительное сходство, иногда удивляясь, что не Марина ее родная дочь, а он, мягкотелый, чувствительный. В тот горячий первый период его влюблённости в Марину, их обоюдной, как он считал, страсти, так не бросалось неправильное распределение гендерных ролей в семье. А потом, после тридцати, Марина резко рванула по карьерной лестнице вверх, научилась лихо водить серебристый джип, остригла мягкие русые волосы и перекрасилась в платиновую блондинку. Сергей продолжал работать простым консультантом в салоне сантехники — хотя и называл себя «управляющим», но Марина резко опускала его статус, величая «королем унитазов». В ней вообще появилось много резкого и даже грубого. С Екатериной Михайловной, кстати, они теперь замечательно ладили, ополчаясь вдвоем против Сергея.

— Если ты неспособен зарабатывать деньги, то будь тогда домохозяйкой! — кричала как-то Маринка. — Я не буду после переговоров приходить и вставать к плите, чтобы делать тебе котлеты! И если ты хочешь жрать борщ, то сам его и вари.

Сергея покоробило это мужицкое: «Жраты!» Он хотел ответить, заорать в ответ. Но наткнулся на испуганные глаза Матвейки, в них закипали слезинки.

— Пойдем, сынок, я почитаю тебе про порослят, — сказал Сергей. — Только зубы почисти.

И Матвейка послушно пошел чистить зубы. «Три поросенка» была его любимая сказка, которую он знал наизусть.

Но внешне они были, конечно, прекрасной, успешной семьей. Ездили отдыхать за границу летом, а зимой проводили выходные в торговых центрах. Матвейка очень любил такие их семейные походы. Они ходили в кино, а потом сидели за столиком и пили кофе с пирожными. Маринка никогда не боялась растолстеть и ни в чем себя не ограничивала. Матвейка нырял в бассейн с пластмассовыми шариками и прыгал на батуте. «Мама! Папа! Смотрите! Я лечу!» — кричал он.

Сидящие за соседними столиками смотрели на них с улыбкой. «Какая счастливая семья, надо же!

Бывает же такое», — читалось в завистливых взглядах одиноких дам. Такие колючие взгляды не скрыть, как ни пытайся. Завидовать, конечно, нехорошо, но ведь, согласитесь, всем хочется такого вот простого, буржуазного, очень примитивного и светлого счастья. Именно о таком писал Лев Толстой: «все счастливые семьи счастливы одинаково...»

* * *

Счастье рухнуло оземь и разбилось на тысячи мелких осколков этой зимой. Марина вдруг решила завести собаку. Не просто какую-нибудь маленькую умильную моську, нет. Здоровенного бурбуля. Похожего на бежевого теленка, опасного и свирепого. И даже уже нашла подходящего заводчика. А с Сергеем даже не посоветовалась, просто поставила перед фактом: в эти выходные едем выбирать щенка. И показала фото на компьютере. Свирепый оскал на фоне зеленої травы.

Сергей разозлился. А посоветоваться не надо? А ты вообще знаешь, сколько эта лошадь есть будет? И знаешь, что наш сын боится собак?

Маринка развернулась на крутящемся кресле и смотрела на него во все глаза. Сергей подумал: ого, кажется, я кричал, впервые в жизни кричал на Мусю... Бедная девочка, бедная моя малышка, вдруг она сейчас заплачет...

Но Маринка и не думала плакать, она просто осталбенела от удивления. А потом, все так же вращаясь в этом своем чертовом компьютерном кресле, ответила по каждому из пунктов. С кем советоваться — с тобой? А что ты можешь решить? «Эта лошадь» есть, да, но не ты будешь зарабатывать на ее кормежку. Ты на свою-то не заработаешь никак. И Матвейка боится собак, это позор, мальчик — и такой трус, хуже девчонки. Кисейная барышня! Он должен расти мужиком, который ничего не боится. Чтобы не быть такой тряпкой, как ты. И я заставлю своего сына...

— Не своего, а нашего сына, — поправил Сергей.

Он уже успокоился и не рад был, что так резко выступил против бурбуля. В конце концов, собак же воспитывают, дрессируют. Африканский мастиф злой в своей Африке, а у нас из него может получиться вполне себе хороший четвероногий друг.

— Это мой сын, ясно? Мой, а не твой. Не ты его отец, — зло выдохнула Маринка. Резко поднялась с кресла, и оно откатилось в сторону.

А Маринка ушла в ванну, включила воду и долго-долго мылась там, что-то даже напевая. Она любила петь в ванной... А Сергей сидел на кухне и пил коньяк, рюмку за рюмкой. Пил и не пьянел. Просто потом как-то вырубился прямо на кухонном узком диванчике. Ему снился огромный пес бежевого цвета. Из глаз у пса катились слезы, и Сергей вытирали их Матвейкиной вязаной шапочкой. Приснится же такое...

Наутро они не возвращались к тяжелому разговору. Маруся рано ушла на работу, даже не выпив кофе.

Сергей разбудил Матвейку и повел его в детский сад. Жизнь шла дальше. Но Сергей со скрупулезной педантичностью начал отмечать свою и Матвейкину непохожесть. Подолгу разглядывал фотографию на экране телефона: селфи с сыном. Щека к щеке. И то казалось — Матюша похож, вот и ямочка на подбородке, это же редкость — такая ямочка... А то казалось: совсем другое лицо, и глаза, и нос, и губы. Но ведь дети — меняются.

С Маринкой они теперь почти не разговаривали на темы, не касающиеся хозяйственных. Но, как ни странно, не перестали ездить в торговый центр по выходным. И, как прежде, сидели за столиком в кафе, а Матюша резвился в бассейне с цветными шариками, и просил купить ему апельсиновое мороженое с шоколадной крошкой. И уже выбирали, куда поехать отдохнуть летом. Марина хотела на итальянское побережье, а Сергей предлагал Испанию. Тема собаки-бурбуля тоже больше не поднималась.

Две недели назад тоска стала такой беспробудной и всеобъемлющей, что он нашел в Интернете телефон частной медицинской клиники, обещавшей анонимно установить отцовство с гарантией 99 процентов.

Вчера позвонили: анализ готов, приезжайте.

А сегодня опять доверчивая Матюшина ручка зажата в его руке. Он, Сергей, должен быть сильным, должен пройти этот путь до конца и узнать правду. Хотя — окончательной правды он ведь все равно никогда не узнает. Ведь будет этот малюсенький, ничтожный допуск размером в один процент. Ни одна клиника не пообещает стопроцентной гарантии...

И вот еще как быть со шмелями? Кому еще Матвейка сможет рассказать о шмеле, которого увидит сегодня во время дневной прогулки?

Сегодняшний день будет уже совсем теплым. Яркое солнце обещало, что скоро появятся еще и первые бабочки, и золотые мать-и-мачехи, и нежное кружево берез, капающих весенным соком.

ПЛАТОН БОИТСЯ СКВОЗНИКОВ

— Обязательно полей Платона! А то загнется. И не открывай окно на балконе — Платон боится сквозняков!

Связь в автобусе то и дело прерывается, приходится кричать громко и повторять по три раза про Платона, про сквозняки. Про то, что может загнуться... Попутчики недовольно косятся на меня. Мы уже два с половиной часа едем в этом рейсовом автобусе из пункта А в пункт Б и как-то ментально сроднились от духоты, пробок и других прелестей поездки. Но вот Платон — он разъединяет. Потому что — непонятно. Ну, не буду же я объяснять случайным соседям, что загадки никакой нет. Платон — большое денежное дерево. Если по-научному — крассула. Украшение кухонного широкого подоконника и

смутная надежда на финансовое благополучие. Я сорвалась в командировку внезапно, и вот уже в пути вспомнила, что забыла Платона полить; даю по телефону указания сыну. Сам, конечно, не вспомнит, что Платон «может загнуться». А это — очень плохо! Даже опасно. Прошлое денежное дерево (кстати, безымянное) полностью сбросило плотные глянцевые листочки во время жаркого лета 2010 года, когда горели торфяники. Вместе с гибелю денежного дерева сдохла и фирмочка, в которой я трудилась. Кто-то, может, скажет: совпадение! Мало ли карликовых фирм закрылось — вот и эта не перенесла кризис. А я с тех пор как-то поверила в прочную симбиотическую связь денежного дерева и финансовых потоков в отдельно взятой семье. Вот и Платон. За годы жизни в нашем доме окреп, разросся. Я стала получать гонорары за свою писанину и устроилась работать в процветающую газету. Я пью кофе со сливками и с любовью поглядываю на Платона, купающегося в утренних лучах солнца. Мы понимаем друг друга без слов... Он бросает иногда вниз пару упитанных листочек — не любит, когда жарко, но и сквозняков не любит тоже. И тут же грядут проблемы, сопряженные с финансами. Ломается стиральная машина. Срывает кран. Чем хуже Платону, тем хуже мне. Поэтому я всеми силами поддерживаю боевой дух денежного дерева. Пусть колосится, буйно растет и радует меня! Но самое смешное — я привязалась к Платону по-настоящему, как привязываются к живому существу с его сложным характером, перепадом настроений, особенной энергетикой. Я боюсь, что «Платон загнется», уже не только из-за того, что и финансы мои споют романсы. Нет, нет и нет. Я потеряю друга.

Наверное, все дело в том, что комнатное растение получило имя собственное. Как только назовешь — значит, одушевишь. Сам придумаешь и поверишь — это не просто тебе крассула какая-то, пошел да купил новую в случае чего. Сразу возникнет история, легенда. В баночках на подоконнике пророс весной лук — дал зеленые веселые перышки. Три луковицы — обычные, безымянные. А маленькая — Лушка, согласилась сидеть только в небольшой бачочке из-под детского питания. Все луковицы покрошили в салат, а Лушку порезать рука не поднялась. Так и превратилась Лушка из упитанного подростка с хохолком в сморщенную старушку Лукерью с длинными блеклыми косами. И вода протухла. Пришлось выбросить. Но — не съесть! Горе луковое. Лушку съесть невозможно.

Так обычный майский паук, построивший уютную паутинку на летней кухне, становится всеобщим любимцем и хозяином дома — если кто-то, вместо того чтобы смахнуть его веником, даст ему имя. И покормит жирной мухой. Так паук станет Анной Савельевной, полной тезкой классной руководительницы сына. По-домашнему — Нюшей. К концу лета Нюша заматереет, увеличится в пять раз, на спине пропустит белый крест. Осеню дом закроют

на зиму, а Анна Савельевна останется его единственной полноправной хозяйкой.

В деревнях, кстати, никогда не дают имена домашнему скоту. За исключением штучного товара вроде коровы. Те — да, Зорьки, Субботки, Малинки... А козы, овцы, куры? «Та, рыжая» или «черная окаянная». Ну, «бодучная». Только чтобы объяснить — какая именно. Я как-то спросила — почему?

— А как ее потом резать? — ответила мне хозяйка Галина.

Вот и у деда Семена Фомина были всю жизнь гуси. Поколения гусей сменяли друг друга. Когда дед состарился, от большой стаи гусей осталось штук пять. По меркам Фомина, «так, баловство». Конечно, все безымянные. А один гусь, тоже старый, как и дед Семен, привязался к хозяину как собака. Не было до этого у Фомина такого гуся — преданного, с явно не птичьим интеллектом. Они сидели рядом на лавке у дома, удивительно похожие друг на друга. С маленькими головами, длинными шеями, небольшими пронзительными глазками. Даже, казалось, шипели одинаково недовольно на пробегающих мимо шумных мальчишек. Дед назвал гуся Андреем. В честь известного телеведущего, которого сильно уважал. Кормил его отдельно от других гусей и даже гладил старческой рукой по спине. Гусь радовался и хлопал крыльями. Дед Семен своей привязанности стеснялся и на людях старался на Андрея даже покрикивать. Чтобы не подумали, что он, суровый мужик и почетный работник колхоза имени Ульянова-Ленина, стал вдруг сентиментальным слизняком.

Желание деда выглядеть крутым, как Бельмондо, и сгубило обоих. Дед ходил на уколы в больницу, а гусь с ним, как и положено верному другу. Шли огородами, часто останавливались на отдых. Деду было приятно, что кто-то, хоть и простой гусь, разделяет его путь и его боль. Но вот как-то, только вышли они за порог, их увидела тетка Нина. И ничего вроде такого обидного не сказала. Ну, может, что-то вроде «Шерочка с Машерочкой». Мог бы дед и не обратить внимания. Но нет — обратил, и разозлился, поднял полено и бросил в гуся. Сказал: «Иди домой! Король паркета». «Король паркета» прозвучало оскорбительно и непонятно. Откуда такое Семен взял?!

Гусь вытянул шею, зашипел. Ясное дело, на тетку Нину. Он был не согласен бросить деда Семена. Тут-то полено и прилетело и тюкнуло Андрея по маленькой смешной голове. Удар оказался смертельным. Умер тут же, на месте.

А дед Семен так горевал, что пережил гуся только на несколько дней. Хотя глупо, конечно, получилось. И Нина Ускова на похоронах очень плакала и убивалась и свой бабский язык без костей проклинала. Ну, да чего теперь.

Многие не понимали — как же так, почему из-за гуся умер крепкий еще старик? У него эти гуси жили всю жизнь, и головы он им рубил только так.

Все дело в том, что этот гусь получил имя. Он перестал быть безымянной птицей, он обрел душу.

ФАФИК

Мне было семь. И буфет моей бабушки представлялся мне волшебными пещерами Али-Бабы, битком набитыми сокровищами. Светло-ореховой полироли, с большой застекленной витриной, с выдвижными ящиками внизу, а наверху — часы с боем. Каждые полчаса они отбивали задумчивое «боммм». Дед заводил часы большим медным ключом... Как я мечтала отодвинуть прозрачное стекло и похозяйничать на полках! Манили меня не немецкие чашечки тончайшего фарфора, расписанные золотыми розами; не хрустальные фужеры (если перевернуть такой фужер, он становился похож на сказочную королеву в пышной ажурной юбке); даже не чудесная открытка с японкой. Хотя открытка тоже была с секретом. Серьезная японка под зонтиком смотрела прямо на меня — а если чуть-чуть повернуть картинку, то неожиданно улыбалась и подмигивала одним раскосым глазом.

Если вы думаете, что я мечтала забраться в буфет, чтобы достать из круглой вазы-корзинки конфеты, то это не так. Напрасно бабушка убирала конфеты на самую высокую полку — вовсе не они привлекали меня. Фарфоровые фигурки — вот с чем хотелось мне поиграть! Филиппок в ушанке, под мышкой книга. Идет в школу. Балеринка, присевшая отдохнуть после занятия. Круглое лицико, чуть наклоненная головка, изящная шейка. Прелесть! Филиппка и балеринку хотелось немедленно назначить женихом и невестой. На свадьбу к ним должны были прийти семь слоников, мал мала меньше, две лошадки, составлявшие скульптурную группу, и фарфоровая собачка-бульдожка. Собачке я дала имя. Фафик.

Я так приставала к бабушке и канючила, что она сжалась надо мной. Правда, дала поиграть из всей компании только с Фафиком.

— Смотри, осторожнее! Фарфор бьется. А собачка-то хорошая, это дед из Ленинграда привез. Она не просто собачка-булька, она охраняет дом и счастье.

Почему-то запомнилось — собачка охраняет дом и счастье. И не просто какая-то там собачка-булька.

Как я была счастлива! Фафик ел со мной ненастную куриную лапшу, читал книжки и ночью охранял сон, стоя рядом на тумбочке.

— Вижу, вы очень подружились с собачкой! — сказала бабушка, когда каникулы закончились и я собралась к родителям. — Я хочу тебе ее подарить. Только...

— Да, да! Помню! Фарфор бьется, а собачка охраняет счастье!

* * *

Прошли годы, и собачка оказалась сосланной на дачу. Вернее, не так: она стала украшением деревенского дома, одной из милых мещанских деталей. Стояла себе на телевизоре «Рекорд»; телевизор на тонких смешных ножках, с массивным корпусом (точь-вточь соседка тетя Люба). Накрыт ажурной салфеткой,

а уже на салфетке — собачка-бульдожка, привет из детства, светлая память о бабушке. Охраняет дом. И счастье. Летнее счастье — с белыми ночами, с трелью соловья в кустах лиловой сирени, с земляничным пьянящим запахом, с бабочкой, бьющейся о стекло. Бабочку осторожно, чтобы не повредить крыльев, ловлю и выпускаю на волю. А лето неумолимо кончается. Мне семнадцать. И мне не жаль того, что последние деньги августа, чего жалеть об единственном лете, когда впереди целая жизнь.

Осенью уезжали в город. Дом запирали на десяток самых разных замков. Но, как известно, замки — от честных людей. Воры влезут — хоть через печную трубу, хоть подломав деревянные доски. Как-то приехали весной, в мае. А дом обесчещен, ограблен. Унесли дорогую икону; ее писали еще на заказ моей прабабке Ульяне. Иконе лет, наверное, сто. А может, и поболе. Красивая, в окладе из золотых виноградных кистей. Но главное, конечно, не материальная ее ценность, а память. Ульяна и Петр, прабабка и прадед, а над ними распростер руки Бог, сидящий на маленьком светящемся облачке. Жалко. Не уберегли семейную реликвию, хотя кто ж знал... Тогда, в начале девяностых, много икон украли по России. Но вот что интересно: украли икону и ту самую фарфоровую собачку Фафика. С телевизора сняли, сунули в карман. Ну, или в сумку. А салфеточка кружевная осталась.

И так мне было горько, что украли мою собачку! Все вспоминала, как дала мне ее бабушка и наказала беречь. Люди качали головой. «По иконе так не убиваешься, как по какой-то безделушке», — говорили они.

Просто они же не знали — собачка не просто так себе бульдожка, она охраняет дом. И счастье.

* * *

Прошло лет пятнадцать. Конечно, я и думать забыла про бульдожку. Я коротала время в Твери, — тогда не было еще ни стремительных электричек «Сапсан», ни маршруток, позволяющих не терять драгоценное время. Были только рейсовые автобусы, которые ходили, увы, редко. В соответствии со своим сельским неторопливым расписанием. Я приехала в Тверь и ждала как раз такой автобус — до Торжка. От Торжка до деревни уже рукой подать.

Был съеден подозрительный пирожок с повидлом, выпит жидкий чай, куплена и прочитана местная газетенка. Лето, жара, пыль. Заняться абсолютно нечем. Вдруг увидела — даже не магазинчик, а какой-то киоск с надписью «Антиквариа». Буква «т» где-то потерялась. А может, креативный ум хозяина магазинчика создал такое вот необычное слово.

Я заглянула в «Антиквариа». Среди выщербленных крынок, старинных книг, серебряных подстаканников, засохших мух и какой-то трухи я увидела ее — мою собачку-бульдожку. Ну, или ее точную копию. Сердце замерло, а потом забилось с удвоенной силой.

— Сколько собака стоит? — с нарочито равнодушным лицом спросила я хозяина. Он назвал цену — двести рублей.

Недорого для возвращения старого верного друга.

Пришел пыльный автобус и увез меня в скучный сонный Торжок. Я завернула Фафика в шейную косянку — так, чтобы мордочка оставалась незакрытой. Всю дорогу Фафик смотрел вместе со мной в окно. Он был рад — ведь он возвращался домой. И дома, конечно, тут же занял свое почетное место на телевизоре. Телевизор, правда, был другой. Уже не допотопный «Рекорд» на стройных козырьках ножках, но еще не тонкая плазменная панель.

Фафик стоит там до сих пор и охраняет покой и счастье. Наверное, поэтому в мой деревенский дом всегда так хорошо, так радостно возвращаться.

ДЮЙМОВОЧКА

Детство, деревня. Июнь. В палисаднике буйно цветет сирень. Это в теплой Москве сирень буйствует в мае, а за городом попрохладнее. Все позже. И тюльпаны, и сирень. И соловьи дольше не умолкают. Под окном как раз поселился какой-то такой, неугомонный. Поет, старается. Дед Михаил говорит: «Соловей бьет». Маше непонятно — как это, соловей бьет? Кого бьет? Дед ей объясняет: ты прислушайся, как поет. Трель то падает, то взлетает. Звук бьет — понимаешь?

Маша все равно не понимает. Ей шесть лет. Но она уже умеет читать и вообще — умница. Дедова радость. Он всегда хотел девочку, дочку, а вырастил одного сына. Теперь вот, на старости, родилась внучка, девочка. Все говорят: похожа на маму, Олечку. А дед Михаил считает — на бабу Нюру похожа. Такие же небольшие, но живые серо-голубые глаза. Такая же нежная кожа и губки бантиком. Сейчас, конечно, громоздкая баба Нюра совсем не напоминает ту малоденскую, гибкую, как березка, Нюрочку, в которую без памяти влюбился первый парень на деревне Мишка Кожин. Но он-то помнит. А теперь вот и Машенька приехала на лето в деревню, вот радость. Живое напоминание о той, давней, Нюре-Анюте.

У Маши есть игрушка, дед привез из районного магазина. Пластмассовый цветок-лилия с рычажком. Нажимаешь на рычажок — лепестки цветка раскрываются, а внутри сидит крошечная девочка-дюймовочка. Чудо! Машенька цветок бережет. Дюймовочку все никак не получается рассмотреть, лепестки лилии раскрываются ненадолго и вновь плотно смыкаются. Дед сказал: Дюймовка похожа на тебя, Манечка. Только дед Михаил зовет городскую девочку Машу Манечкой. А сказочную Дюймовочку — Дюймовкой. Дед веселый! А баба Нюра сердитая. Не Нюра, а Нюшага какая-то. Нюша-Яга. У нее толстый блестящий нос, будто раздвоенный на конце. И на лбу выпуклая родинка. Маша бабу Нюру побаивается. Нюра строгая, вот и за Дюймовочку деда наругала, сказала: деньги зря тратишь. А Маше веле-

ла на улицу игрушку не носить, Вовка-немтырь отнимет. Вовка — это соседский мальчишка, семилетний, но в школу пойдет только на следующий год. Вовка немой. Вроде все понимает, а не говорит. Почему — непонятно. За Машей Вовка с интересом следит через щель в заборе. И как Маша сидит на скамеечке и листает книжку. И как ловит сачком бабочек. И как пристраивает цветок с Дюймовочкой в глубине сирени. Машенька — фантазерка, ей не надо товарищей по играм, особенно вот таких, как деревенский Вовка. Достаточно и Дюймовочки, единственного соловья в сирени, не видимого днем (но ведь его же так просто представить!) и, конечно, деда. Он всегда что-то придумает... Но дед часто бывает занят. Сейчас вот ушел готовить рыболовные снасти, а потом, сказал, они с Машей пойдут за червяками к свинарникам. Возле свинарников валяются старые доски и под ними собираются черви; Маша уже как-то помогала деду собирать этих необходимых для рыбалки розовых беззащитных слепцов. Маша волновалась — как же так, дед, значит, червей убьет? Но дед винчку успокоил. Манечка, сказал дед, смерти нет, а червяком ведь быть грустно. Извлеченный из земли, червяк станет кормом для юркого окушка, который, в свою очередь, тоже попадется на крючок, а оттуда — на сковородку. Но это значит, что глупая бессмысленная червяковая жизнь закончится, а душа обретет новую оболочку, более веселую. Например, станет он речным кузнецом. Ты же любишь, Манечка, речных кузнецов? У них такие удивительные темно-зеленые плотные крылья! Речные кузнецы веселые. Быть кузнецом куда лучше, чем печальным червяком. Ты же мне веришь, Манечка?

Маша деду верит. И они набирают червей для завтрашней дедовой рыбалки (дед кряхтя поднимает тяжелые доски, а Маша тонкими пальчиками ловит червей и кладет в баночку с землей). Будущие речные кузнецы не особо рады грядущим переменам, но Маша шепчет им: терпите, терпите, милые. Скоро вы поймете, что вам же будет лучше.

А на обратном пути дед говорит: смотри-ка, Манечка, какой куст жасмина у дороги вырос! Ничейный. Давай-ка его выкопаем да бабе Нюре подарим. Вот она обрадуется.

Куст жасмина небольшой и в высокой июньской траве почти незаметный. Но дед Михаил, конечно, его засек. Он притетливый, Михаил. Все замечает, все знает. И к вечеру они с Машей вновь идут на край деревни, уже с лопатой и с тачкой, и выкапывают куст. Жасмин, хоть и невысок, но ком корней с землей делает его неподъемным для Машеньки. Дед-то сам с трудом управляетя. А потом — это целое приключение, везти жасмин на тачке, и сажать в палисаднике, и поливать. Главное — звать бабу Нюру и следить за ее реакцией. Она сначала сердится, по привычке. А потом плачет и смеется одновременно. И вытирает свой смешной раздвоенный нос кончиком платка.

— Не приживется твой жасмин! Кто ж летом пересаживает. Он-то вон уж и цветь собрался, — уже успокоившись, говорит баба Нюра. Опять, значит, начинает сердиться.

Маша засыпает, уставшая и радостная. Еще один бесконечный летний день подошел к концу. И, уже проваливаясь в сон под пенье приятеля-соловья, обдает ее холодом беспокойство: а как же Дюймовочка-то! Так и осталась в сирени сидеть. Ну ничего, с утра отыщется. Утро вечера мудренее, как говорит баба Нюра.

С утра Маша первым делом бежит к сирени. По дороге забегает проведать жасминовый куст: он хороши и даже не подвял ни капельки. А вот и пластиковая лилия. Маша облегченно выдыхает. Нажимает рычажок... Дюймовочки нет. Кто-то выломал ее и похитил. На отчаянные Машины рыдания бежит и баба Нюра, и соседка тетя Тамара...

— Говорила тебе: не таскай игрушку на улицу. Видишь, испортил Немтырь вещь. Ну ладно, не плачь. Смотри, как жасмин-то ваш хороши, — говорит баба Нюра. Прав был дед. Она вовсе не строгая. Просто серьезная.

* * *

Мария приехала в деревню своего детства по делам. На семейном совете решили продавать деревенский дом. Мать с отчимом предпочитали дачу в Малаховке, Маша и вовсе две недели отпуска проводила на заграничных морях. Нужно было переоформить бумаги — дела всегда хлопотные и тоскливы, но без них ничего с места не сдвигается. Маша не была сентиментальна, но сердце как-то зашемило: дом, конечно, помнился совсем другим... А так — цепкий взгляд заметил сразу и просевшую крышу, и подгнившее крыльцо. Только вот по-прежнему пышно росли сирени — две рядом, белая и лиловая. Они уже отцветали, а вот жасмин как раз вступал в силу. Весь осыпанный белыми душистыми звездочками, высокий и раскидистый, он был настоящим украшением заросшего сада.

Маша нервно закурила, присела на покосившуюся старенькую лавочку. Хорошую цену за дом, конечно, не дадут.

— Ну здравствуй, Манечка. Приехала наконец-то. Я Вовка, помнишь? — Парень в шапке-афганке, небритый, коренастый, вполне себе современный парень. — А мы тебя ждали, ждали. У меня должок перед тобой. Куколку свою помнишь? Дурак я был, позавидовал тебе, городской соплюшке, выломал куколку, ты еще ревела. Ну? Схожу принесу. У меня уж сколько лет лежит. Прям за иконкой и лежит.

Маша, конечно, не понимала, о чем парень этот говорит? Какая куколка, какой Вовка. В городе ход событий имеет другой темп. Зазвонил телефон; Сержка беспокоился, когда она обратно? Собирались ведь еще на шашлыки с Макеевыми. Надо быстрее ехать. Маша заторопилась.

Вернулся Вовка, принес кулечек, в нем завернутая в пожелтевшую газету крошечная куколка, Дюй-

мовочка. Совсем некрасивая, простенькая. Ни тебе длинных ресничек, ни золотых волос. Грязная какая-то. Маше ее и в руки-то было противно взять.

— Ты знаешь, а я ведь человеком через эту фильтру стал, — сказал Вовка. — Потом, как ты уехала в Москву свою, пришел к твоему деду, повинился. И сразу, представь, заговорил — предложениями. А до этого молчал ведь. Немтырем звали. Принес куколку, а дед на меня и не ругался вовсе, наоборот, объяснил, что все к лучшему получилось, и ты, Манечка, хотела бы, чтоб так все именно и было. Чтобы я говорить начал. И что куколка эта волшебная. Я тогда малец был, поверил, что волшебная, сколь лет берег-то ее. Потом уж понял, что волшебных кукол не бывает. А бывают волшебные слова. И дела, которые делают нас лучше. А дед твой Михаил потом со мной сколько занимался! И на рыбалку брал, и за грибами. Он горевал, что ты больше не приезжала.

— У меня родители развелись, мама не хотела, чтобы я сюда ездила. Она замуж вышла, мы на даче у отчима летом жили. — Маша, конечно, не должна была отчитываться перед этой деревенщицей, но что-то заставило ее объяснить, почему больше так и не появилась она ни разу в маленькой тверской деревушке у деда с бабкой.

— А, ну, понятно. Я вот курей развозжу. На продажу и несущек держу. Пестренькие такие, породные. У меня жена, дети. Сын и дочка. Сына назвал Мишкой, знаешь. Ты как там живешь-то? — спросил парень.

— В смысле? Нормально живу. Ну, я поеду, а то мне надо тут успеть... Еще вправление заехать, документы взять.

— А, ну да, конечно. Ты это... куколку-то возьми. Столь лет сохранял ее. Самому смешно. Просто думал сначала — волшебная...

— Ну, давай. Все, пока. — Маша резко хлопнула дверью серебристой машины. Выслушивать по второму разу всю эту мутотень про волшебных куколок ей некогда.

Ехала и курила в приоткрытое окно. Глаза щипало, то ли от дыма, то ли от слез. Маша не любила себя — такую, плаксивую и нежную. Она, в конце концов, руководитель отдела. Бизнес-леди. Бери от жизни все или как там говорят в рекламе... А тут — сопли, куст жасмина, прогнившее крылечко. Разозлилась на саму себя, схватила газетный сверточек, бросила в окно. Пусть Дюймовочка летит к своему принцу-лягушке, в придорожную канаву. Ну и игрушки делали в те времена... Как только дети не пугались. Включила музыку погромче и прибавила скорости. Опять зазвонил телефон; ох, она все знала заранее — «шашлыки, ты не могла бы побыстрее, как обычно, все тебя должны ждать...» Дорогодноколейка делала крутой поворот, и серебристая «Шкода» прямо-таки влетела в КамАЗ.

Сотрудники ДПС и медики приехали одновременно, но помочь пассажирке «Шкоды» они ничем не могли. Водитель КамАЗа только вздыхал и удив-

лялся — откуда она выскочила-то, машиненка эта, тридцать лет за рулем, правил не нарушал...

— Разберемся, — нарочито хрипло говорил сержант полиции Клиндухов. Он был совсем молодой, хмурился и старался выглядеть серьезнее и взрослее, чем был на самом деле. И в протоколе писал совсем детским, круглым почерком. Клиндухов выводил свои аккуратные буковки, а свободной рукой отогнал сине-зеленого речного кузнеца с крыльями, похожими на плотный бархат. А кузнец вился и вился, лез и лез и мешал серьезной и важной работе.

КОНЕК-ГОРБУНОК

— Любви нет. Я знаю теперь это точно. Подлеец! — Маша стряхивает пепел прямо в чайное блюдечко. Блюдечко белое, по краям — нежный золотой узор. Классика. Серый пепел смотрится на нем, как грязные брызги на подвенечном платье. Мне хочется взять это поруганное блюдечко и прямо сейчас сорваться из-за стола и сполоснуть его в раковине... Но — нельзя. Слишком трагический момент. Маше плохо. Она смотрит прямо мне в глаза, не отрываясь. Я не могу прервать эту ее исповедь, женскую жалобу об утраченной любви, побежав мыть несчастное блюдечко, как енот-полоскун.

Маша — моя соседка по подъезду: я живу на четвертом этаже, она — на шестом. Когда-то давно мы сдружились, толкая коляски с упитанными любимыми младенцами. Младенцы уже выросли, заканчивают школу. А наша дружба с Машей осталась.

За эти пятнадцать лет, прошедших с момента нашего знакомства, многое изменилось. О себе говорить не буду, — но скажу про Машу. Она научилась водить машину, белую «хондочку». Из блондинки стала огненно-рыжей. Сменила преподавательскую деятельность на ресторанный бизнес. И, главное, мужа тоже сменила. Основательного немолодого Алексея на нервного худого Романа. Роман — дизайнер, придумывал интерьер для Машиной кафешки. Моложе ее лет на пять. Черная косая челка, длинный нос, нервные пальцы.

Машкина мама Романа просто не выносит. Жалуется мне на него.

— Машка совсем сдурела, — говорит мама. — Зачем ей этот конек-горбунок? Дрыхнет до обеда, потом кофей трескает. И суши заказывает домой. На Машкины деньги. Крабовая палочка.

Мне смешно. «Крабовая палочка» звучит креативно и современно. Чем не название для новой кафешки или даже ресторана эконом-класса?! И «Конек-горбунок» тоже подходит к Роме. Он лихо «бьет копытом» своих массивных ботинок, надетых на длинные стройные ноги, и встрихивает гривой черных волос...

И я рада бы согласиться с Машиной мамой в том пункте, что Конек-горбунок статной, эффектной Марии не пара. Но перед самым Новым годом я ви-

дела, как Ромка нес Машу на руках по лестнице. И это очень возвысило его в моих глазах.

Я, как уже говорила, живу на четвертом этаже. Часто хожу пешком, потому что какой-либо другой спорт, кроме пеших прогулок, в моей жизни отсутствует. На моем телефоне щелкает шагомер — а норма шагов, между прочим, серьезная: десять тысяч. Не всегда получается пробежать столько за день. Поэтому часто я добираю необходимые шаги — пробегая пешком по лестнице.... Лестница у нас в подъезде неприятная. Темная, пахнет кошками. Мне мерещится там тень отца Гамлета или просто бомж Толик, устраивающийся на картонке на noctleg... Страшно!

А тут, стремительно взбегая вверх, я натолкнулась на лиричную группу: худой Ромка, тяжело дыша, медленно-медленно поднимался, держа на руках валькирию Машу. Он нес ее как драгоценную вазу! Очень большую и очень тяжелую вазу. Такие стоят на лестнице в Эрмитаже... Маша хохотала смехом грудным и порочным. И говорила:

— Надорвешься! Поставь. Сама дойду.

— Я... любимую... на руках... донесу, — сипел Роман.

И нес.

«Настоящая любовь», — поняла я.

И вот прошло чуть больше месяца — и все переменилось. Плачущая Маша ворвалась ко мне под вечер. Безутешная.

Она говорит, что любви нет, и стряхивает пепел в белое беззащитное блюдечко.

Значит, права была ее мама? В том, что Роман — никчемный подлец и альфонс. Крабовая палочка и Конек-горбунок.

— Подарил мне цветок... — всхлипывает Маша.

Оказывается, цветок не обычный. Это — хищный цветок, питается мухами. Открывается красный хищный цветочный граммофон, туда залетает муха, чашечка цветка закрывается. Тюрьма закрыта! Потом цветок переваривает свою жертву. Когда проглотит, снова открывается.

И подарил не просто так. Сегодня знаменательная дата. Год, как познакомились. Тогда Маша впервые увидела на пороге своего кафе застенчивого худого художника в голубой рубашке с закатанными рукавами.

Она ждала подарка. Не бриллиантов (откуда они у бедного творца), но чего-то особенного. Запоминающегося. И получила — хищный цветок, питающийся мухами.

— Понимаешь, он считает меня такой же акулой. Такой же прожорливой ведьмой. Он меня не любил ни одного дня. Ни одногоoooo.... Теперь я это понимаю. Права была мама.

Мы сидим под оранжевым кухонным абажуром и разговариваем. Я утешаю. Говорю — бывает и хуже, вон, Вальку вообще Стас в день рождения ударили. Или — Алексей, что, лучше был? Скучный ведь был и жадный. А помнишь, как Ромка тебя на руках нес

по лестнице. Всего месяц назад. У тебя тогда был такой счастливый смех...

Машка уже не страдает. Она говорит, что на пятом этаже Рэмбо Ромка все-таки уронил ее на грязный подъездный пол. Но потом поднял. А на следующий день у него так болели руки, что кофе из чашки расплескивался...

Любил, конечно. И сейчас любит.

Потом она уходит в коридор. Там, брошенный на тумбочке, лежит ее золотистый телефончик. Он отключен, поэтому ни Ромка, ни Машина мама не знают, где она. Как выбежала в курточке, наброшенной на домашний костюм, так и исчезла...

Ну вот, телефон вновь работает, и Маша с удовлетворением отмечает, что число пропущенных вызовов неприлично велико. Ромка ее ищет. Он расстроен. А через три минуты в моей квартире раздается звонок: он прибежал за ней. Я прикрываю дверь — нехорошо подслушивать...

Утром я встречаю Машкину строгую маму. Она спрашивает меня, цветовода-любителя, можно ли как-нибудь помочь обожравшемуся цветку-мухоеду? Все его бутоны плотно закрыты. Значит, в них попали мухи. А так много белковой еды для него — это смерть.

— Откуда же вы столько мух зимой взяли? — удивляюсь я.

— Да это не мухи... Мы с Ромкой, пока Машку ждали, от нервов покормили этот цветок мелко порезанным мясом. Куриным.

А еще через неделю я встретила Романа с большой лиловой орхидеей в горшке. Цветок был закутан Ромкиным зеленым шарфом. Возле лифта он стал его распаковывать — нежно, как ребенка... Я спросила, что стало с цветком-мухоедом?

— Аах, — Ромка махнул рукой, — да он загнулся. Я вот Машке орхидею купил. Она же такая, как орхидея, — необычная, яркая, нежная.

И встряхнул черной гравикой волос.

НЕБО РАССТЕГНУЛОСЬ

Мой родной, мой любимый сыночек! Уже много раз я начинала это письмо. И бросала, написав первые слова. Ведь это очень странно — писать письмо в никуда... Я разговариваю с тобой каждый вечер на протяжении многих лет. Каждый свой одинокий вечер.... Дома я одна да кошка Муська. Муська ласковая и равнодушная. Но все равно живая и теплая. И вот сижу я с кошкой на коленях и разговариваю с тобой, мой родной. Вспоминаю всю нашу жизнь. Какой ты родился — красавец, богатырь. Весь в перетяжечках, с мягкими ушками, с золотистыми волосиками. Такой и рос: синеглазый, розовошекий, веселый. Мы читали с тобой книжки перед сном. Ты любил про конька-горбунка, помнишь? Половину помнил наизусть. Чудо-юдо — рыба-кит. И хохотал, и хлопал в ладоши. А потом незаметно засыпал и от тебя сладко пахло молочком. На всех праздниках в

детском саду ты был Иваном-царевичем. И в тебя были влюблены все девочки в группе. А помнишь, как ты болел? Ох уж эти детские тяжелые простуды... Я подходила к тебе ночью — горячечному, с сухими губами. Ты что-то бормотал про чудо-юдо, а я поила тебя чаем с малиной и щупала лобик. Он был очень горячий. «Где мой меч?» — спрашивал ты в бреду. Мой смелый Иван-царевич, готовый к сражению с огненным драконом. Таким же отважным ты был и в школе. Математика тебе не давалась, зато по гуманитарным ты был первым учеником. Да и что значит оценки, когда ты все равно лидер и все хотят с тобой дружить, ты — душа компании? Ты классно играешь на гитаре, и тебе так идет голубой джинсовый костюмчик, который я привезла тебе с зарубежных гастролей! Он так шел к твоим голубым глазам... Я хочу напомнить тебе, как впервые повезла тебя на море. Ты был потрясен морем — оно казалось живым, дышащим. Наплававшись, мы лежали рядом на берегу, голова к голове. Синее-синее небо, а по нему чертил белый след самолетик. «Мама, смотри: небо расстегнулось!» — закричал ты. Почему мне кажется, что это было на самом деле? Родной мой. Самый любимый. Ведь ты так и не родился. Я не позволила тебе родиться. Ведь я была — прима! Восходящая звезда большой сцены. Боже, какая дура... В меня был влюблен немолодой женатый режиссер. Синеглазый и импозантный. И я была влюблена и мечтала о мировой славе. Я даже не очень плакала, вернувшись из больницы, — ведь впереди еще будет так много всего хорошего, и премьеры, и овации, и счастье в любви, и дети, конечно, будут... Потом. Но все оказалось не так. Ничего не было после того рокового перелома... Да что об этом? Ни о чем я не жалею. Об ушедшей красоте и молодости, и о режиссере не жалею, и о зрителях. Жалею лишь о том, что ты так и не родился. Смягкими ушками, с синими глазками. Мой мальчик. Каждый год считаю — сколько бы тебе сейчас было лет? Тридцать четыре. Я была бы уже бабкой... Кем бы ты был? Мне почему-то кажется — хирургом. Спасать людей — что может быть лучше? Я в подробностях, мельчайших деталях «вспоминаю» день за днем твою жизнь. Которая не случилась. Хотя я знаю, чувствую: ТАМ где-то ты ее проживаешь. В другом измерении. Ты смотришь оттуда на меня ласково и с любовью, ведь ты давным-давно меня простил и все понял. Ты жалеешь меня. Старую, одинокую, больную. И еще — знаешь что? — ты готовишься к встрече. Моей земной печальной жизни осталось кот наплакал, и потом, я знаю, мы встретимся с тобой, и наконец-то обнимемся, и все-все друг другу расскажем. Целую тебя и очень люблю. До встречи, мой сыночек.

ЧЕРТОВА КУКЛА

— Это не девка. Это — чертова кукла какая-то! — ворчала бабка Сережки Маклакова.

Она, бабка, увидела из окна, как дерутся в снежных сумерках два когда-то лучших друга: ее внук Сережка и Женька Никаноров. Выбежала на улицу, прямо в халате и в домашних тапочках, разняла мальчишек. У Женьки был подбит глаз, у Сережки из носа тоненькой струйкой сочилась кровь. А неподалеку, на лавочке, сидела Светка Смирнова. Сидела и смеялась своим большим, лягушачьим ртом. И бабка сразу все поняла: из-за нее, из-за Светки разодрались вчерашние друзья.

— Нашли тоже красавицу! Два дурака, — и поволокла Сережку за капюшон куртки в подъезд.

А Женька поплелся к Светке. Он был ее покорный раб, влюбленный и очень несчастный. Красавицей Светку назвать точно было нельзя: невысокая, с непослушными, встрепанными волосами, густыми бровями, маленьким вздернутым носом, складистая и большегорная. Легко делала на качелях «солнышко», играла с мальчишками в футбол и была отчаянная и веселая. Женька ухаживал за ней старомодно и застенчиво. Светка вроде бы тоже благоволила к Женьке, и они даже пару раз целовались на последнем ряду в кино... В тот несчастный январский день Женька принес своей принцессе большое красное яблоко. Это яблоко мама заботливо положила ему в портфель, аккуратно завернув в папиресную бумагу. Женька был ее безусловно любимым единственным сыном... Мама хотела, чтобы Женька был наполнен позитивом и витаминами. А Женька вручил на переменке яблоко Смирновой. Светка обрадовалась, и своим большим ртом сразу укусила нежный красный яблочный бок... А потом вдруг подошла к Сережке Маклакову и сказала:

— Маклаков, хочешь яблоко?

И Маклаков, лучший Женькин друг, от яблока не отказался. И Светка с Сережкой, смеясь, грызли на пару это драгоценное яблоко, а Женька от обиды и боли не мог вымолвить ни слова.

После уроков он позвал Сережку — поговорить по-мужски. И они дрались, и бабка, выбежав в халате прямо в снег, разнимала их, и ругалась на Светку.

С Сережкой Женька через неделю помирисился. А по Светке Смирновой страдал еще года два... Тогда он еще не знал, что всю жизнь будет его преследовать такой вот порочный женский типаж. Невысокая черноволосая женщина, с бровями вразлет, большегорная, самоуверенная и вульгарная. Чертова кукла...

Второй такой куклой в его жизни стала сокурсница Лиля. Женька влюбился в нее в первый учебный день, — она сама подсела к нему за парту и назвала свое необычное имя. Женька с Лилей были неразлучны два года: готовились вместе к сессиям, катались на катке, взявшись за руки, и его первой женщиной стала именно Лиля — в новогоднюю ночь, на даче Женькиных родителей.... Женька хотел даже сразу жениться, — так захвачен он был своей первой «взрослой» любовью. Мама Жени плакала: не такой она представляла свою будущую невестку. Но расстраивалась мама зря. Лиля не собиралась замуж за

простого студента Женьку. После второго курса она уехала в Тель-Авив — там жил ее отец с новой женой.

— Понимаешь, Жека, — она звала Женьку Жекой, — здесь карьеры не сделаешь. Только за бургом...

— А как же я, как же наша любовь? — чуть не плакал Женька. — Я хочу, чтобы мы были вместе...

Лиля засмеялась, поднялась на цыпочки и поцеловала его куда-то в область подбородка. Она была совсем маленького росточка — метр пятьдесят семь. Собака в прыжке, сказала бы бабка Сережки Маклакова. Она так называла всех низкорослых.

Женился Женька уже ближе к тридцати. Его женой стала нежная русоволосая и голубоглазая Нина, дочка маминой лучшей подруги. Ниночка была настоящим сокровищем. Музикальная школа, языки, манеры.

— Тургеневская девушка, — говорила с восторгом Женькина мама. Она обожала свою юную невестку...

Да и Женька понимал: Нина — это самый настоящий ангел. Дома его всегда ждала улыбчивая, всегда ровная и приветливая женушка. Вкусный ужин. Через год родилась дочка — копия Женьки. В клетке чирикала канарейка, цветли на подоконнике герани. Женька был счастлив — головой. Любил и жену, и дочку. Но — не екало сердце, не падало глухо на пол, разбиваясь на миллионы осколков.

...Магазин с французской выпечкой «Парижская булочка» открылся на первом этаже Женькиного дома совсем недавно. Ниночка купила слойки: с абрикосом, с вишней и несладкие — с сыром. Женька ел, нахваливал. И как-то забежал в «Парижскую булочку» сам, хотя по магазинам никогда в жизни не ходил, благо заботливую маму сменила не менее заботливая жена...

Этот хищный, наглый взгляд он заприметил сразу. Продавщица выпечки в белой кокетливой наколке на голове была вульгарна и прекрасна. Большой рот, черные, чуть раскосые глаза. «Снежана», — прочитал на бейдже.

Ей совсем не подходило это имя. Черноволосая, полноватая, и даже, кажется, маленькие усыки пробиваются над верхней губой, — какая же она Снежана?

— Мущицна! Чего берем? Сладкого захотелось? — Продавщица обращалась к Женьке.

Кровь бросилась ему в лицо. Голова сладко закружилась...

— Мне два... две... слойки с вишней... И с капустой еще...

— А клубники не хотите? Возьмите с клубникой, мущицна, не пожалеете. — Снежана смотрела на него в упор. Наглая, желанная, он уже ее любил и не видел одновременно.

— Мущицна! Вы заходите, я буду скучаеть! — неслось вслед Женьке, уносящему теплые слойки.

Она все поняла, — что он будет заходить. Убегая от нежной, светлой и чистой, домашней Ниночки,

от маленькой дочки. Она смеялась, потому что уже почувствовала свою власть.

«Чертова кукла», — шептал Женя, подставляя лицо падающему снегу. Снег. А она — Снежана. Женя был совершенно счастлив.

ЩЕНКИ ЗОЛОТИСТОГО ЦВЕТА

Как сказал Лев Толстой, «в жизни счастья нет, есть лишь зарницы его».

Зарницы. Предчувствие, ожидание. Яркие всполохи где-то далеко, за рекой, над черным лесом.

Об этом размышляет Наташа, именно сейчас, именно здесь, на маленькой даче в дальнем Подмосковье. Ей тридцать семь лет; еще весной она была страшно, ужасно одинока. А сейчас наполнена покоеем и ожиданием радости. Зарницы, вспыхивающие вдали. Наташа щурит глаза, всматриваясь в сгущающиеся сумерки долгого летнего дня. Ей кажется, что где-то по холму бредет старик с белой бородой, босой и строгий. Наташа трет глаза тыльной стороной ладошки... Нет, показалось. Горе от ума, сказала бы завистливая подружка Ирка Пылева. Наташа полненькая, невысокая, голубые ясные глаза, короткая стрижка под мальчика. Переводчица с итальянского. Со стороны поглядеть — успешная, самодостаточная. Спа, маникюр, выставки; водит машину — аккуратненький фордик. Кто же знает, что за всей этой роскошной ширмой — слезы в подушку от одиночества. Не всегда, конечно, не подумайте. Но бывают ведь минуты слабости, когда хочется, чтобы дома кто-нибудь ждал. Ну, пусть не Ален Делон, но хотя бы маленькая собачка, похожая на ершик. Но даже собачку не может позволить себе Наташа — как заведешь, когда постоянно разъезды... И ведь разъезды тоже не на картошку. Рим, Флоренция, Венеция... Это так же надоедает, к слову, как любая другая работа. И уже не хочется цветистых комплиментов от пожилых черноглазых мачо. И от сопливых рогацци тоже комплиментов не хочется. Рогацци, кто не знает, зеленая молодежь по-итальянски. Мамма миа! Фисташковое мороженое, крошечная чашечка кофе, длинное светлое просторное платье (выгодно скрывает полноту). Наташа думала, что счастье для нее — там, на побережье Адриатического моря. Легкое и неуловимое, как морской бриз, чуть горьковатое, как эспрессо. И думала Наташа, что ее голубые глаза — как азиатическая волна. То есть она мечтала так: когда-нибудь к ней подойдет Ее Человек и скажет: «Глаза у вас синие, как море».

А оказалось, что все Наташа неправильно представляла. Вовсе не в Италии, а в подмосковной Софроновке, летним душноватым вечером, к ней пришла маленькая незнакомая девочка и сделала ей царский подарок. В спичечной коробочке притаился червячик. Не простой, а волшебный. Светлячок. Наташа с девочкой посадили светлячка возле скамейки, в густые заросли садовой гвоздики. И тот засве-

тился таинственным зеленым светом. Девочка хлопала в ладоши и смеялась.

— Видишь? Видишь? Светлячок как маленькая звездочка!

И Наташа готова была тоже прыгать и хлопать в ладоши. А ведь еще час назад они даже не были знакомы с этой милой девочкой. Оказалось — зовут ее Аришой, ей шесть лет, приехала с папой. Папа лечит животных. Он как доктор Айболит. Сюда приехал лечить собаку Элли. Элли скоро будет мамой, у нее родятся щеночки. А Аришу взял с собой — посмотреть на маленьких собачек. Он ее всегда старается брать с собой. А мамы у Ариши нет. Только папа.

Что случилось с Аришиной мамой — Наташа не спросила. Потому что Ариша уже готова была заплакать. Но дело поправил светлячок, умница. Неожиданно зажег свой зеленый фонарик. И Ариша обрадовалась. Светлячок — маленькое чудо. Одно из чудес.

Ведь есть и другие летние сокровища. Утренняя роса на траве. В каждой капле — целая радуга. А паутинка, покрытая росой! Вот где целая россыпь алмазов, увидеть которые может только тот, кто проснеться рано-рано утром, когда солнце только взойдет... Или — букетик из земляники. Для того, чтобы сбрать землянику в букет, ее надо рвать аккуратно, прямо с веточками. Обязательно добавить земляничных резных листьев, а можно еще и ромашек, и пару колосков. А как пахнет июньская земляника! Обо всех этих важных вещах Наташа разговаривала со своей маленькой гостьей за чаем. Не сидеть же, на самом деле, все время на улице. А потом Ариша неожиданно уснула в большом плетеном креслекачалке. Это кресло Наташа помнила еще со времен своего детства. Дача-то была старинная, небольшая, но очень уютная. Ее построил своими руками Наташин дед — специально для Наташиной бабушки. Бабушка была красавицей! Все говорят, что Наташа ее копия. Только тогда, в пятидесятые годы, маленькие полные женщины считались эталоном красоты. Бабушка носила крепдешиновые платья в горошек, а под туфли надевала белые носочки. Впрочем, тогда так одевались все модницы. Сейчас кусты сирени, которые в Наташином детстве были маленькими, разрослись как целый лес. И огромным стал куст жасмина — сейчас он стоял весь осыпанный белыми душистыми звездочками...

Наташа вздохнула, накинула на плечи вязаную бабушкину шаль, казалось, сохранившую запах «Красной Москвы». Надо было найти папу Ариши — он, наверное, с ног сбился, разыскивая свою маленькую дочь...

Они столкнулись у калитки — на Наташу буквально налетел бородатый мужчина, милый, нелепый и как будто давно знакомый.

— Ариша у меня, да, да, заснула! Не волнуйтесь! Все в порядке! Она принесла мне светлячка... — стала оправдываться Наташа. Хотя — за что ей оправдываться?

— Слава богу! Я-то, дурак, отпустил ее погулять, а уже темно! — выдохнул мужчина. — Спасибо вам! Я сейчас Аришку заберу.

— А как щенки? Щенки — родились? — спросила Наташа. — Сколько их? И порода — какой они породы?

Почему-то вдруг стало очень важно: какой породы щенки и сколько их?

Оказалось — самой что ни на есть счастливой породы. Золотистый ретривер. Три мальчика, две девочки.

— А вы знаете, что у вас глаза голубые, как незабудки? — услышала Наташа. И поразилась — как он увидел цвет глаз? Ведь было уже совсем темно...

Где-то вдали громыхнуло, темноту прорезала молния. За деревней Далекуши, наверное, начиналась гроза.

СЕДОЙ ПАРОМЩИК

Конец сентября, последний вздох бабьего лета. Небо синее, высокое. Парк стал почти прозрачным — листва заметно поредела, но золотые кленовые листья были похожи на детские ладошки. Золотые ладошки рукоплещут на ветру. Даша куталась в тоненький плащик, голая трогательная шейка, не прикрытая шарфом, казалась тонким стебельком. На стебельке покачивался колокольчик — девичья головка в золотых кудрях. Глаза смотрели умоляюще.

— Вадь, нам надо серьезно поговорить. Очень серьезно.

Вряд ли есть какая-то другая фраза, столь отрезвляюще действующая на мужчин любого возраста. Хоть детсадовец, хоть глубокий пенсионер напрягаются от этого «серьезно поговорить». Что уж сказать о девятнадцатилетнем молодом красавце, рокере, весельчаке и балагуре? Ясно, что предложение поговорить, очень серьезно, не предвещало ничего хорошего. Вадик Михайловский тяжело вздохнул. На его бесшабашный взгляд, говорить было совсем не о чем. Все абсолютно ясно, как это вот сентябрьское небо. Закончилось лето, и закончился короткий роман. Лето, такое радостное, наполненное счастьем, как приторно-сладкий напиток «Кока-кола» насыщен колючими пузырьками. Деянство первый год — только-только хлынули в страну зарубежные ценности вроде «сникерсов» и колы. Все было новое, необычное, яркое. Каждый день приносил радостные открытия — актерский курс в театральном училище, Москва, которую он, вчерашний провинциал, пробовал на вкус — так же, как сладкую иностранную шипучку из железной банки... И эта московская девочка Дашенка, с которой познакомился в июне в этом вот парке. Она готовилась к экзаменам на скамейке. Он подошел, подарил ветку лиловой персидской сирени. Предложил покататься на лодке — на пруду можно было взять лодку напрокат. Даша вскинула светлые глаза, опущенные черными

густыми ресницами, испугалась, ойкнула и — согласилась. А разве кто ему отказывал, красавцу Михайловскому?! Что в родном Кирове, что в столице? Он ловко греб веслами и представлял, что его сейчас снимает известный режиссер. Например, Никита Михалков. Как он, Вадька Михайловский, красиво работает руками, как ветер треплет кокетливый шелковый шарф у него на шее, как посматривает пристально на свою новую знакомую, наклоняя голову к правому плечу... Читает ей Блока наизусть (готовил к вступительным экзаменам в театральный!). Она млеет от восторга. Девчонка, старлетка! Сколько еще таких будет у него — великого актера Вадима Михайловского... Правда, Даша оказалась милой умницей, тонкой, образованной. Она так искренне влюбилась в Вадьку, что его это подкупило. Ничего серьезного — о чем можно думать серьезно, когда вся жизнь впереди? Но забавное приключение, красивый роман, каких, конечно, будет еще впереди много. Очень много...

И ведь кажется, что умненькая Дашенка должна это понимать. Его ждет великое будущее. Мировые турне, перелеты, восторженные зрители, красные ковровые дорожки. А она — да, хороша, но обыкновенна, как серенькая птичка. Он даже толком не помнил, где она учится? Кажется, что-то связанное с химией. Обыденность, скука. Надо поставить красивую точку в конце красивого романа. Надо уметь расставаться. А она все портит, дурочка. Ну вот зачем это — «серьезно поговорить»... Он тяжело вздохнул. И предложил покататься на лодке — как тогда, в начале лета.

— Сезон закрыт! Лодки убрали на зиму. Видите, на воде ни одной нет, — сказал строгий усатый мужик, похожий на моржа. Лодочный сторож, он был одет в тельняшку и широкие потертые брюки. Сверху накинут брезентовый плащ, а в руках — весло. На костяшках пальцев синяя татуировка: «ТОЛЯ».

— Ну вот видишь? Не судьба! Сезон закрыт! — даже обрадовался Вадик. — Что ты мне там хотела сказать? Говори быстрее, я там с ребятами сегодня еще должен встретиться... Человечек один подскакет к нам нужный... А паромщик-то, паромщик, ни дать ни взять Харон!

Даша тихо плакала. Сказать Вадику Михайловскому она собиралась многое. Но не могла — душила обида, слезы, да еще и из репродуктора доносились модная песня «Седой паромщик».

Надрывно звучали слова песни про паромщика, соединяющего берега и юные сердца. Даша даже знала, как он выглядит, этот паромщик. Он похож на моржа, а зовут его — Толей. Только никого он уже не соединит. Сезон закрыт...

* * *

Осень 2016 года началась грустно, с заморозков и дождей. Дафья Александровна ненадолго приехала из солнечной Калифорнии в Москву. Дафья Александровна — в Москве. А за океаном ее теперь зовут

Долли. Так удобнее, чем мягко-глажающее «Дарья». Предстояли скучные дела по оформлению наследства. Она, Даша-Долли, профессор Калифорнийского университета по кафедре химии, хорошо знала цену на московскую недвижимость. Если продержит доставшуюся ей от тетушки трехкомнатную квартиру в районе Верхней Масловки, то как раз хватит на то, чтобы расплатиться за дом на берегу океана. И еще останется на всякие милые радости. В доме Даши — пардон, Долли Хлопкофф, жила одна. Дочь, Валерия, была уже взрослой. Двадцать четыре года — возраст замечательный. Она изучала живопись и компьютерную графику, делала первые шаги в промышленном дизайне. Сейчас со своим бойфрендом Тобиасом путешествовала по Италии. Набиралась впечатлений. Валерия и Тобиас были молоды, хороши собой, веселы и, похоже, очень счастливы. Да и Даши было тоже вполне довольна жизнью. Все состоялось. И профессия, и материнство, и даже это вот внезапно упавшее на голову наследство...

Вадика Михайловского она нашла в социальной сети. Лайкнула его фотографию — постарел, конечно, и видно, что выпивает. Но улыбка по-прежнему открытая и лучезарная. С колотящимся сердцем увидела от него моментальный ответ — сообщение. «Ты как? — Я в Москве. — Может, встретимся? — Давай...»

Договорились встретиться в том же старом парке, у лодочной станции. Михайловский пришел заранее. Спешить ему было абсолютно некуда. Какой шанс у актера стать успешным и востребованным? Очень невысокий! Каждый год выпускаются сотни молодых да ряных, талантливых и самобытных. А звездами становятся единицы... Он сидел на мокрой от дождя скамейке — ветер безжалостно рвал с кленов листву. И Вадик подумал, что сам стал как этот клен — покривевший, унылый, высокий и не-прибранный. Да, быстро пронеслось время. Почему-то вдруг вспомнил, до мельчайших деталей, ту их последнюю встречу и паромщика Толю. Страшно захотелось выпить... Маленький желтый лист в луже был похож на падшего ангела. А Дашу он увидел издали и сразу узнал. Ну, вообще почти не изменилась. Поправилась разве что слегка, да волосы из золотистых стали каштановыми. Она плыла к Михайловскому в резиновых сапожках на каблуках по темному мокрому асфальту, по золотым заплаткам листвы, под ярко-красным зонтом. И Вадику казалось, что он вновь и вновь смотрит кино, где в главной роли он — безусловно, талантливый актер Михайловский. Вадик упрямо тряхнул головой и резко поднялся на встречу прекрасной женщине под красным зонтом. Все поправимо. В конце концов, в одном известном кино сказали, что в сорок лет жизнь только начинается.

— Что скажешь, милая? — спросил он.

— Сезон закончился, — ответила она и засмеялась какому-то своему давнему воспоминанию.

ЛЕБЕДЬ № 8

Таня Ивантеева и Ира Гольц были когда-то неразлучные подружки. Давно, в детстве. Серьезная, настойчивая Таня и мечтательная хрупкая Ирочка. Еще в детском саду придумали они, кем стать. Балеринами. И — чтобы обязательно вместе! И — поступить потом в Большой театр и стоять на одной сцене. Танцевать «Лебединое озеро». Одиллия и Одетта. Ведь каждая хотела быть примой...

Про балет придумала Ирочка, ранней осенью, когда с деревьев падали, кружась, золотые листья. Ирочка и сама была похожа на такой вот невесомый лист: хрупкая, пластичная, рыжеволосая. Глаза — небесная синь. Лицо бледное, конопатое, а руки длинные. На Ирочке была надета изумрудно-зеленая курточка и юбка в красную клетку.

— Танька! Я хочу быть балериной! Ты — со мной? — звонко смеялась Ирочка, делая невообразимые па на ковре из листвы.

Таня была крепенькой, как боровичок. Красные щеки, серые упрямые глаза, налитые ручки и ножки. Но стать балериныказалось заманчивым. А главное, нельзя было, никак нельзя, отдать такую пальму первенства Ирке. В глубине души Таня считала Иру Гольц маленькой конопатой замухрышкой.

Так было решено: надо идти в балет. Но на этом ветреная Ира, пофантазировав вдоволь о том, как будет красоваться на афишах и срывать аплодисменты, от своей мечты отреклась. Просто переключилась на что-то другое. Кажется, захотела стать актрисой. А Таня упорно хотела на балетную сцену. И уже в следующем году буквально заставила свою маму вести себя и Ирочку на отбор в балетную школу.

Ирочка вроде как и не очень уже хотела, но Таня нахмурилась, и в итоге подруги пошли вместе.

Таня не теряла времени даром и хорошо подготовилась: изучила все известные либретто, знала, как называются разные балетные па и даже освоила «батман тонзю». Была уверена в своей победе... Но комиссия только улыбалась, глядя на полненькую, серьезную девочку с двумя тугу заплетенными косичками.

— Танечка, ты чудесная девочка, такая красавица, но у тебя не балетная пластика... Ты никогда не сможешь быть балериной.

Таня покраснела и выбежала из класса.

Зато Ирочку Гольц приняли сразу.

— Настоящий самородок! Сколько грации, сколько природной красоты, — сказала, расчувствовавшись, немолодая дама, в прошлом — балерина.

На этом пути подруг разошлись.

Таня пошла в школу с математическим уклоном — она была ближе всего к дому. Ирочка Гольц отправилась в школу балетную. Там надо было жить целую неделю и заниматься, заниматься, заниматься. А домой отпускали только на выходные.

И всю жизнь Таня Ивантеева просто умирала от зависти. Иногда она видела издалека Ирочку — та

постепенно из маленькой хрупкой рыжей девчонки превращалась в изумительную гибкую девушку. Таня встречи и разговоров избегала, потому что ей казалось: Ирка украла ее мечту. Это она, Таня, должна учиться в балетной школе, носить розовые атласные пуанты, делать гладкий пучок на затылке. В конце концов, блистать на сцене. У нее должны брать интервью местные газеты...

Вместо всего этого Таня была одной из лучших учениц в своей математической школе. У мальчишеск она была в почете: не давала спуску никому, могла отвесить обидчику звонкий подзатыльник и больно ткнуть под ребро, бегала лучше всех стометровку и могла решить любую задачку. Красавицей не была, но замуж вышла рано, на втором курсе университета. Родила двойняшек, Лизу и Костика.

Как-то быстро и ладно и хозяйство вела, и лихо водила машину, и стала ездить на стажировки за границу... А к тридцати годам уже и навсегда перебралась в благополучную Голландию. Домик с садом, гравийные дорожки, горненции и хвойные деревца перед домом. Веселые, ухоженные Костик с Лизой, настоящие маленькие европейцы. Белая собака. Красная машина. Муж, правда, был уже другой — тот, первый, остался в Москве...

И, кажется, жизнь удалась.

А грызет черной змеей зависть. Хрупкая Ирочка Гольц кружится, как осенний лист. Говорят — если у тебя в детстве не было велосипеда, а потом ты вырос и у тебя «Мерседес», то в детстве у тебя все равно не было велосипеда.

Таня не была завистливой дурочкой и пустышкой. И она пересилила себя — полетела в Москву и набрала памятный с детства номер бывшей подружки. Привезла голландские подарки. Хотела просто посмотреть — какая она стала, Ира.

Встретились. Ира была бледная, худенькая, совсем невесомая. Как маленькая старушка. Выпили вина. Таня и предположить не могла, что эта их встреча закончится такой страшной Иркиной истерикой.

— Это ты, Танька, ты сломала мне всю жизнь! А сама вон свалила за бугор. Румянная! Дети есть! Мужиков менять. А я? Так всю жизнь и просидела в кордебалете. «Лебединое озеро» танцую, да. Подтанцовка. Лебедь номер восемь. Ни детей, ни личной жизни, ничего! Здоровья нет! Эта дисциплина меня сломала, просто сломала... Желудок больной. И это — посмотри!!

Ира, не стесняясь окружающих, сорвала с себя сапожок, и с ужасом Таня увидела искривленную, страшную крошечную ступню — ту самую, которая очаровывает, когда затянута в атласные розовые пантюшки...

В самолете Таня закрыла глаза. Хотелось плакать. У Бога на всех свои планы, думала Таня. И уже представляла, как ей навстречу по зелено-лужайке побегут краснощекие дети и большая белая собака.

ЛЯЛИН ПЕРЕУЛОК

Лето в Москве было жарким. Асфальт — раскаленным. Валерий Алексеевич оказался в районе Курского вокзала случайно — шеф попросил завезти бумаги в центральный офис. Когда-то в этом офисе на Курской работал сам Валера. Знакомые места. Нужного человека на месте не оказалось. Решил выпить чашечку кофе на Садовом кольце. Размешивал ложечкой коричневый сахар в облаке капучино и пытался вспомнить что-то важное. Да, здесь же рядом — Лялин переулок, сладкое воспоминание пятнадцатилетней давности. Лялин переулок, где Валера встречался с Лялей.

Когда-то, давно, он сидел в этой же кафешке с Олечкой Нефедовой. И начинался их роман. Олечка была моложе Валеры на десять лет. Вместе работали, вместе пошли пообедать. Валера самодовольно отметил, что она смотрит на него влюбленными глазами. И, хотя был он несвободен и даже сынок-двоюродник имелся, и Олечка не казалась «девушкой мечты», мысли приняли игривое направление. А почему бы и нет? Оля молоденькая, худенькая, волосы длинные, прямые. Ходит в смешных кедиках на плоской подошве. В ней есть какая-то чистота и простота. Только после института, взяли на самую маленькую должность, но она сказала, что работает не для денег — для практики. Вроде папаша у нее какой-то богатый... Короче, Валера заинтересовался. И великолепно оплатил общий счет за бизнес-ланч. У него был циничный принцип — в кафе платить только за тех женщин, которые нравятся.

Роман развивался стремительно. Конфетно-буketный период все не переходил к кульмиационной стадии, поскольку вести Олю Валере было просто некуда. Пока он размышлял — попросить ключи от квартиры у своего холостого приятеля Ваньки Суркова или пригласить Олечку на выходные в подмосковный санаторий, она взяла инициативу в свои хрупкие ручки.

— У меня тетя Аня на дачу уехала. Попросила поливать цветы... Это тут недалеко, в Лялином переулке. Поможешь? Боюсь не удержать лейку, — шепнула Оля.

После работы пошли поливать цветы.

Лялин переулок — одна из удивительных московских улочек. Что ни дом, то история.

— Здесь вот был доходный дом, здесь гулял Пушкин, а здесь — снимали «Место встречи изменить нельзя», — рассказывала Оля. Боролась с волнением. Валерий слушал вполуха. Тоже волновался...

Квартира тети Ани оказалась на первом этаже. Во дворе — бюст Жуковского. Цветущие сирени. Бабки на лавочке перемывают кости. Московский дворик. Тихий, живописный. Как будто и не центр Москвы. Валера влюбился. Не просто в Оленьку Нефедову. В этот июньский день, в старинный дом, в юного печального Жуковского, в белые пододеяльники, которые сушились прямо во дворе. Так же в шестидеся-

тые годы, в детстве Валеры, его мама сушила постиранное белье.

У тети Ани было две комнаты в коммунальной квартире. Красные махровые герани на широких подоконниках, старый ламповый телевизор, покрытый салфеткой, черно-белые фотографии в рамках, стаинный полупрозрачный фарфор вперемешку с китайским посудным новоделом. Высокая кровать на ножках, покрытая ковриком «патчворк» из лоскутков. К слову, герани так и остались не политыми... Поэтому пришлось идти еще и на следующий день.

Бабки перед домом осуждающие качали головами.

— Кот из дома, мыши на стол, — говорили они. — Вот вернется Аня, все ей расскажем.

Ну, это остроумный Валера так изображал Олеиньке бабкинские разговоры.

И еще — в Лялином переулке Оля была переименована в Лялю. Ведь так звали Оль до революции. Ляля, Леля.

На работе не понимали, почему это Валерий Алексеевич стал вдруг Нефедову называть Лялей. Скажет: «Ляля Нефедова» — и смеется.

— Наверное, крыша от жары поехала, — отрезала бухгалтерша Валя. Она была резкая, Валя.

Валера встречался со своей Лялей в Лялином переулке месяц. Почти каждый день — за исключением выходных. И попался уже так крепко, что начал даже подумывать о разводе.

— Всюду жизнь, — глубокомысленно комментировала бухгалтерша Валя. Коллеги заметили служебный роман... Но Валеру это не огорчало. Слишком он был счастлив в Лялином переулке.

В ту памятную пятницу никак не могли расстаться, наговориться, нацеловаться. Впереди были выходные — Валера с женой и сыном уезжал на дачу и, значит, Олеиньку он не увидит до понедельника. Долго сидели во дворе (был поздний вечер, и скамейка была свободна). Потом гуляли по московским улочкам. Порыв страсти кинул Валеру в темную арку. Прижал там Олечку, горячо шептал: «Не отпушу, не отпущу... Лялечка моя...»

— Это кто тут такой борзый? — компания каких-то мрачных личностей возникла рядом совершенно неожиданно. Три здоровых мужика. Агрессивные. Ищут приключений.

— Ребята, ну ладно, что вы... Мы вас не трогаем. И вы нас не трогайте. — Валера был сам неприятно удивлен тем, что голос у него вдруг стал тонким, каким-то козлиным, просительным.

— Тебя не тронем. Вали отсюда. А девчонка с нами пусть погуляет. — Похожий на шкаф мужик оттолкнул Валеру и схватил Олю за тонкое запястье. Валера почувствовал такой липкий страх, который неожиданно сковал его. Ни пошевельнуться, ни дать отпор, ни даже убежать...

— Ах ты урод! — Маленькая Олеинька, Лялечка, неожиданно закричала так зло и резко, что «шкаф» отпустил ее. — Милицию сейчас вызову! Мой папа — боевой офицер!

В ней было столько искренней ярости, что мужики как-то оторопели. «Боевая девчонка, молодец, мы только попугать хотели», — что-то такое пробормотали и исчезли в темноте.

А Валерин позор, ясное дело, остался. До метро шли молча.

— Лялечка, давай забудем этот эпизод, как будто ничего не было, — сказал наконец Валера. — Я слабак, растерялся, а ты молодец... Ты такая сильная...

— Я не Лялечка, я Оля, — ответила она. — Ну все, пока.

Чмокнула в щеку и убежала по лестнице вниз — в метро.

Больше они никогда не виделись. Она взяла отпуск, а потом уволилась.

— Ушла любовь, завяли помидоры, — сказала бухгалтерша Валя.

...Валера допил кофе, расплатился.

Заглянуть в Лялин переулок?! Посмотреть этот дом и памятник Жуковскому? Но как-то душно сегодня в Москве. Душно, жарко и пыльно.

Так душно Валере, что трудно дышать. И першит в горле.

ПЛАНЕТА СТРЕКОЗА

Михаил, или Мишутка, как ласково называла его мама, каждый день просыпается в восемь утра. И сразу прилипает к окошку. Потому что в восемь пятнадцать из подъезда выбегает она — светловолосая худенькая девочка. Самая красивая девочка на свете. Обычно ее ждут две подружки — толстая рыжая и мелкая, с прической, как у встрепанного воробья. Иногда — какая-нибудь одна из них. Весело размахивая рюкзаками и пакетами, девчонки уходят в школу. Самая красивая девочка на свете — Мишутка мысленно называет ее Стрекозкой, — идет легкой танцевальной походкой. Сейчас весна, и на ней высокие лиловые резиновые сапожки на каблуках. Представьте, даже резиновые сапоги на ней смотрятся как бальная обувь, и из-за лилового цвета, и из-за этих каблуков, но, главное, потому что идет она походкой балерины. Слегка кружась, жестикулируя, корча забавные рожицы... Когда девчонки скрываются за углом дома, Миша тяжело вздыхает. У нее сейчас продолжается ее веселая и необычная жизнь, а у него начинается долгий период ожидания — когда же она вернется обратно. Да, он почти поминутно изучил ее расписание, знает, что после школы она переодевается в домашние шорты и футболку с надписью «Поцелуй меня» (О! Я бы с радостью, с радостью...). Дома она не носит тапочек, хотя мама и настаивает, а бегает обычно в белых носочках по полу. Ее компьютерный столик стоит у окна. А окна с квартирой Миши стык в стык, секции их дома находятся под углом друг к другу, только он живет на четвертом этаже, а она на третьем. Поэтому ему отлично видно и комнату Стрекозы, и кухню, и он знает про нее столько, сколько не знают ее роди-

тели. У нее черный кот и младший брат, с которым она иногда страшно ругается, но чаще весело хохочет, дерется подушками и играет в игру, где надо ставить фигурки крошечных животных друг на друга, так, чтобы пирамида не завалилась. У кого завалится, тот проиграл. Выигрывает обычно Стрекоза, и брат очень сердится и фигурки расшвыривает по всей комнате. Ей это безразлично. У Стрекозы в комнате восхитительный беспорядок, такой, который может позволить себе красивая девочка семнадцати лет. Лифчики, медвежата, носочки, книжки валяются везде. На полу и на подоконнике. Кстати, о подоконнике. Она обожает сидеть на подоконнике, лениво выглядывая во двор, что-то при этом поедая из пакетика (чипсы? конфеты? орешки?) и ни на минуту не расстается с розовеньким телефоном. Наверное, пишет сообщения и получает ответные. Потому что иногда вдруг неожиданно закидывает голову и начинает хохотать. Миша очень любит эти ее «подоконниковые» посиделки, потому что тогда, во-первых, она находится к нему необыкновенно близко, а с другой стороны, есть возможность, что она заметит его. Она и замечает (такие верткие стрекозки всегда замечают направленные на них взгляды), но ответной радости не проявляет. Хотя однажды — это был февраль — она лениво махнула ему рукой с яркими ноготками. Но Михаил настолько от этого остолбенел, что даже не ответил... Так и смотрел, как соляной столп. А потом всю ночь не мог уснуть и все вспоминал и этот ленивый взгляд, и легкое движение тонкой руки. Она много танцует. Музыку Миша не слышит, но видит, как ловко, ритмично она движется по комнате, энергично взмахивает головой — и длинные волосы разлетаются как водопад. После ее танцев он тоже всегда плохо спит... Он наблюдает за Стрекозой уже почти год. Знает про нее очень много, и не знает ничего. Она — самый близкий человек для Миши. Его звезда, его надежда, его магнит. «Я живу на планете «Стрекоза» — написал он на своей странице в Твиттере. Хотя, конечно, еще есть мама... Но мама не планета Стрекоза, она — планета Земля для Миши. Для Мишутки — ведь для мамы он всегда Мишутка. И до, и после аварии, которая сделала его навсегда недвижимым, прикованным к инвалидному креслу. Миша знает, что такая, как Стрекоза, никогда не заинтересуется им, изуродованным, переломанным. Он не нужен планете Стрекоза. Только планете Земля. Земля все понимает и каждое утро, без десяти минут восемь, помогает ему сесть в инвалидное кресло и подвозит к окну.

— Ну все, малыш, я пошла тебе завтрак готовить, — говорит Земля.

И тихо уходит.

Мишутка ее не слышит — он весь в ожидании Стрекозы с танцующей походкой. Вот уже и рыженская толстуха подошла... Значит, совсем скоро хлопнет подъездная дверь и он ее увидит. И для этого стоит жить.

Только для этого.

МОЯ ЛЮБИМАЯ БАБОЧКА

Яркий шелковый халатик забился в самый дальний угол шкафа. Юлька достала его, уже совсем позабытый, погладила гладкую ткань. Закрыла глаза и вспомнила, как мужчина ее жизни смеялся: «Юлька, да ты — бабочка! Эти шелковые пестрые крылья, эта легкость!» И подхватывал на руки ее, в общем-то, уже не первой молодости и не самой хрупкой комплекции. Юлю никто не называл бабочкой, несмотря на то, что был в ее жизни и довольно счастливый брак, так же счастливо изживший себя, и несколько необременительных романов.

Она и не думала, что в сорок лет встретит такого вот мужчину. С недостатками, с резким характером, с богатым прошлым. Но — такого живого и такого настоящего. Почему в нашей жизни так мало настоящего? Все заменил суррогат «со вкусом натурального». Йогурт со вкусом клубники, стиральный порошок с запахом тропических цветов, молочный продукт вместо молока. А он — этот мужчина — был не суррогат. Честный и открытый. И к Юле он подошел первым, и сказал, что она ему интересна. Интересна — это как? Они отдыхали в санатории на Черном море. У него было больное сердце. У Юли — подвернулась горящая путевка. Он был старше, но Юля не замечала разницы в возрасте. Она никогда не считала себя красавицей, но с ним была именно любимой бабочкой, легкой и воздушной, и ее не смущали уже складочки на боках и маленькие морщинки в уголках глаз и другие незначительные отметины времени. Как будто время повернуло вспять и они стали молодыми и влюбленными. Ездили в Сочи и на Красную поляну, поднимались к уникальным дольменам. До знакомства с мужчиной своей жизни Юля не знала ничего о дольменах. Камни и камни, неизвестного происхождения. То ли гробницы, то ли ритуальные сооружения. Но Алексей (его звали Алексей) знал, казалось, обо всем на свете. Карабкались на гору, бродили по заброшенному яблоневому саду. Среди яблонь были раскиданы эти самые дольмены. Они — магические. Если подберешь дольмен правильно, то он даст тебе энергию и даже исполнит желание. Юля прижалась к холодному камню и почувствовала, как из него пошло таинственное тепло. «Пусть этот мужчина всегда будет со мной! Мне так с ним хорошо!» А что загадывал Алексей? Он смеялся и бесконечно фотографировал. А потом исчез в колючих кустах ежевики и появился с ладонями, полными черных спелых ягод. «Это тебе, моя любимая бабочка! Со мной ты всегда будешь питатьсяnectаром!»

Вечерами сидели на галечном пляже. Не Лазурный берег, не побережье Коста-Бравы. Никаких тебе скамеек и велодорожек вдоль моря. Но сколько же было в этих вечерах счастья и наполненности!

Тихо шептало море: к вечеру оно всегда успокаивалось, казалось, засыпало и во сне сладко и мерно дышало. Спускалась прохлада. Юля клала Алексею голову на плечо, и сама начинала дремать от этой

умиротворенности, чувства защищенности и небывалой раньше неги. Счастье. Это было оно. То настоящее, которое ни с чем не спутаешь.

Они были из разных городов, но там, на черноморском побережье, это казалось совсем неважным. Что такое двести километров в наш век информационных технологий? Юля настолько ощущала его «своим», что была уверена — это навсегда. Поэтому не было слез при расставании. Было только ожидание будущего, совместного, конечно. Юля уезжала на три дня раньше и ждала: сначала звонка, потом письма. Она не брала его координат. Дала свои. Была уверена, что позовонит. А он — исчез. Просто исчез из ее жизни. Банально и глупо.

Осенью стало совершенно понятно, что для него это был просто мимолетный роман, летнее приключение. Почему женщины все воспринимают так серьезно? Юля закрывала глаза и вспоминала ягоды ежевики в ладонях, смеющиеся голубые глаза и седой ежик волос. К зиме боль утихла. А сейчас вот выпал этот полузабытый цветастый халатик из шкафа. Юля смотрела на него и неожиданно для себя поняла, что нет у нее уже обиды на Алексея. За двадцать санаторных дней он дал ей столько счастья и полноты жизни, сколько не было за целую жизнь. Ведь счастье не измеряется днями. А чем? Запахом моря, ощущением полноты жизни, нежностью и чем-то еще, необъяснимым. Чувством того, что ты — любимая яркая бабочка. Пусть и ненадолго.

* * *

Когда летом, на перроне, он посадил Юльку вагон, то вдруг почувствовал: они больше никогда не увидятся. «Юлечка, стой! Стой!» — закричал Алексей и побежал за поездом. Юля не понимала, что он кричит? Улыбалась за стеклом и махала. Поезд набирал ход. Бежать было тяжело: жара, да и возраст тоже не юношеский... Вдруг тяжело сдавило грудь. Он осел на заплеванный семечками асфальт. Сердце так колотилось, что, казалось, сейчас выпрыгнет и понесется вслед за поездом, поскакет, как детский мячик, стукнет в окошко к ней, любимой, уже далекой, деловито пристраивающей свою сумочку на верхнюю полку.

— Мужчина, вам плохо? — наклонилась над ним какая-то женщина. И разобрала только непонятное: «Бабочка моя любимая...»

Вокруг лежащего на перроне Алексея быстро собралась толпа зевак. Прибежала станционная докторша, грузная, недовольная.

Помочь она уже ничем не могла.

ДО-РЕ-МИ-ФА-СОЛЬ-ЛЯ-СИ

Алла Сергеевна, скромная учительница музыки, не считала себя красавицей. Наверное, так оно и было, — современные каноны диктуют совсем другой стереотип эффектной женщины. Алла глядела на се-

бя в зеркало и тяжело вздыхала. Во-первых, не молода. Раннепенсионный возраст. Пятьдесят с хвостиком. Полненькая, одевается по-теткински. Во-вторых, она была совсем невысокая, полтора метра ростом. Ну, плюс каблуки пять сантиметров. На каблуки вставала только на работе, чтобы не смотреться рядом со своими высокими ученицами «шпинделем». «Шпинделем» в детстве Аллу называла бабушка Тамара. О, Тамару Николаевну звали с восхищением «Царицей Тамарой» — за стать, за черные огромные глаза... Она была актрисой Пермского областного театра. Играла Грушеньку в «Братьях Карамазовых» и Нину Заречную. Главные роли! Замужем, только официально, была пять раз. До глубокой старости считалась удивительной красавицей, так себя и несла — гордо и даже высокомерно.

Аллочка с отцом приезжала к Царице Тамаре в Пермь всего несколько раз. Она не была традиционной бабушкой с пирожками и вязальными спицами. У Тамары всегда были какие-то дела, поклонники, премьеры, авторские вечера... Свой вердикт относительно маленькой пухленькой Аллочки в льняных кудряшках Тамара вынесла сразу, окрестив насмешливым «Шпинделем». А Алла Царицу Тамару боготворила. Для нее она была сказочной королевой, сошедшей со страниц любимых книжек. Тамаре было уже за шестьдесят, — а она по-прежнему ярко подводила губы алой помадой, носила дома туфли на высоких каблуках, курила прямо в спальне и еще — у нее имелся шелковый пеньюар в сиреневых розочках. О, этот пеньюар, который она небрежно накидывала на покатые плечи! Сквозь него обозначалась кружевная же ночная рубашка с глубоким вырезом. На груди лежало украшение темного серебра с капельками бордового граната.

Затаив дыхание, Аллочка слушала взрослые разговоры, прерывающиеся грудным смехом Царицы Тамары. Как она хотела стать такой же — роковой, страстной! Но, увы, не стала.

Родители Аллочки развелись, когда она пошла в первый класс. Больше она не видела никого из родни отца. Так случается — не всегда люди могут разойтись по-доброму... Бабушка осталась в Аллочкиной памяти несомненной красавицей, звездой. Ассоциировалась с мехами, приторным запахом «Красной Москвы», сигаретным дымом и шелковым пеньюаром. Ни отец, ни Тамара Аллочкиной судьбой больше не интересовались. Правда, когда Алле исполнилось восемнадцать лет, ей передали подарок от Царицы Тамары: серебряное колье с гранатами, то самое, из детства... Никакой записи, пояснения. Просто — колье, завернутое в батистовый платочек. От платочка слабо пахло «Красной Москвой». Алла хотела сорваться в Пермь. Поехать, разыскать Тамару и отца... Но мать объяснила: отец давным-давно живет за границей, а бабушка умерла два года назад. Почему об этом не сказали Алле? А смысл, ответила мать. Ты для них отрезанный ломоть. Ты — не их породы.

Понятно, шпиндель, горько усмехнулась Алла.

Но все равно мечталось: станет и она роковой. Достойной гранатового колье Царицы Тамары. Для этого нужно было главное составляющее: большая любовь. Ну, еще успешная карьера, скорее всего — актерская. Но с актерством, как говорится, не покатило. Алла поступила в Гнесинку. Не театральное, но все же близко к миру искусства... Стала, правда, обычным преподавателем музыки. До-ре-ми-фа-соль-ля-си, кошка села на такси... Так пели гаммы дети. Одни ученики вырастали, их сменяли другие. Шутка про кошку оставалась прежней.

С любовью тоже как-то не вышло. Кто-то не проходил строгий фейсконтроль Аллиной мамаши, кто-то не нравился Аллочке. Годы шли. Дети разучивали гаммы. Аллочка из кудрявой милашки превратилась в «чайничек» — невысокая полная фигурка с выпирающим животиком. Рассматривала себя придирчиво в зеркало и закручивала на голове старомодную прическу. Стирала накрашенные губы. Ну, куда ей — шпинделю — до Царицы Тамары... Гранатовое колье лежало в верхнем ящике письменного стола, завернутое в белый батист. Запах «Красной Москвы» выветрился. Надевать колье было абсолютно некуда...

Этот мужчина, Алексей Степанович, был ей знаком половину жизни — двадцать пять лет. Как въехала в маленькую квартиру в Северном Измайлове. Он был старше и женат, и дети были. Они даже занимались музыкой с Аллочкой. Частные уроки. До-ре-ми... далее по тексту. Алексей Степанович был, что называется, из простых. С Аллой у них сложились вежливо-дружеские отношения. Все в руках у Степаныча, как звали его в доме, горело. Мог и машину починить, и розетку перенести. И набойки на каблук сделать. Шутил, смешил. Внешне — забавный. С копной кудрявых волос, абсолютно белых, седых. Пронзительно-голубые глаза, высокая нескладная фигура. Сам и огурцы солил, и даже умел варить варенье. Его жена, вечно недовольная всем и постоянно болеющая тетя Наташа, даже никогда не ходила в магазин и не умела передать показания счетчика за электричество. Просто есть такие мужчины, которые занимаются дома всем... Степаныч был из них. Он любил громко петь, и Алла всегда улыбалась, слыша со своего балкона абсолютным музыкальным слухом фальшивое пение хитов шестидесятых. Степаныч был ангелом-хранителем этого дома в зеленом и тихом районе; летом высаживал небольшой садик перед детской площадкой, что-то мастерил, пел. Но на героя романа, понятно, не тянул никак. Алле он казался, скорее, добрым домовым. Вернее — подъездным...

Она была нескованно удивлена, когда однажды, сентябрьским теплым вечером, он встретил ее после работы у подъезда. И подарил букет разноцветных георгинов. Алла растерялась. А Степаныч сразу взял быка за рога и перешел к деловому предложению. Если, конечно, можно назвать «деловым» предложение

руки и сердца... Ему было за шестьдесят, ей за пятьдесят. У него — взрослые дети. Жена Наташа умерла в прошлом году. Он устал от одиночества. Он хочет заботиться о ком-нибудь. Впрочем, что говорить — не о ком-нибудь абстрактном, а о ней, Аллочке. Вполне себе конкретной. Она ему давно нравится. И он весь готов пасть к ее маленьким ножкам. Да, еще. Жить будут у Аллы: у Степаныча дочь мыкается по съемным квартирам, а должен вот-вот появиться внучок. Свою квартиру отдаст дочери. Так что?

Алла не знала, что и сказать. Ей хотелось смеяться и плакать одновременно. Она представляла, что бы сказала Царица Тамара на такую вот «выгодную партию»... Высокий седой слесарь согнулся в поклоне к маленькой полной женщине. И дарит какие-то георгины, а не роскошные бордовые розы... Эх, шпиндель, шпиндель! Алла сказала, что это невозможно, просто невозможно. И добавила: это смешно.

Но Степаныч оказался человеком настойчивым. И уже через месяц переехал к Алле Сергеевне. Конечно, он не превратился в сказочного принца. Ну, не бывают принцы кудрявыми седыми слесарями с нелепыми шутками... Но Алла подумала — а для кого ей, собственно, себя беречь? Что ее ждет впереди? Одинокая старость. Звучит ужасно.

Жили — привыкали друг к другу, притирались. Однажды пошли вместе в торговый центр. Степаныч нес пакеты с продуктами. Уже на выходе из магазина увидела витрину секции с женским бельем. На манекене был надет пеньюар — полупрозрачная ткань, мелкий цветочек. Шик. Женственность. Со смехом рассказала Аллочке Степанычу, как мечтала когда-то стать фам фаталь. Носить пеньюары и бриллианты. Блистать на сцене... Степаныч хмыкал в усы.

А потом, когда привез Аллочку с пакетами домой, отлучился «на пять минут, сударыня моя раскрасивая». Вернулся с фирменным пакетом, в котором лежал тот самый пеньюар.

Алла заплакала. Ну, куда ей пеньюар?! Полупрозрачное кружево, тонкий аромат будуарного разврата. До-ре-ми-фа-соль-ля-си, кошка села на такси.

Но Степаныч настаивал: примерь! И она сдалась. Пеньюар оказался как боярская доха — просторный и длинный, он скрадывал лишние килограммы, Алла показалась себе даже выше росточком. Надела каблуки. Вышла в маленький коридорчик — там висело зеркало в пол. Степаныч захлопал в ладости.

— Красавица моя! Крошка. Смотри, что я тебе еще прикупил...

И достал непонятно где припрятанную шляпку. По тулье — сиреневые искусственные цветы.

Алла смеялась. Степаныч, бедолага, и не знал, что пеньюар носят в спальне, а соломенную шляпку — на курорте. И вместе они ну никак не сочетаются.

Но — такой уж был день. Сочетать несочетаемое. Эклектика.

Поэтому Алла пошла в комнату и достала бабушкин подарок — то самое гранатовое колье.

Ей казалось, Царица Тамара одобрила бы сейчас ее. Кто решится так круто изменить свою жизнь на кануне пенсии? О, несомненно это Тамариньи артистические корни. Пеньюар вкупе со шляпкой, тяжелое старинное украшение, немолодой и немного нелепый седой мужчина с веселыми глазами. Настоящий принц. Алла ждала его всю жизнь...

ЧЕТЫРЕ ОШИБКИ В СЛОВЕ «ЁЖ»

Санаторий в Партените — небольшом поселке, раскинувшемся прямо у подножия горы Аю-Даг, — встретил меня равнодушно-приветливо. Только начался июнь, галечные пляжи были полупустыми. В море пришла «поземка» — холодное течение, и желающих окунуться практически не наблюдалось. Но томительно пахли южные розы, умиротворяющие шумели волны. Море — это чудо. Самое настоящее чудо... Кажется, я задремала, накрыв лицо широкополой соломенной шляпой. О шляпе скажу отдельно. Всегда мечтала иметь большую пошлую шляпу, украшенную какими-нибудь пластмассовыми вишенками! Глупая детская мечта осуществилась тем летом. Правда, вместо вишенок ее венчала полосатая морская лента. На мой взгляд, в этой шляпе и черных больших очках я была похожа на французскую киноактрису шестидесятых. Но из сладкой дремы на морском берегу меня вывел залп холодной воды. Я вскочила, шляпа упала на песок... Ее тут же подхватил ветер и покатил прочь. Прямо передо мной стоял ушастый пацан лет восьми. Он заливался хохотом, глядя на мое возмущенное лицо. Я ему не казалась похожей на французскую актрису... Мою шляпу поймал немолодой мужчина, похожий на седого льва. У него был смущенный и растерянный вид. Он аккуратно сняхнул со шляпы песчинки и осторожно положил ее рядом со мной на полотенце. Будто шляпа была живая и могла убежать...

— Не сердитесь на Егорку, пожалуйста, — голос у Седого Льва был тихим и вкрадчивым. Он по-прежнему боялся спугнуть мою морскую шляпу. — Он у нас необычный ребенок.

Я сказала — ну что вы, я не сержусь, но это было, конечно, неправдой. Вряд ли что-то может так вывести из себя, как мгновенное падение с небес на землю. А оно произошло, падение. Жесткое разжалование из касты французских актрис в мультишные персонажи. Потому что мужчина уводил своего непоседливого Егорку прочь, а тот все хохотал, оборачивался и кричал на весь пляж:

— Правда, тетя похожа на Черепаху из мультика про «Я на солнышке лежу»?!

И целил в меня из водяного пистолета. Попасть с такого расстояния он, конечно, не мог.

* * *

Седого Льва, необузданного Егорку и его красивую маму я увидела на следующий день на рынке.

Они покупали первую клубнику. И еще — персики. Женщина выбирала персики, так нежно прикасаясь к ним, что мне почему-то захотелось плакать. Наверное, я вспомнила, что так же бережно моя бабушка когда-то приносила мне в больницу персики; осторожно выкладывала на тумбочку перед кроватью, поглаживала их по бархатистым щечкам. Мне было пять лет, двусторонняя пневмония могла окончиться плачевно. Врачи так и сказали моим родным: очень запущенный случай, вероятен летальный исход. Бабушка не могла сдержать слез во время этих своих ежедневных визитов. Весь свой страх за меня, всю нежность вкладывала в свои посыочки. Наверное, было и что-то другое, — но запомнились именно персики. Где, откуда она брала их в начале декабря в заснеженной Москве восемьдесят третьего года? Потом, когда меня все-таки «вытащил» замечательный, вечно грустный врач с рыжей бородой, бабушка сказала чуточку надменно: «Витамины делают чудеса». Она не знала, моя бедная бабушка, что, как только за ней закрывалась дверь, мою кровать обступали соседки по палате — старшие девчонки.

— А ты персик будешь? — спрашивали они. — А нам дашь?

— Я не люблю персиков, — говорила я малодушно. — Берите все!

Мне так хотелось купить дружбу этих девчонок, которые казались совсем уже взрослыми. Разве можно было пожалеть для них каких-то персиков...

Но навсегда у меня закрепилось в памяти нежное сияние бархатистых прелестных персиков, кажется, светящихся изнутри. Они хранят для меня тепло любимых рук, надежду на выздоровление и память о чудесном спасении. Я даже думаю, что райские яблоки в Эдеме были на самом деле персиками...

Женщина — мать Егорки — была немолода, но очень хороша собой. У нее были темно-золотые волосы, собранные в тяжелый пучок на затылке, покатые плечи и тяжелые бедра. Наверное, ее можно было бы сравнить с древнегреческой статуей. Например, с Венерой Милосской. Только, разумеется, с руками... Она бережно сложила выбранные персики в бумажный пакетик и протянула сыну. Егорка схватил пакетик и прижал к себе. Седой Лев ласково положил ему руку на голову. И тут Егорку неожиданно охватил приступ самой настоящей ярости. Он швырнул свою ношу на землю, персики раскатились в разные стороны... Вскрикнула возмущенно продавщица — как раненая чайка. Венера Милосская бросилась обнимать мальчика, успокаивать его, а он не желал успокаиваться. Он тоже упал на землю, и катался, и рыдал, выкрикивая какие-то ругательства...

«Ненормальный какой-то», — подумала я. И ушла прочь. Смотреть на безобразную картину было неприятно.

Потом я столкнулась с ними по дороге в санаторий. Мальчик, улыбающийся, довольный, нес новый пакетик с фруктами. В руках у женщины был большой букет роз. Седой Лев узнал меня и поздоро-

вался как с хорошей знакомой. Любезно предложил донести мою сумку и представился:

— Игорь. А это моя жена Лола. Егорушку вы уже знаете...

Лола улыбнулась мне так открыто и радостно, будто мы были с ней знакомы сто лет.

— Я так рада! — Она дотронулась до моего локтя, и я почувствовала тепло ее загорелой руки. — Мы собираемся завтра на катере в Янтарную бухту. Поеедемте вместе! Чем больше народу, тем веселее. Егорка так любит новые лица! И мы с Игорем будем очень, очень рады.

Так мы познакомились и даже подружились. Этот отпуск мы были неразлучны. Почему-то Лоле и Игорю хотелось разбавить свою компанию кем-то еще. Этим «кем-то» оказалась я. Мне было понятно — их связывает какая-то тайна. Лола открыла мне ее уже практически перед самым отъездом домой.

— Егорка — наш приемный сынок. Только не подумай — мы его любим как родного. Он самый мой дорогой, самый любимый человечек... И Игорь тоже его очень любит. Только вот...

А потом последовал долгий и грустный рассказ. О том, что их с Игорем трудное счастье — поздняя любовь — случилась, когда Лоле было уже сорок восемь, а Игорю пятьдесят шесть. И да, они разбили свои семьи, сделали несчастными «тех людей». У Игоря осталась взрослая дочь. Там уже и внуки есть. А у Лолы детей не было, но была своя трагедия: бывший муж — военный — застрелился. Кто бы мог подумать, как в каком-то дурацком романе прошлого века. Просто он выпивал, этот бывший муж, неудачник и балабол. И Лола никогда не думала, что он в состоянии осуществить угрозу. Лола даже смеялась над ним: цитировала нараспев «Вяннет лист, уходит лето, иней серебрится. Юнкер Шмидт из пистолета хочет застрелиться». А он взял да и застрелился по-настоящему. Вот тебе и юнкер Шмидт...

Чувство вины было ужасным. Игорь взял билеты на самолет и отвез ее на море, как раз сюда, к подножию горы Аю-Даг. Вам не кажется ведь, что это медведь пьет воду из моря? Многие улавливают сходство горы с медведем, но нет, по-моему, это просто зеленый холм.

Лола рассказывала о том, как заплывала далеко в море, чтобы быть совсем-совсем одной. Ложилась на спину, раскидывала руки крестом и так лежала подолгу, глядя в небо. Ее длинные волосы расплетались и растекались по поверхности воды. Она плакала от невыносимого чувства вины перед своим юнкером Шмидтом, перед немолодой женой Игоря, которая конечно же теперь одинока и проклинает ее — разлучницу. Иногда Лоле казалось, что это она наплакала целое море слез. Иначе почему вода такая горько-соленая? От слез наступало бессилие и безразличие. Она с трудом выбиралась на берег, а заботливый Игорь ее терпеливо ждал, сидя на лежаке. Смешно и странно — такой сильный и мужествен-

ный Игорь не умел плавать. Только заходил в волны возле берега и обтирался морской водой. С берега он внимательно вглядывался в блестящую рябь и начинал радостно махать обеими руками, когда Лола брала курс к берегу. Он набрасывал ей на плечи сухое полотенце и осторожно промакивал длинные волосы. «Русалка моя, совсем замерзла!» — говорил Игорь. Потом доставал бутылку с красным душистым вином: «Сейчас согреемся!»

И действительно — согревал. Больше всего Лоле было непонятно, как ей удавалось совмещать полное несчастье с абсолютным же счастьем. Только что она готова была наплакать целое море слез от собственной вины и безысходности. И вот — приорный аромат роз, горячий песок и поцелуй. Она была уверена, что никого не любила так, как Игоря. Сильнее любить просто невозможно. А любить меньше — бессмысленно. После того как хлебнешь настоящего душистого вина из спелого винограда, никогда уже не будешь пить порошковую бурду из пакета.

Однажды она заплыла в море — были сильные волны, и Игорь волновался и не хотел ее отпускать, но Лола была упрямая. К тому же она прекрасно плавала. Но в этот раз ей не повезло. Опасения Игоря оказались не напрасны. Она заплыла в море, но не могла выплыть. Море крутило ее, как в стиральной машине, засасывало на дно и выплевывало на поверхность. Лола выбилась из сил и уже не верила, что сможет выбраться. Вот она, расплата... Она тонула в горьких слезах брошенной жены Игоря и застрелившегося юнкера Шмидта. В слезах своих нерожденных детей и всех тех, кого незаслуженно обидела. А потом неожиданно ад прекратился, и наступил покой. Ей показалось, что море успокоилось и она поднялась на поверхность — как Русалочка в сказке Андерсена; по золотым солнечным лучам она летит на верх, к облакам. Там ее встречает юнкер Шмидт и седой старик с длинной белой бородой. «Тебя уже заждалась девочка», — сказал старик. — Ты должна спасти ее... Ты ей нужна».

Очнулась Лола на берегу. Ей делал искусственное дыхание спасатель, вокруг толпился народ и бегал бедный Игорь, бледный, как лепесток белых роз, тех, что он подарил ей утром...

Она рассказала Игорю о своем странном видении, и они сошлись на том, что видела Лола, ни много ни мало, Бога и другой мир. И юнкер Шмидт, стало быть, тоже уже там. Значит, он Лолу простил, и, значит, хватит лить слезы понапрасну. Надо сделать доброе дело — спасти девочку... Умный Игорь сказал, что это значит — усыновить девочку из детского дома. Она заждалась, бедная сиротка. А у них есть и средства, и силы. А любви вообще целый океан. Можно и поделиться.

Лола легко согласилась и, вернувшись в Москву, они начали собирать документы для усыновления. Хотели взять девочку, как велел седобородый старик. А пришли в первый же детский дом, и сразу к ним

подбежал мальчик. Лохматый, ушастый, большеголовый. Смешной мальчик. Подбежал к Игорю и уткнулся головой ему в колени.

— Наш, — сказала Лола. — Давай возьмем его...

Мальчика звали Егорка. Казалось, сейчас-то и начнется настоящее счастье.

— Ищешь счастье, приобретаешь опыт. Иногда думаешь: вот оно, счастье! Ах нет, опять опыт, — смеясь нежным своим смехом, сказала мне Лола. Я незаметно записала в блокнотик: надо же, как точно! Все мы ищем счастье, приобретаем опыт...

Медицинская карта Егорки оказалась толстой, как Большая Советская Энциклопедия. Неврологические заболевания, гипертонус, сильнейший диатез, скачки температуры. Заснуть мог только под включенный телевизор, ведь в детском доме никогда не бывало абсолютной тишины. Прятал под подушку сухари, съедал по три порции. Не умел читать и даже не знал букв. Через трудности прорвались вместе, как через ельник за красноголовым подсолновичком. Так бывает — видишь вдали яркую шляпку гриба, но, чтобы добраться до него, обдерешь всю кожу, в волосах запутаются цепкие веточки, упадешь не раз... Главное — видеть цель. Лола и Игорь цель видели. Они так хотели стать семьей... Доказать всем, и себе в первую очередь, что все было не напрасно.

И Егорка ожил, расцвел. Стал нормальным домашним ребенком. Только вот эти неожиданные вспышки ярости... Никогда не знаешь, когда вдруг начнется припадок. И что разозлит пацана на этот раз.

— Знаешь, это ведь не просто так. — Лола не смотрела мне в глаза. — Та женщина... его биологическая мать, ну, понимаешь, она пыталась от него избавиться. Травила его окситоцином, моего бедного мальчика. Мальчика моего ушастенького. Тварь.

И Лола заплакала — впервые за весь этот трудный разговор.

А потом я уехала из санатория. Закончился срок моей путевки, а Лола и Игорь оставались еще на несколько дней. Они пришли провожать меня к автобусу всей семьей. Мы обменялись телефонами и электронными адресами и расставались практически как родные люди. Все-таки случайные встречи иногда поражают зашкаливающей честностью и откровенностью. Загорелый и веселый Егорка подбежал ко мне и повис на шее. Я подарила ему свою соломенную шляпу — ту самую, широкополую, потому что он мечтал оторвать с нее полосатую морскую ленточку и повязать на руку. Мне шляпа в городе была ни к чему... А Егорка сунул мне в руку зеленый полупрозрачный камешек. «Это изумруд», — сказал Егорка. Я знала, что это простое бутылочное стекло, обкатанное морем. Но его ценность была равна не просто натуральному изумруду — целый сундук сокровищ я не променяла бы на этот щедрый Егоркин подарок. Из окна я махала им — святому семейству: красивой женщине с покатыми плечами, Седому

Льву и их маленькому непоседливому найденышу в огромной соломенной шляпе. Тут бы и поставить точку, заливвшись слезами умиления.

Но точка превращается в запятую. И пишется новый абзац.

Раздается телефонный звонок — совершенно неожиданно, спустя два года после того памятного отпуска.

— Узнала? — Лола говорила так уверенно, как будто мы с ней расстались максимум неделю назад.

Но, как ни странно, я сразу узнала ее хрипловатый голос.

— Я сейчас как раз на твоих «Красных воротах», по делам... Может, пересечемся?

Мы встретились в кафешке и заказали капучино с белой пенкой и по эклеру. В кафешке, именуемой «французской», удивительные эклеры.

Лола показывала мне на экране телефона фотографии своего Егорки — он очень вырос! Волосы так потемнели... Рассказывала о его достижениях. Егорка очень хорошо плавает, тренер даже видит в нем олимпийский потенциал. Завели собаку. Егорка с ней сам гуляет утром и вечером. Это очень дисциплинирует. И те вспышки ярости... Они проходят, как только щенок бросается к нему и начинает лизать лицо. Психотерапевт так и говорил, что собака поможет. Вот, помогло.

— А что Игорь? Не гуляет с собакой? — спросила я, почему-то с трудом вспомнив имя Седого Льва. Все-таки много времени прошло...

— А Игорь ушел от нас. Знаешь, он не выдержал испытания. Да я его не осуждаю. Родные-то отцы не выдерживают. Он любил меня и предложил: давай его отдадим обратно в детский дом. Скажем — не справились. Ну, так ведь бывает, да? Отдают обратно. Как ненужную вещь... Но я сказала — между тобой и Егоркой я выбираю Егорку. И тогда он ушел. Вернулся к бывшей жене. Она его приняла. И знаешь, мне стало легче.

— Думала — счастье, а оказалось — опыт? — вспомнила я.

— Ага! Еще какой опыт. А самое удивительное, знаешь, что Игоря вывело из себя окончательно? Он тогда только пошел в школу, Егорка. И написал слово «ёж» с четырьмя ошибками. «Иошь». Вроде мельочь, а Игоря это просто вывело из себя. Когда уходил, он сказал: «Оставайся со своим иошем». Ну, я и осталась... с ежиком своим. Любимым ушастым ежиком.

Мы тепло попрощались и расстались. Может быть, навсегда. А может быть, когда-нибудь встретимся. И даже, вероятно, я буду когда-нибудь писать репортаж о новом олимпийском чемпионе по плаванию, учаством ежике Егорке. А может быть, наша встреча останется просто коротким рассказом. Да еще — чудесным изумрудом из бутылочного стекла, который до сих пор хранится у меня в выдвижном ящике со всякой ерундой вроде вязальных спиц и цветных карандашей.

Генеральный**директор**

Олег Болдырев

Художественный**редактор**

Татьяна Погудина

Цветоделение**и компьютерная****верстка**

Александр Муравенко

Заведующая**распространением**

Ирина Бродянская

Отпечатано

в АО «Красная Звезда»

Россия, 123007, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 2 000 экз.

Уч.-изд. л. 10,0.

Заказ № 5779-2017

Адрес редакции:

Россия,

107078, Москва,

Новая Басманская, д. 19

Телефоны**редакции:**

8(499) 261-84-61

отдела распространения:

8(499) 261-95-87

Факс:

8(499) 261-49-29

E-mail:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Сайт:

www.roman-gazeta-1927.ru

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.Отклоненные рукописи
сохраняются в течение года.**СОДЕРЖАНИЕ****Хелью РЕБАНЕ**

Мышь.....	1
Кот в лабиринте	2
Аристарх и ручная бабочка	4
Не все деревья одинаковые	6
Пустые ценники.....	8
Моя голова	10
Бабочка.....	12
Город-веретено	13
Стена.....	15
Естественный отбор.....	17
После	18
Неожиданный успех.....	19
Стадия улья	21
Кроссворд.....	22
Эксперимент Гессеринга.....	23
Странная игра	24
Ты не доедешь	25
Скелет	26
Sic transit	28
Запах марципана	32
Мария	35
Девушка и кот	36
Убить друга	37
Поворотная ночь.....	39
Зачем мы сюда приехали?	41
Талия	42
Его жена.....	43
Профессор и седьмая кошка	45
Волшебная помада	46
Сила комплимента	48
Всё самое лучшее	50
Чёрный силуэт.....	50
Аналитик	52
«Маленько кафе»	54
Избавление от ненужного	56
Дубай. Любовь.....	56
Поцелуй Франсиса Гойи	57
Незабудки в синей вазе, или Истина	57

Екатерина РОЩИНА

Четвертый шмель	59
Платон боится сквозняков	61
Фафик	63
Дюймовочка	64
Конек-горбунок	66
Небо расстегнулось	67
Чертова кукла	67
Щенки золотистого цвета	69
Седой паромщик	70
Лебедь № 8	71
Лялин переулок	72
Планета Стрекоза.....	73
Моя любимая бабочка	74
До-ре-ми-фа-соль-ля-си	75
Четыре ошибки в слове «ёж»	77

ПОРЯДОК ВЫДВИЖЕНИЯ:

1. Правом выдвижения на премию обладают только авторы.
2. Выдвижение работ в 2017 году осуществляется с 1 августа по 30 октября.
3. Из присланных на премию произведений формируется длинный список, который публикуется на сайте Учредителя и в СМИ не позднее 1 декабря.
4. Не позднее 15 декабря Жюри премии формирует список из пяти финалистов, который публикуется на сайте Учредителя и в СМИ.
5. За десять дней до проведения церемонии награждения Жюри премии выбирает одного или двух лауреатов.
6. Члены жюри могут голосовать как очно, так и заочно.
7. Решение Жюри считается окончательным и пересмотру не подлежит.
8. Члены Жюри не имеют права выдвигать свои произведения на премию.

Лауреаты премии объявляются в декабре.

При выдвижении на премию предоставляются следующие материалы:

1. Книжное издание в 2-х экземплярах.
2. Письмо в произвольной форме на имя Жюри премии за подписью автора, с указанием биографии, домашнего адреса, электронной почты, телефона.
3. Минимальный объём номинируемого произведения — 10 авторских листов.
4. Авторы, произведения которых уже попадали в длинный список, а также выходили в финал предыдущих лет, могут выдвигать свои произведения на премию повторно.
5. Присланные на премию произведения не рецензируются, представленные экземпляры произведения не возвращаются.
6. Электронный адрес премии:
vertikalxxi@yandex.ru
7. Книги на премию присыпать по адресу: 141411, Московская область, г. Химки, ул. Зелёная, д. 13, а/я 1158.

